

Коллективная монография

**ОБЩЕСТВО – ЯЗЫК - ГОСУДАРСТВО:
РЕТРОСПЕКТИВА И ПЕРСПЕКТИВА**

**SOCIETY – LANGUAGE - STATE: A
RETROSPECTIVE AND PERSPECTIVE**

**Бухара
Издательство «Дурдона»
2019**

УДК 81-114

81.2-5

О-28

Общество – Язык - Государство: ретроспектива и перспектива [Текст] : монография / К.Б. Шадманова. - Бухара : "Sadriddin Salim Buxoriy" Durdona nashriyoti, 2019. - 256 с.

ББК 81.2-5

Коллективная монография рекомендована к печати Ученым советом Бухарского государственного медицинского института им. Абу Али ибн Сина (протокол N 2 от 27 сентября 2019 г.)

Научные редакторы:

Шадманов Курбан Бадриддинович

доктор философских наук, профессор (БухМИ)

Шермухамедова Нигина Арслановна

доктор философских наук, профессор (Уз НацГУ)

Рецензенты:

Хайитов Шодмон

доктор исторических наук, профессор (БухГУ)

Сариев А.Б.

кандидат филологических наук, доцент (БухМИ)

Монография, ареал авторов которых представлен Италией, Азербайджаном, Россией, Каракалпастаном и Узбекистаном, посвящена актуальным проблемам на перекрестках лингвистики, государственности и философии в синхронно-диахронной плоскости исследования. В частности, интересны статьи, посвященные широкому кругу наиболее актуальных философских, филологических, политических проблем, связанных с формированием новой глобальной реальности, т.е. вопросами модернизации, трансформации всех уровней исторического сознания, проблемами философии и методологии науки, образования, идентичности, духовности, государственного строительства. Созвучно с этим представлены статьи с оригинально-интересным практическим материалом по ареальным исследованиям Восток-Запад, становления отдельных терминосистем, языку как средству передачи знаний, опыту постсоветского развития государства, общества и культуры.

Книга адресована специалистам в области лингвистики и философии, государственного строительства, докторантам и студентам, а также широкому кругу читателей, интересующихся теоретическими и практическими вопросами формирующейся новой глобальной реальности.

ISBN 978-9943-5870-9-0

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	5
Английское Возрождение: трансформация философии понимания как фактор развития информационной культуры эпохи/ Шадманов Курбан Бадриддинович , док.филос.наук, проф., Бухарский государственный медицинский институт.....	6
Опыт постсоветского развития государства, общества и культуры/ Абасов Али С. , доктор философских наук, профессор Институт философии Национальной Академии наук Азербайджана, Баку, Азербайджан.....	35
Коррупция как социально-этическая проблема/ Бердимуратова Алима Карлыбаевна , доктор философских наук, профессор Каракалпакский государственный университет, Бердимуратов Наурыз Мамбет улы , МГУ им.Ломоносова, Москва.....	61
Социально-философские основания стиля научного мышления/ Шермухамедова Нигинахон Арслоновна , доктор философских наук, профессор, Национальный университет Узбекистана.....	78
От человека преодолевающего к культуре преодоления: онтологические основания./ Мацына Андрей Иванович кандидат философских наук, Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия.....	96
Технология интеллекта на практике: современный подход/ Ахаджон Насуллаев , доктор философии (PhD), Бухарский государственный медицинский институт, Бухара, Узбекистан, Рафаэлла Манзини , Университет Карло Каттанео, Кастеланза, Италия.....	131
Семантика слова в зеркале культуры/Рустамов Дилшодбек , доцент, доктор философии (PhD), Андижанский государственный университет, Андижан, Узбекистан.....	155
Названия узбекских национальных блюд как отражение узбекской национальной самобытности./ Раджабова Азима Темуровна , Бухарский государственный медицинский институт.....	174
Эвфемизация как лингво-культурное явление/ Рустамова Д. А. доктор философии (PhD), Андижанский государственный университет, Андижан, Узбекистан.....	202
Ментальные особенности психолингвистических и методических основ формирования грамматических навыков опознания и понимания форм прошедшего времени французского языка/ Бакаев Нажмиддин Бакаевич , кандидат педагогических наук, доцент, Бухарский государственный медицинский институт.....	224

CONTENTS

Preface.....	5
English Renaissance: transformation of understanding philosophy as a factor of the development of information culture of the epoch/ prof. Kurban B. Shadmanov, Doct. of Science (Philos.), Bukhara State Medical Institute, Bukhara, Uzbekistan.....	6
Experience of Post-Soviet development of the state, society and culture/ prof. Ali Abasov, Doct.of Science (Philos.), Azerbaijan Natonal Academy of Sciences, Baku, Azerbaijan	35
Corruption as a social and ethical problem/ Berdimuratova Alima Karlybaevna, Doctor of Science (Philos.), Karakalpak State University; Berdimuratov Nauriz Mambet Uli, Moscow State University.....	61
Socio-philosophical bases of the style of scientific thinking/ prof. Shermukhamedova N.A., Doctor of Science (Philos.), National University of Uzbekistan, Tashkent, Uzbekistan.....	78
The Journey from a Man of Overcoming to a Culture of Overcoming — ontological foundations/ Andrey I. Matsyna, candidate of science, assistant-professor, Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia.....	96
Technology intelligence in practice: a modern approach/ Akhatjon Nasullaev, Bukhara State Medical Institute, Bukhara, Uzbekistan, Raffaella Manzini, LIUC-University of Carlo Cattaneo, Castellanza, Italy.....	131
Semantics of the word in the culture mirror/ Rustamov Dilshodbek Abduvakhidovich. Doctor of Philosophy in Philological sciences (PhD), assoc. professor Andizhan State University.....	155
Names of Uzbek national dishes as reflection of Uzbek national identity/ Azima Radjabova, Bukhara State Medical Institute, Bukhara, Uzbekistan.....	174
Euphemization as a lingua-cultural phenomenon/ Rustamova Dilrabokhon Abdurahimovna, Doctor of Philosophy in Philological sciences (PhD), Andizhan State University.....	202
Mental features of psycholinguistic and methodological bases forming the grammatic skills of understanding and understanding the forms of the past time of the French language/ assoc. prof.Bakaev Najmiddin, Candidade of Science (Pedagogics), Bukhara State Medical Institute, Bukhara, Uzbekistan	224

PREFACE

This book is considered to be one of the first attempts of an international group of researchers in uniting their efforts to strive to consider issues devoted to actual problems at the crossroads of linguistics, sociology and philosophy in the synchronous-diachronic plane of research. In particular, the philosophical foundations of cognitive activity, the formation of a new integral world view and the problems of understanding semiotic reality in the history of the philosophy of the language, experience of post-Soviet development of the state, society and culture.

In accord with this, articles are presented with original and interesting practical material on regional research, the formation of individual terminological systems, and language as a means of transmitting knowledge. In separate articles, a new concept in the field of statehood is presented; on the basis of the thematization of the thinker, at the level of methodology, internal contradictions in the original foundations of philosophy are revealed.

The book is written for specialists in the field of linguistics, sociology and philosophy, doctoral students and those interested in the issues of lingual-philosophy of multicultural space, and offer the key to the amazing world of linguistics and philosophical meditations at the same time. Throughout the book one will discover interesting problems and solutions to serious points dealt with lingual-philosophical science in poly-cultural space of the XXI century.

We also want to express our sincere gratitude to our colleagues Shodmon Khaitov, Doctor of Science (History), professor of the Bukhara State University (Uzbekistan) and Guzel Vildanova, professor of the Bashkir state university (Republic of Bashkortostan, Russia) who read the book in manuscript and made valuable suggestions.

K. B. Shadmanov (Uzbekistan)

АНГЛИЙСКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ФИЛОСОФИИ ПОНИМАНИЯ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ ЭПОХИ

Шадманов Курбан Бадриддинович,
доктор философских наук, профессор
Бухарский государственный медицинский
институт

**English Renaissance: transformation of understanding philosophy as a
factor of the development of information culture of the epoch**

Kurban B.Shadmanov

Введение

Как известно, любая философская система строится на основе взаимосвязи понятий и категорий. Понятия же и категории, в конечном счете, представляют собою те или иные слова данного языка, возведенные в ранг философских понятий и категорий в силу практических потребностей науки.

Это требует от нас вначале анализа состояния английского языка конца XV - начала XVI веков. В этот период английский язык вытеснил латынь из широкой общественной жизни [4; 6-8;], хотя активное влияние латыни продолжало ощущаться в Англии до XVII века. Примечательно в этой связи замечание лорда Честерфильда в его письме к сыну (1739) о том, что по-настоящему образованный человек должен знать греческий и что "знать же латынь – не столь уж большая честь, потому что латынь знает всякий и не знать ее - стыд и срам" [5,с.9]. Томас Мор написал "Утопию" (1576) на латыни, многие сочинения Френсиса Бэкона также переведены им самим с английского языка на латынь с целью увековечения. Одной из причин этого является то, что английский язык XVI века все еще не был признанным языком науки и литературы. Этот вывод подтверждают сами представители эпохи: Френсис Бэкон, к примеру. Он пишет: "Мои труды, которые я раньше написал и которые теперь так хорошо переведены на латинский язык, слава богу, увековечены... Эти современные языки когда-нибудь обязательно обанкротятся..." [6, с.254].

В XIV веке наблюдалось отношение к английскому языку, как к несовершенному и, следовательно, недолговечному, который должен скоро обязательно исчезнуть, уступив место латыни или греческому. Ситуация была вполне понятной: английский язык еще не завоевал своих позиций в общественной жизни Англии. Латынь же продолжала оказывать сильное влияние на формирование общественных взглядов, на родной язык англичан, а потому английский считался "грубым", "необработанным", "несовершенным" и "лишенным изящества" по свидетельству самих же англичан. Такие высказывания встречаются у историка Уильяма Алмесберийского, Джона Скелтона, известного

английского поэта XVI века, и других. Еще в начале XVI века некоторые виднейшие английские ученые и писатели считали своим долгом извиняться за то, что они пишут на своем "варварском" английском языке, а не на латинском: Роджер Эшем (1545 "Стрелок"), Уильям Элдингтон (1566 "Золотой осел" - перевод с латинского). Ричард Иден (1562), Джорж Пейс (переводчик прозы, 1586) и др.

В XII-XIII веках нормандский диалект французского языка был государственным языком Англии, на нем писали художественные произведения и составляли государственные акты. Было еще одно обстоятельство отрицательного отношения англичан к своему родному языку - это взгляды на язык, господствовавшие в Европе и Англии в XVI-XVIII столетиях, в особенности две теории, согласно которым: а) язык - это отражение идеальной действительности, божественное установление, созданное по строгому и логичному плану; б) язык построен на основе "всеобщего разума". Эти две теории, однако, создавали своеобразную теоретическую базу для многочисленных патристических желаний улучшить английский язык, обработать его, сделать его таким же "совершенным", "элегантным" и "красивым", как латынь, греческий или французский. Прежде всего это желание проявилось, что вполне закономерно, в отношении к словарному составу английского языка того периода. Здесь и пуристы, и реформаторы языка были едины в своем стремлении и, в частности, к иноязычным словам, где наметились, как отмечают исследователи, три направления борьбы за совершенствование и чистоту языка в жизни Англии XIV-XVII веков (первое - отношение к иноязычным словам; второе - отношение к диалектным и областным словам и третье - отношение к просторечной лексике) - при двух подходах, полярных по своей сути. Сторонники одного считали: чтобы улучшить английский язык, его надо обогатить, расширить его словарный состав, языку должна быть дана полная свобода обогащения словарными единицами из других языков, особенно латинского, греческого и французского. Сторонники другой точки зрения, наоборот, видели путь улучшения словарного состава в сдерживании притока иноязычной лексики, ибо, как они считали, эта лексика засоряет язык, мешает ему использовать собственные внутренние ресурсы. К первым относятся - Уильям Кэкстон (английский первопечатник), Томас Элиот (писатель, переводчик, лексикограф, врач и дипломат), Уильям Кэмден (писатель, историк, антиквар), Джон Драйден (известный поэт, драматург и критик), Джорж Пэти (крупный переводчик того времени), Томас Бландевиль (автор книги "Искусство логики"), Томас Диггес (математик) и др. Ко вторым - Томас Уилсон (ученый, риторик, переводчик и государственный деятель), Джон Чик (проф. Кембриджского университета, специалист в области греческого), Ральф Лавер (автор известной работы "Искусство разума", 1573), Джорж Путтенгем (писатель и критик, автор книги

"Искусство английской поэзии", 1589), Сэмьюэл Даниэль (поэт и драматург, автор "В защиту рифмы", 1603), Бен Джонсон (знаменитый драматург, поэт и грамматист, автор "Древо или мысли о людях и делах", 1641) и др. Как видно из перечисленных примеров, диапазон профессий и сфер занятости авторов достаточно велик. Это свидетельствует о том, что довольно широкие круги английской интеллигенции, ученых - толмачей, философов и просветителей серьезно осмысливали языковую ситуацию своей эпохи.

В середине XVI века, как указывает известный американский лингвист Альберт Бо, оппозиция иноязычной лексике достигает высшей точки, а к началу же XVII века пыл борьбы двух лагерей нивелируется [8,с.265] и постепенно утверждается, что "английский язык достиг совершенства и оказался способным натурализовать много иностранных слов и что, благодаря этому он стал богаче, пригоднее для выражения различных мыслей [10;13;].

С XV века начинается особенно интенсивный поиск языкового стандарта, нормы. Две основные тенденции определяют развитие лексики английского литературного языка в этот период: 1) тенденция к максимальному обогащению словарного состава с помощью самых различных способов номинации, сопровождаемому явлениями избыточности; 2) тенденция к системному упорядочению лексического состава английского литературного языка. Первая тенденция теснейшим образом связана с экстралингвистическими факторами - потребностями в номинации огромного количества новых понятий, явлений, предметов, связанных с развитием научно-философской, социально-экономической, общественно-культурной жизни общества. Вторая тенденция определила характер и содержание складывающейся общенациональной нормы английского языка. Изменение соотношения и характера взаимодействия между разными пластами языка, например, между исконно английской и заимствованной лексикой, является основным процессом этого времени. Лексика периода характеризуется явной недостаточностью, с одной стороны, и в то же время высокой степенью избыточности - с другой. Эта противоречивость лексических процессов, являясь отражением особого нестабильного и противоречивого языкового состояния, свидетельствует о сложности и напряженности поисков наиболее оптимальных путей достижения единой, стандартной национальной английской нормы как в принципах отбора языкового материала, так и в принципах его употребления.

Формирование относительного единства английского языка заканчивается в XV веке и закрепляется введением книгопечатания. Однако все еще отсутствует твердый свод правил литературно-стандартного английского языка. Лексический состав английского языка требовал расширения для того, чтобы стать орудием выражения научных

понятийно-логических систем. Потребность языка науки в новых словах-понятиях была велика. Некоторые ученые, например, Лавер, пытались приспособить национальный язык для выражения научных понятий, калькируя латинские термины средствами английского языка. Однако, несмотря на весь энтузиазм, его попытки создать терминологию логики и философии на основе исконно английских морфем оказались тщетными. Коренная ломка в процессе видения мира неразрывно связана с революцией в самом мышлении, это имеет принципиальное значение. Переход от геоцентрической системы к гелиоцентрической требовал глубоких изменений в самом фундаменте мышления, в его методических и философских основах. Возникновение новой астрономии, как и всей современной науки, было бы невозможно без фундаментальных изменений в общетеоретических, философских и методологических принципах. Вопросы, связанные с новым миропониманием, когда иерархическому представлению о космосе средневековой схоластики противостоит представление о мире, в котором происходит взаимопроникновение социального, природного и божественного начал, когда строгой системе логических дефиниций - индуктивное постижение гармонии мира, риторика, поэзия, мифология оказываются наиболее адекватным способом выражения истины. Все это приобретает в исследуемую эпоху особую остроту, что объясняется главным образом теми политико-экономическими, социально-культурными изменениями, в которых отражались содержание и суть перехода от феодализма к новой формации.

Формирование научно-философских понятий в Англии периода исследования характеризовалось двумя факторами: первый - воздействие национальной специфики социально-экономического и культурного развития, а второй - отражение основных тенденций общезыковой эволюции. Язык английской художественной литературы эпохи был тесно связан с разговорным языком. Экономическое влияние Англии как передовой страны начинает возрастать, отставая, однако, от соответствующего влияния английских буржуазных политических идей, английской философии и литературы, английских нравов. Уже в XVI веке остро обсуждается вопрос о реальной возможности употребления английского языка (ранненовоанглийского периода) во всех видах литературы как художественной, так и научной. Передовые умы пытались на практике показать, что английский язык того периода обладал всеми возможностями развитого языка.

Основными факторами научного мышления в данную эпоху становятся мировоззренческие критерии интерпретатора, в зависимости от которых и строится методика исследования. Эта мысль вполне объясняет и направленность формирования научной, в том числе и философской терминологии. Поэтому в философии могут встретиться термины, которые, на первый взгляд, относятся к сфере естественных и

психологических дисциплин, или, как будто вообще, не содержат ничего научного. Однако соотносимые с ними явления включаются в сферу философского миропонимания автора эпохи, поэтому значения этих лексических единиц также несомненно имеют философский характер.

Процесс образования английской нации, интенсивно продолжавшийся в анализируемый период, шел параллельно с распространением как устного, так и письменного национального английского языка. Этот внешний по отношению к системе языка фактор оказал большое влияние на развитие литературного английского языка. Расширение функций английского национального литературного языка периода формирования и стабилизации нации **не** могло реализоваться без существенного пополнения его словарной базы. В анализируемый период в словарный состав английского языка входит значительное количество новых слов; при этом активизируется как процесс заимствования слов из древних и современных языков, так и вся система словопроизводства.

Своеобразие эпохи и состояние языка отчетливо просматриваются при детальном анализе тематически организованной лексики философского характера. Добавим, что понятия, а, значит, и слова, их выражавшие, формировались в сложных взаимоотношениях с религией, влияние которой было велико. Сама практика - крупнейшие географические открытия, научный и технический прогресс, расширение рамок orbis terrarum - вызвали необходимость подчинить философскую мысль практике, поэтому рождаются целые группировки слов соответственно установившейся общественной практике и утверждению тематических рядов категорий, отражающих предметный мир.

Все нововведения периода исследования представляют собой важнейшие термины философии, среди которых следует, к примеру, выделить обозначение важнейшей философской категории - "понятие". Возникновение этой категории в эпоху позднего Возрождения не случайно, так как его появление отражает высшую степень развития философской мысли и свидетельствует о ее способности к абстрагированию. Интенсивное и целенаправленное обогащение понятийного аппарата философии (это в особенности относится к таким понятиям как "метод", "категории познания", "пространство и время", "взаимосвязь и противоположность") наводит на мысль об интенсивном развитии философской тенденции в плане дальнейшей разработки этих категорий. Причиной тому, на наш взгляд, явился наметившийся своеобразный поворот к гносеологии в противовес метафизически-онтологической схоластике средневековья, поворот, который составил один из центральных пунктов философской мысли позднего средневековья и Возрождения.

Мировоззренческая борьба определила и характер научной литературы и языка XIV-XVII веков. Философское теоретическое

познание, отраженное в специально разработанных понятиях и категориях, давала возможность глубокого и целостного представления о мире, о его всеобщих закономерностях и взаимосвязях. Основным источником формирования философских категорий и понятий на данном этапе является латынь, поэтому основу словарной базы философии Возрождения составляют латинизмы, а не исконный элемент. В этом проявляется особенность национального английского языка в отличие, например, от русского, в котором, основу любой терминосистемы составляют исконно русские наименования (2, с.209). Количественно преобладающие лексические единицы романского происхождения выполняют в английском языке социальный заказ огромной важности: они обозначают именно основные философские категории (бытие, движение, единичное и общее, пространство и время, единство и противоположности, материальность).

Таким образом, в исследуемый период увеличивается число и обогащается содержание основных научных категорий, система которых все более приближается к полному и всестороннему отражению объективного мира. Основой изучения философской лексики английского языка, как указывалось выше, является именно содержательная сторона каждого слова. Из сказанного следует, что структурный и функциональный анализ словарного состава философских текстов имеет целью определение тех имплицитных связей, которые проявляются между различными частями речи внутри этой лексики.

При рассмотрении вопросов, связанных с тенденциями развития и пополнения словарного состава языка всегда приходится помнить и о языковых контактах и об их влиянии друг на друга, ибо язык - щедрый и надежный источник познания истории жизни народа; в нем сохраняются, в специфическом проявлении, вековые достояния материальной и духовной культуры народа - творца языка, а также, в определенной степени, и достояния других языков, с которыми он контактирует.

Проведенный нами анализ становления базы философских категорий наглядно выявляет ступени движения общественной и научной мысли в понимании философских категорий, актуально звучащих в XVI-XVII веках, но истоками своими уходящих в античность. Анализ лингвистического материала в *The Shorter Oxford Dictionary on Historical Principles* методом сплошной выборки дал возможность выделить 30 тематических групп лексики философского характера периода исследования (14-16 вв.) со значением: "реальное и потенциальное бытие", "материя", "дух", "различие и тождество", "часть и целое", "сознание", "пространство", "время", "свобода и необходимость", "сущность и явление", "необходимость и случайность", "метод", "метод познания", "практика", "форма и содержание", "движение", "взаимосвязь и противоположность", "качество и количество", "материальность",

"единичное, особенное и всеобщее", "возможность и действительность", "конечное и бесконечное", "причина и следствие", "рациональное познание", "чувственное познание", группа терминов социального характера, общие этические понятия, свойства человеческого характера, свойства человеческого интеллекта, виды человеческого отношения.

Общий корпус слов философского лексикона составил 1439 единиц. Фундамент лексики английской философии, как показал анализ, закладывается еще в древнеанглийском периоде. Нами зафиксированы 15 групп из общего числа 30: это тематические группы "реальное и потенциальное бытие", "пространство", "время", "свобода и необходимость", "сущность и явление", "метод познания", "практика", "форма и содержание", "движение", "качество и количество", "материальность", "материя", "единичное, особенное и всеобщее", "рациональное познание", группа терминов социологического характера. С точки зрения хронологии слова этих тематических групп зафиксированы в основном еще в древнеанглийский период, но их особо интенсивное пополнение относится к XIV-XV столетиям, с наивысшей точкой в XIV веке, когда активно оформляется ядро английской философской лексики. Детальный анализ всего корпуса лексики выявил любопытный факт: еще в XIII веке в составе английского словаря не отмечаются слова таких тематических групп как "возможность и действительность", "конечное и бесконечное", "практика".

Этимологически наибольшее количество поступлений приходится на лексику романского происхождения: латынь - 553 слов, в том числе - а) прямых заимствований - 224 слова; б) проникших через язык - посредник - французский - 329 единиц; прямые французские заимствования - 71 слово (то есть из общего числа 1439 слов - 43,4% слов являются романского происхождения). Сопоставление соотношения исконной и заимствованной лексики в нашем случае выделяет критерии "исконности-неисконности" как релевантной для данного языка, которая может служить основанием для его использования в качестве одного из дифференциальных признаков при стратификации словарного состава английского языка.

Анализ материала показывает, что формирование ядра философской лексики окончательно произошло в XIV-XV веках, а в XVI-XVII столетиях происходил процесс дальнейшего пополнения, расширения, шлифовки понятийного круга философских категорий, по этимологии своей восходящих, в своем большинстве, к античности. О непрекращавшемся потоке заимствований, приведшем к совершенствованию языка английской философии и, в основном, к завершению его становления, свидетельствует значительное пополнение в XVI-XVII веках 20 тематических групп из общего числа 31. Именно на этот исторический период приходится проявление в составе английского философского

лексикона таких новых для английского национального сознания лексических единиц как fact "факт", concept "понятие", notion "понятие", reflex "отражение", reminiscence "воспоминание", modality "модальность", antecedence "антецедент", entity "целостность", expectation "ожидание", ratiocination "рассуждение", education "образование", modesty "скромность", credit "доверие", decorum "декорум" и т.д. Это важнейшие термины английской философии с точки зрения их семантико-функциональной нагрузки и социальной ценности. Из их числа можно выделить нововведение concept [ad.L.conceptionem, conceptus], превратившееся в базовое обозначение важнейшей философской категории "понятие", появление в составе английского литературного языка которого не случайно в эту эпоху, ибо оно отражает высшую степень развития философской мысли и свидетельствует о ее способности к абстрагированию.

Грецизмы (21 слово) совпадают по семантическим признакам с романскими заимствованиями и используются для обозначений понятий категорий английской философии. Вклад других языков в исследуемую лексику невелик. Исконная лексика не играет заметной роли среди имен существительных философского характера анализируемых тематических групп. Лексические единицы гибридного характера не являются специфической чертой изучаемого материала. В итоге можно констатировать, что основным источником формирования тематических групп философской лексики в стадии их становления является латынь, поэтому основу словарного фонда категорий английской философии составляют латинизмы, а не исконный элемент. На это мы обращаем особое внимание потому, что оно в дальнейшем предопределило относительную выигрышность английского языка, когда этот язык стал выдвигаться в XX веке как международно-мировой язык N1, ибо в нем было много совпадающего, созвучного, понятного, общего с другими международно-мировыми языками: французским, испанским и их "собратями" - итальянским, португальским и др. Количественно преобладающие слова романского происхождения выполняют социальный заказ огромной важности: они обозначают основные понятия английских философских категорий, о чем свидетельствует и то, что эти слова проникли в язык не как отдельные изолированные лексические единицы, а входили в него большими, тематически-целостными семантико-структурными группами, что является результатом франко-английских языковых контактов и длительного двуязычия. Нормандское завоевание Великобритании (в XI веке) оставило глубокие следы в английском языке. Именно в сфере философской лексики это воздействие очевидно, и оно оказало серьезное влияние на формирование, становление и - шире - дальнейшую эволюцию всей терминосистемы английской философии в период становления английской нации.

Убедительное тому свидетельство - воздействие французского языка периода XIII-XIV веков и его роль в социально-общественной обстановке Великобритании после ее завоевания Вильгельмом Завоевателем, влияние на словарный состав английского языка в целом, и, в частности, на язык философских сочинений исследуемой эпохи.

Не может быть сомнений в большой ценности анализа нормандского языкового вклада для решения вопроса о роли французского языка в контексте экстралингвистических факторов эпохи, как сопутствующего при формировании основного ядра философской лексики английского национального литературного языка периода XIV-XVII столетий (особенно - XIV-XV вв.). Не может не считаться с этим и история английского литературного языка: влияние французского языка на английский, как известно, не прекращалось после обособления Англии от Нормандии - просто чисто политические факторы уступили место факторам культурно-историческим, но воздействие не стало от этого меньше. Чем объясняется значительность влияния нормандского завоевания на английский язык, хотя оно было недолгим? Дело не только в лингвофакторах, но и в факторах экстралингвистических, т.е. начиная с XIII века, Англия перестает быть отдаленной окраиной по отношению к Центральной Европе и приступает к усиленному заимствованию всей европейской культуры, которая воплощалась, прежде всего, во Франции.

Для периода становления (XIV-XV вв.) и обогащения (XVI-XVII вв.) английской философской лексики пополнение тематических рядов романизмами и, в особенности, латинизмами обусловлено тем, что, во-первых, этот исторический промежуток времени был началом систематического изложения на английском языке первых научных трудов, а, следовательно, и началом формирования на английской почве семантического ряда современной английской философской терминологии. Предпочтение латинизмам для обогащения словарной базы, в частности философской лексики, объясняется тем, что первые философские труды на английском языке опирались на канонизированную латинскую грамматическую схему, которая вплоть до XVII-XVIII веков признавалась в Англии почти единственной основной наукой о языке и как образец совершенства, и эталон для подражания, а сама латынь была тем центром, вокруг которого велись поиски нормы английского литературного языка.

Интенсивный характер поступлений в такую тематическую группу как «общие свойства человеческого характера» (memory "память", motive "мотив", speculation "рассуждение", communication "связь", fantasy "воображение"), "категория познания" (sense "чувство", apprehension "чувствование", image "образ", appreciation "оценка", reflex "отражение"), "метод" (anticipation "антиципация", expectancy "ожидание", presension "представление", inference "догадка, вывод"), "пространство", "время"

(moment "миг", eternity "вечность", period "период", concomitance "сопутствование", perennity "вечность", vacuum "вакуум", vacuity "пустота"), "взаимосвязь и противоположность" (contradiction "противоречие", opposition "противопоставление", correlation "корреляция", compendium "компендиум") наводит на мысль об интенсивном развитии философской мысли периода исследования в плане дальнейшей разработки категорий философии.

Для каждого периода истории английского языка существовал свой характерно-определенный круг имен существительных для обозначения того или иного понятия подязыка философии. Характерной особенностью становления понятий философии является то, что в древнеанглийский период формируется состав лексики 15 категорий из общего числа выделенных нами 30. Еще в XIII веке не отмечаются слова тематических групп "возможность и действительность", "конечное и бесконечное", "практика". И только период XIV-XV веков свидетельствует: а) об окончательном оформлении состава всех тематических групп (суть - категорий) философии; б) формировании в значении слов тех абстрактных понятий, которые присущи языку философии.

Качественно-количественные данные относительно становления философской лексики и образования тематических групп свидетельствует о том, что в дальнейшем, т.е. XVI-XVII веках, обогащается число и содержание основных научных категорий, совокупность которых все более приближается к полному и всестороннему отражению объективного мира.

Итак, философская терминология предстает перед нами как единая целостная система, подчиненная объективным законам истории и мышления, отражающая реально существующую диалектическую взаимосвязь и дальнейшее развитие важнейших философских понятий, мировоззрения представителей эпохи. Эпоха Возрождения решительным образом повлияла не только на содержание, но и на состав философского словаря, о чем свидетельствует появление в XVI-XVII веках большого количества слов для выражения понятий и идей нового мировоззрения и миропонимания в свете открытий эпохи.

Роль классических заимствований в оформлении философских понятийных групп

Интерес к словарному запасу языка обязательно вызывает интерес к его составным частям, одну из которых представляет иноязычная лексика. Говоря о классических заимствованиях и их соответствиях в философской лексике периода анализа, необходимо учитывать общелингвистический фон эпохи, так как в нем, сложившись, взаимодействуя, преломляются экстралингвистические и собственно языковые факторы, определяющие развитие и совершенствование языка. Для Западной Европы в течение

ряда веков латынь служила источником терминологии, а также во многих отношениях и образцом для подражания в сферах религиозно-философской, естественнонаучной и вообще "серьезной" печатной продукции. Лексические заимствования латинского характера весьма значительны в словарном составе современного английского языка, и эти лексемы обрастали по мере их ассимиляции в языке-реципиенте многочисленными производными. Так, в "Кратком этимологическом словаре английского языка" У.Скита (Skeat, 1980) в разделе Select list of Latin & Greek words выделено 524 лексемы классического происхождения, из которых латинскими являются 448, а греческими - 76. Что же касается реального влияния процесса заимствования из классических языков на язык философских трудов в рассматриваемый период (XIV-XVII века), то следует отметить, что история взаимоотношений английского и латинского языков разворачивалась в таких условиях, которые вполне естественно подсказывают мысль о наличии влияния латыни преимущественно на формирование и становление английской философской лексики в плане ее исторического рассмотрения. Поэтому нет ничего удивительного в том, что вплоть до современного английского литературного языка дошел массивный лексикон религиозно-культовой терминологии, истоки которой связаны с введением христианства в Великобританию (VI в.). В XIII-XV веках в связи с установлением новых форм церковной иерархии продолжается пополнение английского языка классицизмами, в основном латинизмами, связанными с такими сферами понятий как "пространство", "время", "практика", "познание", "движение", "взаимосвязь и противоположность", "качество и количество" и др. Английский литературный язык, засвидетельствованный документами, становится единым, базируясь на языке Лондона, но в этот период для науки этот язык не был еще приспособлен, хотя английский язык все больше и больше проникает в область науки (Jones R.F., Soderlind J., Tucker S.I.). Поскольку в эпоху Возрождения, как и прежде, латынь использовалась как язык науки и в связи с большим интересом к памятникам античной культуры, пополнение словарного состава английского языка и создание научной терминологии шло в значительной степени за счет заимствований из латыни и древнегреческих языков. Количество таких заимствований настолько велико, что, по подсчетам некоторых ученых, почти четвертая часть латинской лексики проникла в словарный состав английского языка.

Считается, что только в 30-90-е годы XVI столетия более 10 тысяч слов проникло в состав английского языка в результате целенаправленной языковой деятельности отдельных писателей, ученых, ставящих цель обогащения и совершенствования родного языка. Большинство специалистов сходится на том, что латинские заимствования раннего английского периода представляют собой главным образом абстрактные

слова научного обихода. Однако многие исследователи рассматривают этот вопрос лишь в аспекте выяснения источников пополнения словарного состава в данный период (что само по себе, конечно, очень важно и показательно при изысканиях), не показывая сам процесс развития и пополнения и особенности этого процесса. Основная нагрузка в английских именах существительных литературно-книжного характера выпадает на заимствованную лексику, особенно на романскую, которая составляла около 80% всего исследуемого материала. Примечательно, что "...за счет романских заимствований английский язык пополнил свой арсенал абстрактных имен существительных со значением нравственной, умственной и духовной характеристики агента, а также понятиями времени и пространства (с соответствующими единицами их выражающими)" (3, с.6-7). Наш анализ роли классических заимствований и их лексических соответствий в оформлении лексико-семантических групп философской лексики в составе английского национального литературного языка XIV-XVII веков, проникших в английский язык в период расцвета английской народной культуры - это первая попытка, исходя из современных теоретических принципов рассмотрения словарного состава языка по тематическим (предметным) группам дать классификацию лексики, позволяющую сделать конкретные выводы о сферах воздействия языков-источников - латинского и греческого - на язык-реципиент - английский, о характере и сферах употребления лексики философского характера. Это, в свою очередь, проливает свет на исторический процесс формирования лексических норм и закономерностей их развития в литературном английском языке в период с XVI по XVII век включительно. Интенсивное пополнение словарного состава английского языка в этот период вызывалось еще и необходимостью обозначения большого количества новых, ранее не существовавших явлений, понятий, предметов. Эта необходимость также приводит к активации всех возможностей пополнения словаря по части философски нацеленной лексики. Особенно это относится к заимствованиям из других, в основном, классических языков, так как особого введения и популяризации требует именно эта группа слов, которое по своей семантике относится к разряду слов абстрактного значения, то есть философские.

Изученный корпус слов показывает силу и разносторонний характер влияния заимствований, охватывающих основные сферы философской науки того времени, на словарный состав английского языка. Проведенная нами тематическая классификация позволяет сделать некоторые выводы и предположения о широте влияния классических заимствований на словарный состав языка того времени. Этот анализ также свидетельствует о традиционной восприимчивости английского литературного языка как средства пополнения и одного из основных источников формирования

абстрактной лексики. Заимствования эти также отражают широту амплитуды влияния классических языков на формирование терминологии английской философии и - шире - гуманитарных наук. Особо сильное влияние, характерное для языка английской философии, видно в эпоху XV-XVII веков: гуманисты создали новый метод использования готового мыслительного материала, накопленного в предшествующие века, новый стиль мышления, что и имело опереженное отношение к философии и философской оригинальности. Практика английского национального языка XIV-XVII веков в целом, и философской терминологии, в особенности, дала яркий образец путей развития национальных языков в новых условиях установления господства рыночных отношений и небывалого усиления общения стран, континентов, государств и народов. Все нации, формировавшиеся вслед за английской, с теми или иными особенностями, повторяли путь, пройденный английским языком.

Интенсивность проникновения иноязычных слов этого периода, как показал анализ, проходит два этапа: 1) с 1540 по 1560 гг.; и 2) с 1580 года. Особого внимания заслуживает большая группа имен лиц (97 слов), зафиксированных во всех выделенных разрядах: им присущи некоторые общие черты - они все служат средством обозначения (номинации) лиц по должностям, по роду деятельности, а именно: а) имена, выделяющиеся по признаку активного производителя действия, который определяет лицо по должности, роду занятий или служит терминологическим, философским словом (philosophist "философ", forseeer "провидец", producer "производитель", pacificator "миротворец" и др.); б) имена, выделяющиеся по признаку этнического, географического, территориального происхождения (tyrian "тириец" (житель Тирии), oppidan "оппидан", pygmean "пигмей"); в) имена, выделяющиеся по признаку принадлежности к какому-либо идеологическому, религиозному или философскому направлению (Priscillianist "присциллианист", (последователь Присциллиана) puritan "пуританец", purist "пурист"); г) имена, выделяющиеся по отношению к предмету как объекту воздействия или орудия деятельности (mandatory "мандаторий", manual "мануарий"); д) имена, обозначающие активно действующих лиц, действия которых подразумевают активное вмешательство, направленное на объект (grantor "грантор", causer "каузер", advertiser "советник").

Имена лиц, образованные от имен собственных, обозначают принадлежность к какому-либо идеологическому, главным образом, религиозному или философскому течению. Причем такие имена собственные - не что иное, как названия основателей данного течения или направления (Priscillianist, Puritan, Vergillian). Это подтверждает мысль о широте международных контактов языка-реципиента с языком-источником, ибо "соприкосновение языков является исторической

необходимостью, и соприкосновение это неизбежно влечет за собой их взаимопроникновение".

Многочисленность латинизмов в сфере этики непосредственно характеризует специфические черты нового гуманистического мировоззрения интеллигенции, возросшая социальная формализация которой обозначилась в XVI веке "на основе экстенсивного распространения и признания гуманистических занятий и знаний, вошедших в преемственную структуру общественной деятельности", когда "навыки ренессансного воспитания и осведомленности стали среди просвещенных верхов чем-то общепринятым..." (1, с.23). С другой стороны, данная группа слов представляет собой социально и культурно уязвимую лексику, изменение которой обусловлено умонастроениями общества в рассматриваемый период, когда для динамики состояния общественного сознания был характерен процесс дестабилизации понятия религиозной веры в связи с ломкой старой картины ненаучного видения мира и вытекающих отсюда морально-этических понятий, что и собственно отражается на лексике словарного состава английского языка периода исследования.

В результате анализа выявлено 377 классического характера заимствований (356 - латинских нововведений и 21 - грецизм), в том числе: а) прямых заимствований 115; б) проникших через язык-посредник - французский - 262 единицы. Для сравнения скажем, что вклад других языков в исследуемую лексику невелик (50 слов французского происхождения, 5 лексических единиц - из других языков), а исконный слой лексики составил всего 72 слова. Данные заимствования позволили более точно использовать, обозначить такие фундаментальные философские категории как: бытие, сущность и явление, пространство, время, движение, взаимосвязь и противоположность, качество и количество, конечное и бесконечное, единичное, особенное, всеобщее, материальность, метод, возможность и действительность, категории познания (рациональное познание; истинность познания). Наибольшее количество поступлений относится к группам: а) обозначающим общие свойства человеческого характера (18 единиц); б) метода (14); в) пространственно-временных отношений (9); г) категорий познания (6); д) взаимосвязи и противоположности (5). Количественно преобладающие слова классического происхождения выполняют социальный заказ огромной важности: они обозначают основные понятия философских категорий. Таким образом, в исследуемый период увеличивается число и обогащается содержание основных научных категорий, система которых все более приближается к полному и всестороннему отражению объективного мира.

Анализ также показал, что 33 классических заимствования философского характера вступили в семантическое взаимодействие с

лексикой исконного и иноязычного (в основном романского) происхождения. В качестве лексических соответствий (полных или частичных) анализируемых слов отмечены 48 единиц. Хотя эта лексика - продукт в основном средних веков, своим новым семантическим наполнением, новыми смысловыми связями она принадлежит эпохе Возрождения. 20 заимствований классического характера стали доминантами в таких тематических группах как пространство, время, метод, конечное и бесконечное, категории познания, явления общественной жизни, свойства человеческого характера.

Заимствования этого периода отличаются высокой степенью смысловой автономности, независимости от контекста (association "ассоциация", entity "целостность", exploration "использование", prediction "предсказание", modesty "скромность", ratiocination "разумность" и др.). У 20 новых заимствований классического характера в исследуемый период появляется по одному новому значению терминологического характера, что расширяет сферы их употребления в философии (anticipation "антиципация", quiddity "рассудительность", compendium "компендиум", expectation "ожидание", species "образец", vacuity "пустота", pressupposition "пресуппозиция", contraposition "противопоставление", vacuum "вакуум", notion "смысл"). Лексические соответствия анализируемых заимствований способствуют более четкому выявлению определенных понятий философии (perpetuity "вечность", inquisition "наблюдение", eternity "вечность", remembrance "память"). Указанная тенденция проявляется не только в непосредственно философских произведениях, но и в художественной литературе, поэзии, проповедях. Показательно, что лексические соответствия связаны с центральными понятиями философии гуманизма (eternity, substance, chance, conclusion, inquisition, modesty, education). Наличие философски "нацеленных" слов у драматургов, поэтов, теологов говорит о том, что они были хорошо знакомы с основными философскими произведениями Старого и Нового времени, с лексикой, употреблявшейся в таких произведениях.

Для начального этапа формирования английской философской лексики характерна синонимия. Становление семантического ядра языка философии в XVI веке отмечено широко развернутой синонимизацией одного и того же понятия в пределах лексико-семантических групп (anticipation - prediction; presension - explanation; inquisition - investigation). Заимствования из классических языков способствуют перестройке иерархической устоявшейся системы понятий, законов и категорий сферы научного мышления. При конкретной реализации лексической вариантности в наименовании одних и тех же философских понятий в XVI-XVII веках отмечаются 3 основных разновидности: а) в английском языке этого периода функционировало несколько заимствований из

разных языков для экспликации одного и того же понятия (например, "компендиум" -compendium-abridgement-epitome); б) новые заимствования классического происхождения встречали на почве языка-реципиента лексические соответствия исконного или заимствованного ранее иноязычного происхождения (например, "предвидение" presension-foresight; "вывод" illation-conclusion; "рассуждение" ratiocination-reasoning); в) с появлением нового заимствования на английской почве создавалось английское слово (например, "пустота" vacuum-emptiness; "предвидение" anticipation-foreknowledge), соответствующее ему по семантике.

Новое заимствование философского характера выражает часто наиболее общее понятие по сравнению с эквивалентной лексикой. В ряде случаев между анализируемыми новыми заимствованиями и словами со сходной семантикой с самого начала прослеживаются четкие семантические различия. Таким образом, классические заимствования используются в качестве идеографических синонимов уже имеющих в английском языке слов (precedency-precedence; reminiscence-reminiscency; remembrance-remem-brancy). Новые заимствования философского характера склонны сочетаться с именами существительными абстрактного характера (presension of mind; illation or premise; inference of consension). Количество таких терминологических сочетаний весьма значительно. Новые поступления классического характера используются в английском языке с глаголами широкого семантического объема - to have; to make; to give; to suppose. По характеру, значению и, соответственно, по функции эти классические заимствования служат обозначению понятий в языке-реципиенте. Намечается следующая тенденция: а) если новое классическое заимствование употреблено в трактате или другом труде философского характера, то лексическое окружение этого слова состоит из единиц, способствующих точности информации, адекватности ее восприятия (vacuitie or emptinesse "вакуум или пустота", entity of sound "целостность звука"; antecedence and consequence "антецедент и последствие"); б) если же заимствованное слово употреблено в поэме, драме и т.д., то его лексическое окружение состоит из единиц преимущественно адъективного характера, способствующих увеличению объема понятия и образности (infinite of love "бесконечность любви"; vulgar notions "примитивные понятие"; true notions "реальные понятия").

Итак, видно, что если заимствование целесообразно, то иноязычные слова (в нашем случае заимствования из классических языков) выступают в роли источника, который пополняет словарный состав и служит обогащению языка-реципиента. Причем эти слова обладают разной силой воздействия, в зависимости от исторической обстановки и языковой ситуации в стране.

Анализ функциональной специфики философских понятий

Для установления общих тенденций, многоаспектно характеризующих основной состав философской тематической лексики, возникает необходимость проследить трансформации, определяемые фактором времени. Новые пласты лексики, как заимствованной из латыни при посредничестве французского языка, так и бытовавшей ранее только в обиходно-разговорном стиле, включаются в письменно-литературный язык, посредством и при помощи которого находят свое выражение новые понятия, новая трактовка семантики лексических единиц, в свете утвердившей себя материалистической системы Ф.Бэкона, "истинного родоначальника всей экспериментирующей науки". Обогащение языка эпохи заимствованными лексическими единицами было обусловлено мощными сдвигами во всей общественно-политической жизни Англии XVI-XVII веков. Большое число авторов, выступавших в различных жанрах, каждый по-своему старались объяснить *humana studia* эпохи (поэзия, проза, песни, стихотворные диалоги, разные типы драматургии, политические и научные трактаты, проповеди, памфлеты, описания путешествий, исторические хроники). Подобная языковая ситуация, когда господствовала латынь в таких областях как наука, политическая жизнь, обучение, воспитание и религия, влияла на лексический состав и на совокупность синтаксических приемов организации языкового материала философского характера в самых разных сферах и жанрах. Употребление философской лексики в подавляющем большинстве жанров является одной из характерных черт литературы эпохи. Обретение словами новых значений, оттенков, характерных для выражения философской мысли - это свидетельство того, что наблюдается процесс постепенной профессиональной дифференциации языка философии в связи со специализацией знания, оформлением ее в отдельную науку (*anticipation* "антиципация", *concurrence* "совпадение", *gradation* "градация" и т.д.).

Однозначные слова отличаются малой частотностью, однако они обладают высокой степенью семантической автономности, независимой от контекста (*modesty* "скромность", *presupposition* "пресуппозиция", *ratiocination* "рассуждение"). Происходит: 1) значительный рост гнезда сочетаемости слов от 2 до 32 лексических единиц при сохранении основного слова в качестве ядра сочетания и 2) увеличение количества ЛСВ. Эти два условия говорят о заметном развитии семантической структуры слов философского характера. Усложнение смысловой структуры анализируемых слов подтверждает мысль о полном их усвоении в семантическом плане. Все взаимодействующие значения слов выполняют функцию уточняющих, конкретизирующих компонентов первоначально заимствованного значения.

По своему происхождению философская лексика делится на слова, возникшие из общенародной исконной лексики и таковые, заимствованные из других языков.

Отмечены некоторые особенности введения в обиход новых заимствованных единиц: а) авторские толкования в словарях, где по самой природе свойственна простота и ясность изложения; б) перифразы - обычно путем описательного перевода или посредством использования синонимов, например: *ratiocination is, that cometh of logic of any Commodity, or to echeve any discomodity, levity, lightnesse, inconstancie*; - "попытка разумно обосновать -это значит исходить из логики любого удобства или ... достичь какого-либо неудобства, легкомыслия, поверхностного мышления, непостоянства". В значительном количестве случаев автор вводит слово без толкования, рассчитывая на лингвистическую эрудицию читателя, при этом контекст помогает определить значение вводимой лексической единицы: *In the mysteries of the Christes person, there is no transition of the deitie into the humanite or humanite into the deitie* - "В тайнах личности Христа нет никакого перехода божества в человеческий образ или наоборот" (*Gard. Explication of transubstantiation*, 123).

Следует различать слова, которые относятся к философской лексике и выражают важные, основополагающие понятия данной сферы (*fact* "факт", *agent* "агент", *coherence* "последовательность", *modesty* "скромность", *levity* "легковерность"), от слов, являющихся философскими терминами в анализируемый период: *ratiocination* "рассуждение", *gradation* "градация", *medium* "медиум", *ubiquity* "вездесущность", *reflex* "отражение", *materiality* "материальность", *presupposition* "предположение").

Манера изложения от первого лица была типичной в анализируемую эпоху (письма, проповеди, памфлеты, поэзия), что подтверждается преобладанием личных активных форм глагола, в которых есть семантический оттенок оценки, авторское "я", а также персонализированная форма изложения (псалм, поэзия, трактат), отражающаяся в отборе лексики, особенно с глаголами физического действия и с глаголами "оценки, суждения, намерения". Эти лексические единицы являются принадлежностью не только научной философской литературы, но и широко используются в произведениях самого различного жанра: поэзии, драматургии, трактатах, проповедях, корреспонденции, полемических статьях, что позволяет сделать вывод о том, что в исследуемый период в целом философская лексика еще не была строго ограничена в рамках терминосистемы, т.е. не была "чистой" принадлежностью философии, а проявляла себя в качестве общеупотребительной лексики для выражения философской мысли авторов, чьи произведения характеризуются различной жанровой

направленностью. Это подтверждает общеисторическую тенденцию - факт энциклопедической образованности представителей эпохи Возрождения и, соответственно, разнообразные области применения их способностей.

Лексические единицы философского характера в XVI-XVII веках используются в различных жанрах. Особенно это относится к словам из области этики (*modesty, levity, constancy, coherence*), выражающим морально-этические качества человека и к словам с широкой семантикой (*fact, gradation*). Привлечение данных групп связано с тем, что они характеризуются абстрактностью, используются преимущественно в стиле письменной речи (Ф.Бэкон, Кр.Марло, Шекспир, Т.Графтон, Дж.Мильтон, Стоу, Г.Флетчер, Кокс). Ряд слов с самого начала является принадлежностью философской научной терминологии: *reflex, ratiocination, anticipation, pressupposition*). Сфера распространения их весьма узка - они присутствуют в произведениях философского характера (трактаты, эссе).

В анализируемых текстах к термину, как показало изучение, обычно сначала присоединяются единицы микрополя, т.е. совокупности специальных лексических единиц, сочетающихся с данным словом в пределах терминологичной системы, а позднее - слова общелитературного языка. Выделяется некоторое количество сопрягающихся слов, возникших в пределах одного (XVI) века: *hardheartedness* "твердость (мысли)", *falsity* "ошибочность", *deceitfulness* "обман"; *perspicuity* "ясность (изложения)"; *inclination* "склонность"; *reflection* "отражение"; *the vulgar* "простолудин"; *forecast* "предвидение"; *epitome* "итог". Наблюдавшаяся в английском языке более древнего периода и в средние века многозначность семантики этих сопрягающихся слов, выражавших то или иное понятие, в XVI веке уступает место более четкому и однозначному выражению понятия.

Результаты сравнения семантической структуры исследуемых единиц в анализируемый период и в современном английском языке (на материале имен существительных литературно-книжного стиля) подтверждает рабочую гипотезу о сравнительной простоте строения семантической структуры слов абстрактно-философского характера (Данные относительно слов литературно-книжного характера в современном английском языке взяты из исследования М.С.Красильниковой. Происхождение, семантическая структура и некоторые и синтагматические связи англ. сущ-ных литературно-книжного х-ра: Автореф. дис... канд. филол. наук. - М., 1978.).

Английская абстрактно-философская лексика выступает как многомерная система, характеризующаяся наличием многочисленных переходных случаев, отражающих, таким образом, сложность взаимоотношений и взаимосвязей составляющих ее единиц. Философская

лексика также подвержена процессам, которые характерны для всех латинских заимствований XVI века. Таким образом, философская лексика предстает перед нами как единая, целостная система, подчиненная определенным объективным законам истории и мышления, отражающая реально существующую диалектическую взаимосвязь и дальнейшее развитие важнейших философских понятий, мировоззрения представителей эпохи позднего Возрождения. Показательно то, что на переднем плане находится та часть лексики, которая непосредственно связана с центральными понятиями философии гуманизма (*reflex, modesty, levity, identity, coherence, antitipation, education, correlation*).

Эпоха Возрождения самым решительным образом повлияла не только на содержание, но и на состав философского словаря, о чем свидетельствует появление в исследуемую эпоху (XV-XVII вв.) большого количества слов для объяснения нового мировоззрения и миропонимания в свете революционных научных открытий эпохи. Наличие философско "нацеленных" слов у драматургов, поэтов, теологов говорит о том, что их авторы освоили новое миропонимание, а также были хорошо знакомы с основными произведениями философского характера старого и нового времени, с лексикой, употреблявшейся в таких произведениях.

Становление понятийных групп

Известно, что язык состоит не из отдельных слов, а представляет собой сложную систему, в которой слова связаны грамматическими и лексико-семантическими отношениями, без чего немислимы связная речь, коммуникация между людьми, познание и преобразование объективной действительности, что составляет, в свою очередь, непременное условие существования человеческого общества.

Свое место в ряду воззрений, высказывавшихся в 30-50-е годы XX века на природу лексико-семантических связей, заняла теория "семантического поля" Иоста Трира, согласно которой при употреблении любого слова в сознании говорящего и слушающего всплывает ощущение другого слова или других слов, в семантическом отношении "соседних" с данным словом. Это соседство слов вызывается сходством или противоположностью как их значений, так и стоящих за ними понятий. По принципу сходства или противоположности все понятия, заключенные в языке, разбиваются на более или менее замкнутые группы, круги или "блоки". Круг понятий и наличный в нем механизм соотношений и изменений был вызван "семантическим полем", обладающим своим "знаковым или лексическим полем".

Крупнейшие географические открытия, научный и технический прогресс, расширение рамок *orbis terrarum* вызвали необходимость подчинить философскую мысль практике, поэтому рождаются целые группировки слов, которые соответственно установившейся общественной практике и утверждению тематических рядов категорий, отражают

предметный мир. Мировоззренческая борьба определила и характер литературы и языка XIV-XVII веков, которые стали отражением этой борьбы.

Основным источником формирования ТГ философской лексики в стадии их становления в английском языке стала латынь, поэтому основу ее словарной базы составляют латинизмы, а не исконный элемент. В исследуемый период увеличивается число и обогащается содержание основных научных категорий, система которых все более приближается к полному и всестороннему отражению объективного мира. Выделено 30 тематических групп лексики философского характера со значениями: реальное и потенциальное бытие, материя, дух, различие и тождество, часть и целое, сознание, пространство, время, свобода и необходимость, сущность и явление, необходимость и случайность, метод, метод познания, практика, форма и содержание, движение, взаимосвязь и противоположность, качество и количество, материальность; единичное, особенное и всеобщее; возможность и действительность, конечное и бесконечное, причина и следствие, рациональное познание, чувственное познание, группа терминов социального характера, общие этические понятия, свойства человеческого характера, свойства человеческого интеллекта, виды человеческого отношения. С точки зрения хронологии слова этих групп вошли в язык в основном еще в древнеанглийский период, но особо их интенсивное пополнение относится к XIV-XV векам, с наивысшей точкой в XIV веке, когда в основном оформляется ядро английской философской лексики. С точки зрения этимологии наибольшее количество поступлений приходится на лексику романского происхождения: латынь - 533 слова из 1439, то есть 37%, в том числе прямых заимствований - 224 слова; проникших через язык - посредник - французский - 329 единиц. Именно на XV-XVII столетия приходится появление важнейших терминов английской философии с точки зрения их семантико-функциональной задачи и социальной ценности. Вклад других языков в исследуемую лексику невелик. Лексические единицы гибридного характера не являются преобладающей чертой изучаемого материала.

Для периода становления (XIV-XV вв.) и обогащения (XVI-XVII вв.) философской лексики пополнение тематических рядов романизмами и в особенности латинизмами обусловлено тем, что, во-первых, этот исторический промежуток был началом систематического изложения на английском языке первых научных трудов, нового философского мышления, а, следовательно, и началом формирования на английской почве семантического ядра современной английской философской терминологии.

Интенсивное пополнение словарного состава английского языка в этот период вызывалось еще и необходимостью обозначения большого количества новых, ранее не существовавших явлений, понятий, предметов.

Эта необходимость также приводит к активизации всех возможностей пополнения словаря по части философски нацеленной лексики. Особенно это относится к заимствованиям из других, в основном классических, языков, т.к. особого введения и популяризации требует именно эта группа слов, по своей семантике наиболее полноценно отражающая понятия абстрактного значения, т.е. философские.

Изученный корпус слов показывает силу и разносторонний характер влияния заимствований, охватывающих основные сферы философской науки того времени, на словарный состав английского языка. Проведенный анализ и тематическая классификация свидетельствуют о традиционной восприимчивости английского национального литературного языка как средства пополнения и одного из основных источников формирования абстрактной лексики. Заимствования эти также отражают широту амплитуды влияния классических языков на формирование терминологии английской философии и - шире - гуманитарных наук. Многочисленность латинизмов в сфере этики непосредственно характеризует специфические черты нового гуманистического мировоззрения интеллигенции, возросшая социальная формализация которой обозначилась в XVI веке. Формирование английской философской терминологии отражает высокую степень развития гуманитарных дисциплин в Англии периода формирования и становления нации. Периоды интенсивного роста английской философской терминологии (1540-60; с 1580 г.) были тесно и неразрывно связаны со становлением письменного английского литературного языка.

Заключение

Без ясного понимания проблем философии, содержания ее основных терминов и категорий невозможно точно уяснить значение тех или иных научных результатов, концепций и теорий. Научная теория историко-философского процесса раскрывает не только ретроспективу, но и перспективу прогрессивного развития философии, её понятийного поля. Важность осмысления и исследования философских понятий обнаруживается тогда, когда мы сталкиваемся с механизмом формирования и действия мировоззрения, с необходимостью оценить его подлинную роль в становлении и развитии культуры. Именно поэтому взгляд на прошлое, которое осмысливается как предыстория настоящего, современного, а новое рассматривается как преобразованное старое, позволяет понять само современное как закономерный результат предшествующего развития.

Каждая эпоха имеет свое мировоззрение, зависящее от уровня знаний и характера цивилизации, от исторического опыта данного народа. Высший синтез культуры осуществляет философия, что отмечено уже в понимании Гегелем философии как эпохи, постигнутой в мыслях. Между

философией каждой эпохи и другими формами общественного сознания складываются отношения взаимообусловленности и взаимозависимости. Это устанавливает конкретно-историческую направленность и само содержание развития философии, формируя тем самым присущий каждой эпохе особый стиль мышления, представляющий собой обобщенный образ культуры как целостного процесса, в рамках определенных пространственно-временных ограничений.

Ярчайшие представители философской мысли Возрождения и Нового времени были вполне единодушны в стремлении создать, обосновать научную философию. И это сознание необходимости продиктованной новой исторической эпохой, с позиций которой античная мудрость отнюдь не казалась наукой. Основоположники философии этого исторического периода видели в науке новое, неизвестное прошлому явление, высшую форму всякого возможного знания. Согласно этому воззрению, наука включала в себя философию в качестве своей мировоззренческой и методологической основой. Методологическим эталоном являлось для них чаще всего математика и физика, и научная философия, которую они пытались создать, мыслилась ими как *mathesis universalis*.

Философские концепции не только пробуждаются к жизни мировоззренческими потребностями, они существенно отражают эти потребности в своих результатах. Порожденная конкретно-исторической ситуацией, философская система отражает ее на предельно высоком уровне абстракции. Каждое философское учение, школа вырабатывает, как правило, свой специфический язык, стремится сделать свои понятия более точными. Важным моментом является как раз овладение этим специфическим языком, ибо, анализируя, вернее, проникая в мир идей и концепций мыслителя, мы усваиваем, а затем и интерпретируем точку зрения этого мыслителя, раскрываем лингвистическую эрудицию, словарное богатство и понятийный аппарат, представленный в трудах философа в систематизированном и точном виде, семантика единиц которого и аккумулировала в себе достижения философской мысли конкретно взятого учения. Кумулятивного характера развитие философии как особого вида знания и неразстворимость философских учений друг в друге представляют собой широкое поле деятельности исследователя.

Чтобы проследить развитие категорий мышления на этапе их становления в качестве категорий философии, необходимо изучить эволюцию значений выражающих их слов и грамматических структур в культуре народа-носителя рассматриваемого языка на протяжении длительного (XIV-XVII вв.) исторического периода. Наше исследование показало, что латинская философская лексика, на которой объяснялись философы средневековья, стала одним из основных звеньев английской философской лексики XIV- XVII веков, в течение которых, в свою очередь, сформировалось ядро современного английского философского

языка в частности и составная часть современного английского языка в целом.

Исследование истории философской мысли показывает, что разработка теоретических проблем современности немислима без освоения культурного и духовного наследия прошлого. И чем глубже мы будем вникать в прошлое, тем лучше станем понимать настоящее и будущее. История имеет дело не только с тем, что отошло в прошлое, но и с живой жизнью современности. И именно поэтому мы никогда не теряем интереса к тому, о чем спорили, что думали наши предшественники, к их поискам и полету мысли. Это справедливое отношение к истории философии, этапам её становления и развития. Именно в свете такого подхода можно констатировать, что превращение философии XIV-XVII столетий в науку – главный итог этого историко-философского процесса, а её развитие в качестве научно-философского мировоззрения – это её главное историческая перспектива.

Прослеживая пути формирования английской философской терминосистемы с "включением" в язык повседневного общения философской мысли авторов исследуемого периода как этапных для английской философии, идеалистических и других предметно-смысловых модификаций их лингвистических принципов, можно убедиться, что он представляет собой процесс мобильно-трансформирующийся, процесс все более ощутимого перехода от первоначальных конкретных и физически осязаемых (в античности) значений рассмотренных терминов к значениям идеальным и символическим с акцентом в сторону их мыслительно-онтологического и гносеологического переосмысления в зависимости от идеологически-мировоззренческой установки.

Философская лексика носила четко выраженный научный характер, а сама философия полностью оправдывала на английской почве свое призвание как царицы общественных наук. Философские понятия и термины массово использовались просветителями, политическими и общественными деятелями, писателями, поэтами. Мор, Шекспир, Марло, Элиот и другие в силу своего мировоззрения, интересов, таланта и творческой манеры, активно использовали богатые возможности философской лексики. Тем самым они существенно и со всех сторон, в том числе и художественно-философской, обогатили мышление своих читателей. Такая практика стала важным фактором существования и функционирования философских терминов и понятий. Применение философской лексики, т.е. наиболее общих мировоззренческих установок и понятий, привели к появлению выдающегося звена мировой классической литературы.

Выражение и закрепление с помощью языка познавательных результатов, осуществление синтеза различных видов опыта составляет содержание одной из сторон творческого отражения человеком мира.

Отраженное в специально разработанных понятиях и категориях, философское теоретическое познание даёт человеку глубокое и целостное представление о мире, о его всеобщих закономерностях и взаимосвязях.

Специфику философии как теоретического знания особого рода отражает ее язык, понятийный аппарат. Специфической чертой становления категориально-понятийного аппарата английской философии XIV-XVII веков, эксплицирующуюся в её терминологии, является то, что это философская лексика, как никакая другая научная терминология, в своём большинстве формируется, как показало исследование, из лексики обиходного языка. Этот факт является показателем преемственности в развитии философских понятий того, что философские категории вырастают из понятий обычного человеческого мышления.

Таким образом, становление категориально-понятийного аппарата английской философии в исторической ретроспективе можно проследить по данным о становлении и развитии её терминологии. Формирование научно-философской лексики в Англии периода исследования характеризовалось двумя факторами. Первый - воздействие национальной специфики социально-экономического и культурного развития. Второй - отражение основных тенденций общезыковой эволюции. Имена философского характера отражали различные уровни абстракции в мышлении и познании мира. Первоначально означая только конкретные предметы и зримые ситуации, они свидетельствуют о том, что движение от конкретного к абстрактному находило отражение не только в наименовании единиц языка, но и в характере их функционирования.

Философские термины представляют собой языковую экспликацию определенной ступени в развитии познания, когда стирались границы в осознании разницы между материальным и идеальным, причиной и следствием, личностью и окружающей природой, когда закономерности перцепции оказывали еще известное влияние на процессы абстрагирования. В терминологии философского порядка этого периода нам встретились слова, которые, на первый взгляд, относятся только к сфере естественных и психологических дисциплин или, вообще, как будто бы не содержат ничего философского. Однако, когда мы соотнесли их с попытками философского миропонимания авторами терминов, то оказалось, что данные лексические единицы несомненно имеют и философский характер.

Основная масса терминов была создана на базе заимствований из классических языков и путем переосмысления значения слов и сочетаний общелитературного национального языка. При этом особую роль сыграли образность и коннотация. Это оказалось примечательной чертой периода становления терминологии английской философии. Наш данный вывод из диссертационного исследования не во всем согласуется с существующими

представлениями о терминах как единицах, имеющих тенденцию к жесткой экспликации понятий и лишенных коннотации.

Процесс формирования английской науки обусловил собой дальнейший рост и распространение как устного, так и письменного философского английского языка. Оказалось, что в эпоху наиболее бурных общественных трансформаций имеют место и стремительные процессы совершенствования языка. Активизируется как процесс заимствования из других языков, так и вся система словопроизводства. Формирование, эволюция английской национальной лексики терминологического характера происходило самостоятельными путями, которые и определили "лицо" национальной терминологии, когда большое число лексических единиц, бытовавших в обыденном языке и языке науки, определяется терминологически и поднимается до уровня философских понятий, придавая словам, имеющим узкий ограниченный специфический смысл, обобщенные логико-понятийные значения.

Трансформация основных понятий английской философии Возрождения, детерминирующей и языковую ситуацию, сопряжено как с социокультурным, так и с философским мировоззренческим фоном соответствующей эпохи, однако качественная специфика формообразования детерминантов генезиса философского знания и, соответственно, оформляющих ее в языковом плане систему терминов, имеют совершенно различные виды в разных эпохах, составляющих этапы возникновения и утверждения доминирующих новых философских концепций и направлений.

Процессы абстракции и обобщения в английском языке не существовали в неизменном виде на всех этапах исторического развития. Формирование абстрактно-философских значений и их формальных, словесных оболочек тесно связано с развитием категории абстрактного и поэтому представляет безусловный обоюдный интерес философии и филологии, т.к. развитие языка и, в особенности, языковых значений и категорий, является необходимым компонентом исследования законов развития человеческого мышления и познания, составной частью теории познания любой научно-философской системы.

Философские термины в английском языке представляют собой единицы, употребляемые в функции жестко-информативных номинаторов явлений действительности в рамках философско-терминологической системы, отражающей мировоззрение определенного философа или школы, что характеризует их своеобразие и национальную специфику. Основные тенденции развития понятийной лексики английской философии Возрождения реализовались, главным образом, в трех основных направлениях: во-первых, расширение состава английской философской лексики по своему содержанию отражало возникновение качественно новых явлений в языке общества периода формирования и

становления нации; во-вторых, характерной чертой данного периода стало появление новых слов для выражения уже известных понятий, что в значительной мере объяснялось обилием французских заимствований неотработанностью английского словаря Возрождения, что вело к многообразию и неустойчивости выражения некоторых понятий; в-третьих, введению, ассимиляции и толкованию новых слов способствовали в основном целевые установки авторов.

Закономерности языковой организации философских текстов исследуемого периода, которые заключаются в следующем: а) тексты, раскрывающие различные аспекты научного знания, созданные авторами, разными по своим профессиональным наклонностям и призванию, тем не менее, содержат в себе определенный набор лексических и лексико-грамматических единиц языковой системы и демонстрируют схожую картину синтаксического оформления текстовых фрагментов; б) основной композиционно-речевой формой мыслителя при создании его научных трудов является “рассуждение/размышление”; в) основная линия трудов философского характера периода – это либо объяснение, либо обоснование, либо доказательство или опровержение.

Английская философская терминология исследуемой эпохи представляла собой развивающуюся метастабильную систему, находящуюся в относительно устойчивом состоянии и подверженную разного рода микро- и макроэволюционным изменениям. Несмотря на высокодинамичный характер терминосистемы, элементы статики, составляющие ее ядро, преобладали над элементами динамики, образующими периферию системы.

В эпоху Возрождения пополнение словарного состава английского языка в целом и создание научной терминологии подъязыка философии в частности, шло в значительной степени за счет романских заимствований, главным образом из латыни. Вторичность, заимствованность английской терминосистемы философии в значительной степени связана с высокой восприимчивостью английского языка XIV-XVII веков к заимствованию вообще и к терминотворчеству, в частности. Именно это особенность английского языка, его “открытость” к заимствованиям, легкость течения этого процесса оказали в исследуемый период благоприятное воздействие на его постепенное возвышение как международно-мирового языка №1 в современных условиях. Именно длительное и не обставленное формальностями “впитывание” чужих слов без научно-бюрократических препонов позволили английскому языку выйти на широкий простор межконтинентальных, межрегиональных, межгосударственных и межнациональных сношений и стать действенным средством общения человечества в условиях распространяющийся глобализации в современном мире.

Для периода становления (XIV-XV вв.) и развития (XVI-XVII вв.) философской лексики пополнение тематических рядов романизмами и, в особенности, латинизмами обусловлено тем, что, во-первых, этот исторический промежуток был началом систематического изложения на английском языке первых научных трудов, а, следовательно, и началом формирования на английской почве семантического ядра современной английской терминологии философии. Предпочтение латинизмам для обогащения словарной базы, в частности философской лексики, объясняется тем, что первые философские труды на английском языке опирались на канонизированную латинскую грамматическую схему, которая вплоть до XVII-XVIII веков признавалась в Англии почти единственной основной наукой о языке и как образец совершенства и эталон для подражания, а сама латынь была тем центром, вокруг которого велись поиски нормы английского литературного языка. И это понятно, поскольку классическим обобщенным изложением всей предыдущей человеческой мысли была именно эта канонизированная схема. Возрожденческая философия должна была и не могла не продолжить канонизированную латынь, ибо она была сгустком всего предыдущего развития, когда философской задачей Возрождения оказывалось не противопоставление в человеке божественного и природного, а раскрытие их гармоничного развития.

Вторичность, заимствованность английской терминосистемы философии в значительной степени связана с высокой восприимчивостью английского языка XIV-XVII столетий к заимствованию вообще и к терминотворчеству, в частности. Именно это особенность английского языка, его “открытость” к заимствованиям, легкость течения этого процесса оказали в исследуемый период благоприятное воздействие на его постепенное возвышение как международно-мирового языка №1 в современных условиях. Именно длительное и не обставленное формальностями “впитывание” чужих слов без научно-бюрократических препон позволили английскому языку выйти на широкий простор межконтинентальных, межрегиональных, межгосударственных и межнациональных сношений и стать действенным средством общения человечества в условиях распространяющийся глобализации в современном мире.

Употребление философской лексики в произведениях различных жанров является одной из характерных черт XIV-XVII веков. Вместе с тем, наблюдается процесс постепенной профессиональной дифференциации языка философии в связи со специализацией знания, оформлением ее в отдельную науку. Этот процесс сопровождается терминологизацией отдельных слов, умножением терминологических сочетаний. Наличие философски “нацеленных” лексических единиц у драматургов, поэтов свидетельствует о том, что художественное познание действительности

шло параллельно с ее научным познанием, и в этом контексте мыслители эпохи Возрождения порой глубоко и с прозорливостью подходили к философским проблемам своего века. Современный литературный английский язык, выросший в основном на фундаменте языков классических, стал сегодня первым мировым языком в значительной степени благодаря своевременно сформировавшейся в ней определенной философской системы.

Семантические параллели в содержании философских категорий в процессе их становления в английском мышлении служат основанием для заключения о принципиальном единстве формирования представлений об этих категориях. Выявленные закономерности процесса формирования категориально-понятийного аппарата английской философии позволяют дать критический анализ некоторых герменевтических положений об их происхождении, концепций каузального характера мышления человека в исследуемый период и теории лингвистической относительности.

Список литературы

1. Баткин Л.Н. Ренессанс и утопия// Из истории культуры Средних веков и Возрождения.- М.: Наука. 1976. С. 23.
2. Даниленко В.Г. Русская терминология. Опыт лингвистического описания.- М.:Наука,1977. С 209.
3. Красильникова М.С. Происхождение семантической структуры и некоторые синтагматические связи англ. имен сущ-ных литературно-книжного х-ра: Автореф. дис... канд. филол. наук.- М., 1978;
4. Ярцева В.Н. Развитие национального литературного английского языка IX-XVвв. – М.: Наука.1985;
5. Честерфильд. Письма к сыну. Максимы. Пер. с англ. – Вологда, 1974.
6. Bacon Francis. A letter to Mr. Tobie Mathew (1623). – In: The works of Lord Bacon in 2 vols. London, 1841, vol.2, P.254.
7. Barber Ch. Linguistic Change in Present-day English. – Edinburgh – L.,1964;
8. Bauch A.C. History of the English language. 2-nd ed., N.-Y., 1957. P.265.
9. Brook G.L. History of the English Language. New-Jersey, 1958; Pei M. The families of words. N.-Y.,1968;
10. Jones R.F. The Triumph of the English Language. Oxford, 1953. P.16;
11. McKnight G.H. The Evolution of the English Language. N.-Y.,1968.
12. Soderlind J. The Attitude to Language Expressed by or Ascertainable from English Writers of the 16th to 17th Centuries. – L.,1964. P. 113;
13. Tucker S.I. English examined. Two centuries of comment on the mother-tongue. Cambridge. 1961. P.125.

ОПЫТ ПОСТСОВЕТСКОГО РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВА, ОБЩЕСТВА И КУЛЬТУРЫ

Абасов Али С.

доктор философских наук, профессор
Институт философии Национальной Академии
наук Азербайджана, Баку,
Азербайджан

Experience of Post-Soviet development of the state, society and culture

Ali Abasov

Введение

Близится к завершению третье десятилетие распада СССР и образования постсоветских независимых государств. За прошедший, казалось бы, небольшой исторический период произошли масштабные изменения, значительно изменившие образ и стиль жизни общества, функционирования государства, роли и места в них культуры. Судьбы демократии - оказались наиболее острыми и спорными проблемами при реализации различных теоретических моделей предстоящего будущего. Почти все постсоветские республики столкнулись с проблемой роста национализма в процессе становления государственности, задачей внесения в контекст новой жизни этно-конфессионального духовного наследия и построения на этих основаниях демократического общества. Сегодня мы знаем, чем закончилось большинство теоретических проектов, поспешно включенных в практику почти слепого социального эксперимента. За первое десятилетие после начала перестройки в СССР было допущено столько ошибок и просчетов, что для большинства людей стала характерной полная утеря ориентиров в прошлом, настоящем и будущем. Между тем, именно эти процессы заложили фундамент современной жизни постсоветских стран, в чем-то схожей, в чем-то отличной. В этой связи представляется весьма актуальным исследование этого уже прошлого опыта, который, тем не менее, продолжает проявляться и после тягостного переходного периода в современных государствах, их обществах и культурах. В статье исследование проводится на примере Азербайджана.

Основная часть

Уже к концу 80-х гг. прошлого века, когда если и ни распад, то масштабная трансформация СССР стала очевидной, в его республиках проходили широкие дискуссии о предстоящем будущем. Общества находились в перманентном поиске концепций развития, требовавших формирования новых социокультурных моделей, способных приблизить столь волнующее людей провалившегося коммунистического эксперимента будущее. Важными в то время представлялись дефицитные для советских обществ проблемы восстановления (а, по сути, нового

конструирования) национально-конфессиональной идентичности, освоения системы ценностей демократии, выработки конституционных основ государства, способных совместить национальную идентификацию с демократией.

Государства и общества СССР традиционно мусульманской ориентации, вынужденные осуществить выбор между мировым опытом исламских и западных стран, находились в более сложной ситуации: считалось, что принципы ислама и демократии останутся противоречивыми друг другу до тех пор, пока эта мировая религия, следуя примеру христианства, не переживет свою реформацию. Мало кто обращал внимания на тот курьезный факт, что в западном общественном сознании ислам ассоциировался с непримиримой ортодоксальностью, а демократия предписывалась в качестве неукоснительных, столь же ортодоксальных рецептов. Даже сегодня, как правило, ислам и демократия соприкасаются как идеологии, воинствующие уже в силу своей успешной социальной ангажированности. До сих пор «диалоги» между демократией и исламом происходят на противоречивых основах, определяющих взаимное соприкосновение сторон. И, если одной из сторон не хватает политической культуры, то другой - политической терпимости и, наоборот. Опыт взаимодействия и взаимопонимания, как правило, более омрачен негативными эмоциями, чем осознанием действительных расхождений ценностей ислама и демократии. Соответствующие таким эмоциям интерпретации исторических взаимоотношений мусульманской и христианской цивилизаций, интерпретации, отказывающиеся признать их «аврааматическое родство», еще больше усугубляют ситуацию отторжения, помноженную на бессознательные мотивы взаимного недоверия.

Модели сосуществования институтов религии и светского демократического государства с детально структурированным гражданским обществом давно обрели практическую жизнь не только в западноевропейских странах, но и имеют уже свои аналоги в других частях света. Однако страны СНГ исламской ориентации в этом вопросе не могли опереться на мировой опыт. Попытки взять за образцы, скажем, алжирскую, египетскую или даже турецкую модель взаимоотношений принципов ислама и демократии вряд ли могли считаться плодотворными хотя бы потому, что уровень светскости государства и секуляризации населения в постсоветских странах был несравнимо выше. Секуляризации, правда, особой, возвращенной советским атеизмом, заменившим общественную религию бытовым суеверием. Аутентичность исламских норм под влиянием советского образа жизни и вследствие длительной изоляции мусульман СССР от института религии подвергалась существенной деформации, что имело как свои позитивные, так и негативные последствия.

Шесть из пятнадцати бывших советских республик вынуждены были искать собственные пути обретения национального самосознания, «возвращения к исламу», вхождения в мировое политическое сообщество в качестве самостоятельных государств, с более или менее четко определенными ценностями и конституционными принципами развития. Сегодня можно подвести некоторые итоги преодоленного пути, представленного на фоне ушедшего непростого столетия и в перипетиях бурного начала XXI века с его драматическими коллизиями и противоречивыми сюжетами. Уже в самом начале этого пути постсоветские страны стали постепенно отдаляться друг от друга, а их последующий опыт инкорпорации религиозных ценностей в социокультурную и политическую жизнь стал приобретать в каждом отдельном случае черты уникальности. В Азербайджане, где ислам представлен малораспространенным как в мире, так и среди тюркских народов, шиизмом, а уровень светскости населения, видимо, самый высокий среди исламских народов, оформился свой, во многом неповторимый опыт.

Необходимо в какой-то мере подытожить опыт прожитых лет, показать, как Азербайджан вместе со своим обществом подошел к современному своему состоянию, понять особенности азербайджанского менталитета, подвергнувшегося испытанию независимостью.

Реальные итоги первых годов постсоветского развития для большинства республик оказались обескураживающими. Национализм, как необходимый фактор прихода к власти и обогащения новой политической элиты, превратил этническую национальную идею в основную социально-политическую и культурную ценность, а этно-конфессиональную специфику в идеологию. Коррупция - стала символом неверия новой властвующей элиты в государственность и социальную справедливость, а потому вместо свободы, рыночной экономики и демократии общество получило лишь их суррогаты. Началось движение «от нравственного хаоса к моральной панике» [1], охватившее более всего интеллектуальную элиту. Авторитаризм, пришедший на смену демократическому хаосу, стал возвратом к псевдототалитаризму с атрибутами вождя и толпы добровольно подчиненного большинства.

Весьма скоро пришло осознание того, что «новое мышление» было не философией обновления общества, а идеологией класса, перерождавшегося с целью сохранения политической власти в новых исторических условиях. Но, если даже на минуту представить себе искренними намерения идеологов «нового мышления», то и в этом случае их попытка была обречена на провал: новое мышление было лишено своей естественной почвы - нового сознания, а, как известно, сознание всегда предшествует мышлению.

Крушение блокового противостояния имело своим ближайшим

результатом резкое снижение накала столкновения догматических схем двух сторон, которое несколько неожиданно выявило глубокий мировоззренческий кризис глобального масштаба. Оказалось, что большинство политических доктрин, экономических моделей, социокультурных концепций, научных парадигм, ценностных и правовых норм постепенно, но неуклонно перестали соответствовать вызовам реальной жизни. Стоящая за всеми этими областями познания философия оказалась фрагментарной и ограниченной, а потому должна была измениться или дополниться, например, за счет нового понимания ценностей и веры, их места в жизни общества. В этой связи совсем не случайным оказалось формирование в постсоветский период бесчисленного множества, казалось бы, разрозненных национальных, религиозных, политических и гражданских идеологий и движений, ищущих новые ценностные идеалы и формы их выражения в общественной жизни.

В Азербайджане в начальные годы независимости сложился правовой фундамент, призванный способствовать формированию основных элементов гражданского общества и правового государства. Плюрализм мнений, свобода совести, многопартийность, отсутствие цензуры и наличие разнообразной прессы, свидетельствующей о свободе слова и права выражать свое мнение - стали подлинными завоеваниями азербайджанского народа, строящего свое суверенное демократическое государство. Вместе с тем, как и в любом другом государстве, переживающим переходный период, в Азербайджане сформировались свои собственные трудности и проблемы развития как гражданского общества, так и его политической культуры. Такое положение, в первую очередь, связано с отсутствием опыта, так как переход от тоталитарной советской системы к демократическому государству являлся новым для всех стран, даже тех, которые несколько опережали Азербайджан в развитии демократии. Словом, каждая страна, избавившаяся от оков советского социализма, прокладывала собственный исторический путь, на котором приходилось сталкиваться и с неудачами, и с временным отходом от задуманных планов и темпов реформ, и с отказом от многих иллюзий, которые возникли в самом начале независимости. Процесс формирования гражданского общества, не в последнюю очередь из-за советского наследия, оказался весьма сложным и противоречивым.

Тоталитарное советское государство не допускало самостоятельной инициативы граждан, поэтому решение всех социальных проблем объявлялось прерогативой государства. Кроме того, у азербайджанцев в прошлом не было более или менее длительного исторического опыта государственной жизни в условиях независимости и поэтому семья и семейные взаимоотношения воспринимались как некий самодостаточный организм, а государство как внешнее чуждое пространство. Приходилось

не просто осваивать опыт построения независимого национального государства, а опыт построения демократического государства, институты которого принципиально отличались бы от советских институтов.

В целом можно сказать, что азербайджанское общество в широком смысле слова вступило в период трудного и сложного перехода от закрытого общества к обществу открытому, в узком смысле слова это был переход от авторитаризма к демократии, который с теми или иными оговорками можно назвать «транзитным». У Азербайджана, как и любой другой страны, были свои национально-исторические, культурно-психологические и социально-политические особенности, которые оказывали влияние на процессы демократических преобразований, создание атмосферы открытости и публичности, возникновение и функционирование гражданского общества.

Гражданское общество традиционно понимается как социальное пространство между семьей и государством. В идеале между гражданским обществом и такими сегментами как семья и государство не должно быть жестких разъединительных границ, а структуры гражданского общества должны не только уметь самоорганизовываться, но и уметь воздействовать на государство, а при необходимости защищать себя. Главное, что граждане действуют в данном социальном пространстве самостоятельно и независимо, не будучи имплантированы в систему государственных структур. Являясь промежуточной сферой, гражданское общество для выполнения своих функций должно, с одной стороны, институализироваться, избегая при этом излишней бюрократизации, окостенения, свойственных государственным институтам при утере над ними контроля общества. С другой стороны, институты гражданского общества должны сохранять известную подвижность, текучесть, чтобы сохранять способность адекватно реагировать на постоянно меняющиеся в динамичном мире социальные потребности. Освоение подобной технологии само по себе говорит о необходимости аналитической составляющей в процессе развития общества, о необходимости институционального и внеинституционального обмена между различными структурами общества. При этом следует учесть, что формирование «гражданина» и «граждан» процесс достаточно болезненный, ведь по существу человек в этом процессе постепенно освобождается от опеки как со стороны семьи, так и со стороны государства. Как правило, это происходит вынужденно, в сложных социальных и экономических ситуациях, например, в условиях переизбытка населения, экономических трудностей. Таких ситуаций и таких обстоятельств становится все больше по мере развития, хотя человек и в новых условиях тянется к привычным для него, старым социальным порядкам. Во всех случаях неизбежно мучительное приспособление людей к новым условиям, к которым они не только не привыкли, но и нередко не верят в их разумность. По

Конституции, Азербайджан - демократическое государство, принципы которого распространяются на все сферы жизни от экономики до культуры, и которое во главу угла ставит защиту основных прав и свобод граждан. В реальности просматривается несколько иная ситуация: практическое отсутствие разделения властей и, как следствие, полная зависимость судебной власти от власти исполнительной, подчеркнутое всевластие силовых структур, самоуправство бюрократии, господство теневого сектора, свидетельствующее о перманентном невыполнении законов, уязвимости институтов гражданского общества, корпоративных и клановых тенденциях, раскалывающих общество на враждебные группы и т.д.

Болезненная реакция на материальные тяготы и оказалась питательной почвой как для риторики авторитаризма, так и для различных проявлений популистской демагогии. В начальный период развития независимости советская иерархическая пирамида в Азербайджане, как и в других странах бывшего СССР, была не разрушена, а как бы перевернута, поставлена с ног на голову, высвободив мощную энергию масс. Для этой массы подсознательно существовало стремление разрушить систему, которая порождала их униженность и бесправность. Не случайно на советском пространстве родился и практически повсюду прижился феномен «Народного Фронта», акцентирующий внимание на противоборстве нового и старого порядка. В Азербайджане «Народный Фронт» представлял собой достаточно разнородную массу, и его руководители должны были отдавать себе отчет, что не могут в одночасье стать «мозгом» этой массы. Было бы, однако, крайне наивно и непродуктивно с дистанции прошедших лет рассматривать одни лишь упущения этого периода. Столь же наивным было бы ожидать, что эта власть немедленно начнет формировать институты гражданского общества, а люди захотят вырваться из «массы» и действовать самостоятельно. Спонтанные процессы, которые раньше были полностью блокированы государственным бюрократическим аппаратом, теперь стали брать вверх, не желая принимать те или иные уставные и программные ограничения, что приводило к тому, что стали главенствовать принципы «митинговой демократии». Что касается государственной власти этого периода, то ее действия ограничивались более или менее оперативной реакцией на уже происшедшие процессы и, соответственно, ограничивалась полумерами. Не удивительно, что в эти спонтанные процессы, так и не принявших институциональные формы, проникали эгоистические, индивидуальные и групповые интересы, углублявшие их хаотичность.

В Азербайджане от этого первого этапа сохранилось представление о важности свободы информации. Страна оказалась в открытом информационном мире, внутри общества все больше стали понимать значение информации. Во всем остальном последующие этапы

независимости Азербайджана оказались не продолжением и развитием этих спонтанных процессов, а попыткой реанимировать старую систему власти, столь привычную для простых людей.

В этих условиях было трудно прогнозировать, какие социальные трансформации предстоят в будущем. Если говорить о сознании азербайджанца, то в нем было больше утраченных иллюзий, чем обретенных реальных возможностей, больше равнодушия к политической сфере, чем убежденности в том, что его участие в общественной жизни может оказаться продуктивным. Между тем Азербайджанская Республика форсировала рубеж своего десятилетнего независимого существования. В масштабах длительных исторических процессов данный промежуток времени казался не столь значительным. Но ретроспективно, оглядываясь на каждый год, можно было подумать, что Азербайджан прожил целую эпоху, прошел сквозь десятилетия трудного, противоречивого развития. Самым любопытным подтверждением этого является факт того, что о советском периоде в Азербайджане, который как будто должен был на всю жизнь крепко врезаться в память, уже слагались мифы, в которые многие начинали верить. Молодежь в своем большинстве практически ничего не знала о недалеком советском прошлом.

Вырванный этническим конфликтом (карабахскими событиями) из привычных рамок размеренной советской жизни, Азербайджан в конце 80-х гг. прошлого века, как и другие республики СССР, встал на путь демократизации и национально-освободительного движения. Вначале робкое в рамках вполне дозволенного лозунга «В поддержку перестройки» движение это в дальнейшем стала более радикальной. Именно в тот период стала складываться новая политическая элита Азербайджана, вытесняя в целом лояльную к советской действительности старую элиту, роль которой, отчасти, выполняла азербайджанская интеллигенция.

Карабахские события на долгий период времени определили как характер развития политических процессов в Азербайджане, так и специфику формирования его нового политического спектра, начало которому было положено созданием Народного Фронта (НФА). Именно из этого, некогда единого общенационального движения, вышло большинство наиболее значительных политических партий республики. Наиболее влиятельные фигуры власти и оппозиции, облаченные в конце 80-х гг. в шинель НФА, выглядели соратниками. Если в большинстве постсоветских республиках «фронты», выполнив свою историческую миссию, исчезли, в Азербайджане НФА трансформировался из движения в одну из ведущих партий, подверженной, правда, коллизиям, приведшим к смене ее политических идеалов. Это произошло позже, когда национал-демократизм утратил свою былую привлекательность и стал заменяться, пусть вначале на словах, на идеи либеральной демократии. Риторика страны, рвущейся в объятия Запада, не могла быть националистической.

Но до всех этих событий страна прошла через кровавое очищение 20-го января 1990 года – этого и последующих сорока дней беспрецедентного национального траура по сотням жертв советской армии, - разрушавшего последние иллюзии по поводу перспектив советского строя в Азербайджане. Это событие, являясь детищем советской системы, вместе с тем стало первой датой в календаре еще не родившейся, но уже мощно бьющейся в чреве старой системы, новой независимой Азербайджанской Республики. Конституционный Акт, учреждающий преемственность государственности Азербайджанской Демократической Республики (1918 - 1920 гг.), провозглашение независимости – самостоятельные политические события, но их восприятие, вне всяких сомнений, осуществлялось именно новым азербайджанским сознанием, опалённым событиями 20-го января. В Азербайджане до сих пор идет спор между сторонниками идеи завоевания республикой своей независимости путем упорной борьбы и тяжелых жертв и их противниками, утверждающими, что независимость «свалилась нам на голову» как неожиданный дар судьбы и собственной роли Азербайджана в этом как бы и нет. Что можно сказать по существу этого спора, проводимого достаточно элитарными кругами и их идеологами? Разве лишь то, что каждый из них или заплатил или же бесплатно пользуется плодами независимости, что никак нельзя сказать об азербайджанском народе. Вот уж кто вполне заплатил и продолжает платить по счетам независимости – старым и новым. Для одной части народа независимость стала настоящим экзаменом на выживаемость, для другой – столь тяжелым бременем, что она навсегда покинула Азербайджан. Современные процессы этногенеза и политической консолидации приняли специфические черты: в этих процессах стали взаимодействовать те слои азербайджанского общества и те страты азербайджанцев вообще (беженцы и переселенцы), которые ранее из-за пространственной удаленности просто не соприкасались друг с другом в едином политическом поле.

Практически во всем спектре политической элиты стало хорошим тоном подвергать уничижительной критике год правления НФА. Этот, по сути, романтический, а не политический этап развития независимости Азербайджана провозглашался эпохой тотального хаоса и правового беспредела. Между тем, современные научные теории именно с хаосом связывают творческое развитие, распространяя синергетические подходы на исследование общества. Но, даже отстранившись от научных концепций, зададимся простыми вопросами: а разве все мы сами не жили в том обществе, разве современные респектабельные партии сами не страдали романтизмом той эпохи, разве их лидеры не грешили в то время националистической фразеологией и расплывчатостью политических программ?! Спросим, наконец, а чем была занята в тот период политическая элита и интеллигенция Азербайджана? Не слишком ли

быстро стала возникать новая политическая мифология нашего вчерашнего дня?!

Демократический романтизм исчез, едва народившись на свет, исчез и общенациональный энтузиазм того времени, и политическая элита Азербайджана, отворачиваясь от собственного прошлого, стала искать модели развития, раздвинув до неприличия рамки пресловутого переходного периода. Более или менее внятно сформулированной программы переходного периода не было. Видимо, необходимо было опереться на потенциал национальной научной и гуманитарной элиты, лучше всех усвоившей азы западной демократии, на молодежь, прошедшую обучение в самых известных западных интеллектуальных центрах. Создание общенациональной модели политико-экономического, духовного и социального развития Азербайджана, без которой у страны нет осознаваемого будущего, запаздывало.

В Азербайджане процессы глобализации начались с интернационализации этнического конфликта и начала новой нефтяной стратегии, то есть достаточно рано по сравнению с другими республиками бывшего СССР. Поэтому реальные и мнимые проблемы Азербайджана необходимо было проанализировать в рамках вероятной динамики глобализации в регионе.

По проблеме переходного периода постсоветского общества протекала довольно-таки острая дискуссия. То, что общества действительно переживали время перемен, особых споров не вызывало. Зато характеристика данного периода была противоречива по большинству своих аспектов. Так, не были уяснены до конца истоки этого процесса, особенности его состояний, не определены период, необходимый для преодоления переходного состояния обществом, и меры, способствующие этому, не было сделано более или менее четких акцентов реальной цели, к которой могло бы двигаться общество.

Хаотичным, во многом принудительным было начало перемен еще в период перестройки в СССР, таким же оно сохранилось к моменту обретения независимости, в целом оставалось таковым и во времена поиска национально-конфессиональной, экономической, политической и культурной идентификации новых независимых государств. Безусловно, следует признать, что такое положение дел оправдывалось неожиданностью и темпами разрушения системы, вносившими смятение в души даже самых непримиримых противников социализма. Запаздывание осмысления специфики исторического момента породило своеобразный цейтнот, преодолеть который до конца не удалось. Однако консервация этой ситуации грозила уже самим устоям государственности.

При всей мифологичности и размытости социалистических идей, особенно бросающихся в глаза на заключительном этапе их господства, права и обязанности людей были хорошо регламентированы и выделялись

простотой и доходчивостью требований. Достаточно примитивная схема мировой политики («свои-чужие») и слабая социальная дифференцируемость позволяли на уровне бытового сознания легко ориентироваться в перипетиях внешней и внутренней политики, органично подстраиваться под ценностные идеалы системы. Ценностные идеалы, в свою очередь, лишённые национально-конфессиональных и личностных коллизий, выражали коллективистский, наднациональный характер, а потому также легко воспринимались обыденным сознанием. Несколько грубоватый, но яркий пример жизнедеятельности в аквариуме или зоопарке наглядно передает регламентированный извне характер функционирования общества, в котором жили советские люди.

Однако в периоды вынужденной либерализации системы иллюзорность многих ценностных идеалов становилась самоочевидной настолько, что даже со стороны власти предпринимались попытки их частичной ревизии, без покушения, конечно, на фундаментальные положения идеологии. Это превращало нормы поведения в социалистическом обществе в своеобразные правила игры, молчаливо принимаемой и властью, и большинством народа. Ближайшим последствием такого состояния явилось отчетливо наблюдаемое в каждой сфере жизнедеятельности общества раздвоение сознания. Скрытая переоценка ценностей не могла не привести к парадоксу, при котором «должное» - трансформировалось в иллюзорную идеологию, «сущее» - в «философию» повседневной жизни. Но эта иллюзия не препятствовала, а напротив - способствовала складыванию вполне реальных социальных отношений, формирующих иждивенческое, потребительское отношение людей к власти, государству. И эта черта была не преодолима, она должна была отмереть вместе с поколением ее носителей; она позволила соблазнить общество немереными благами, предсказываемыми демократами-самоучками, она повсеместно вернула к власти партноменклатуру, обещавшую реставрацию старых порядков, она усиливала недовольство Западом, не выполнившим, с точки зрения иждивенческого сознания, своих обязательств.

За десять лет с начала масштабных перемен в СССР и до начала государственной независимости республик было предпринято несколько неудачных попыток формирования ценностных идеалов, способных претендовать на роль новой общенародной, а позднее - общенациональной доктрины.

Не останавливаясь на первом этапе, когда повсеместно пробуждался интерес к «подлинной» истории, ее «белым пятнам» и «восстановлению исторической справедливости», и втором - на котором складывающаяся оппозиция официально заявила о себе лозунгами «обновления» социализма, демократической реформы и рыночной экономики, следует прямо перейти к третьему этапу, в ходе которого некогда общие ценности

стали трансформироваться особенно быстро и приобретать региональные отличия. Хотя повсеместно шло схожее обращение к ценностям национального языка и культуры, национально-конфессиональной идентификации, результаты такого погружения отличались своей спецификой, конкретной социальной ситуацией, грузом исторического прошлого. Именно на третьем этапе произошло окончательное крушение некогда единой идеологии советского народа. На закате Союза можно было наблюдать удивительное разнообразие, плюрализм идей, трудно совместимых друг с другом, однако это отнюдь не способствовало плюрализации тоталитарного сознания, складывающегося не одно десятилетие. Раздвоенность сознания из осознанной игры превращалось в реальную внутреннюю конфронтацию нового и старого мышления. В Азербайджане интеллигенция, возглавив обновленческий процесс, довольно скоро утратила не только власть над движением, но и интерес к нему.

Из истории можно привести примеры фантастически быстрого формирования моделей национального сознания, как это было в случаях советского коммунизма и германского нацизма, в течение нескольких лет превратившихся в господствующие доктрины своих обществ. Можно возразить, что эта скорость объяснима насилием тоталитарной системы (и это объяснение принимается); что в условиях перехода от тоталитаризма к демократии становление национального самосознания процесс длительный (это объяснение требует своего уточнения как в сроках, так и по причинам подобной длительности); наконец, что национал-социализм и коммунизм - это не формы национального самосознания, а политические доктрины, идеологии (утверждение идеологов формирования национального самосознания в качестве культурной модели).

Начнем с последнего: для многих исследователей национального самосознания - эта проблема культурологическая - народ, согласно ей, должен осознать себя как исторический носитель определенной культурной традиции, сформировавшейся в пределах определенной территории, временных рамок, на консолидирующих основах определенного этноса, его языка, религии и особенностей менталитета, выявляющего специфические психологические и поведенческие нормы. Это, действительно, соответствует истине, но, как говорится, только ее одной стороне. С другой стороны - проблема национального самосознания является вопросом политической сферы и как таковая она должна решаться в рамках политологического анализа. Национальное самосознание - это тот фундамент, на котором воздвигается здание национальной суверенной государственности в период обретения народом независимости. В том случае же, когда обретение независимости совпадает с крушением тоталитаризма и переходом к демократии, национальное самосознание взаимосвязывается с условиями становления и развития

правового государства и гражданского общества. Если последнее верно, тогда становится понятна одна из ошибок идеологов формирования национального самосознания: они путают его культурологические и политические аспекты, они часто забывают, что это самосознание требует своей модернизации под влиянием того политического климата, который господствует на данный момент. Короче, происходит (вольно или невольно) подмена понятия нации понятием этноса.

Прежде чем обратиться к анализу культурных оснований формирования нации, остановимся на ситуации, от которой Азербайджан начал и продолжил движение к независимости. Это движение пришлось на конец XX-го века, протекающего в геополитическом пространстве, формируемом преимущественно западными политическими ценностями. В то же время азербайджанцы с выраженной восточной (советской) ментальностью формировались в нацию в условиях уникального перехода от тоталитарной диктатуры к плюралистической представительской демократии, от плановой экономики к рынку. В Азербайджане исторически, а также за последние десятилетия социализма, государство и власть традиционно оказывали решающее воздействие на формирование экономических, социальных и политических отношений. Советская тоталитарность и иерархичность приводили к формированию жестко организованной системы, подчиняющей все социальные структуры централизованной, а часто и персонифицированной власти. Разрушение этой жесткой системы привело к резкой дестабилизации общественных структур, стремительному расслоению общества на бедных и богатых в такой мере и масштабах, что началась люмпенизация и отчасти маргинализация населения.

Утрата структурной целостности общества поставила людей в положение незащищенных жертв коррумпированной власти, ностальгически мечтающих о реставрации старого общества с его иерархичностью и вождем - отцом нации. Но состоявшаяся в 1993 г. реставрация - это квазивозвращение к старому, также как квазидемократией были годы, предшествующие ему. Иначе и не могло быть, так как советские люди - дети тоталитаризма, лишь примерявшие одежду демократии, считавшие, что внешняя форма важнее внутреннего содержания. Сегодня эти заблуждения преодолеваются как внутренним прозрением, так и внешним принуждением.

Большая проблема, стоящая перед национальным самосознанием, заключена в преодолении его маргинальности. Парадоксально, но азербайджанская культура смогла синтезировать в себе все лучшее из внешнего влияния, перерабатывая его в собственную национальную традицию, но подобная пластичность как бы препятствовала развитию политической зрелости и затрудняла движение к независимому государству. Культура Азербайджана по возможности сопротивлялась

советской раздвоенности на «национальную по форме и социалистическую по содержанию». А в это время ущербная азербайджанская государственность из всех сил калькировала русский политико-идеологический лексикон на национальный язык и навязывала его культуре. Показателем того, что это был все же своеобразный ритуал, а не серьезная убежденность, является та поразительная скорость, с какой почти все азербайджанцы сбросили с себя, казалось бы, превратившуюся в кожу социалистическую одежду. Нет ли опасности, что схожую картину мы сможем скоро наблюдать в отношении господствующей сегодня западной политической доктрины и английского языка, успешно вытесняющего русский?

Известно, что отсутствие государственности сводит идентичность к сугубо языковому единству, поэтому борьба за реставрацию языка является неизбежной составляющей всех национальных движений, борющихся за независимость. Однако после достижения независимости для того, чтобы язык превратился в подлинный элемент национального общения и государственности, он должен наполниться новым политическим содержанием - он должен стать языком гражданского общества и правового государства. Характерно, что в свое время в Турции вместе с переходом на латиницу была осуществлена переводческая революция, давшая возможность заинтересованной части населения ознакомиться с лучшими образцами мировой политической, экономической, социальной, духовной, философской и художественной литературы на родном языке. Это не в меньшей степени, чем чисто политические методы, способствовало консолидации турецкой нации, состоящей из гораздо большего числа этносов, чем в Азербайджане.

Маргинальность и разобщенность азербайджанской интеллигенции отмечалась еще в начале прошлого века, последующие дискуссии по поводу самоназвания народа показывают, что эти опасные рифы еще не до конца преодолены в самосознании.

Особые дискуссии шли по поводу места религии в светском государстве. Религия должна стать составной частью культуры, но не политики, она должна разнообразить культурную традицию, превратиться в фактор духовности и нормы нравственных ценностей. Но при этом культурная самоидентификация должна способствовать усвоению западных политических ценностей так, как это произошло в Японии, то есть в форме собственной традиции. Просто, но повторимо ли?

Традиция каждый раз используется как форма адаптации к новым условиям жизнедеятельности. Это особенно ярко проявилось в провале попыток прямого калькирования принципов западной демократии на постсоветскую почву, весьма различную в отдельных республиках. Да и сами эти принципы на Западе, а теперь и в ряде стран Востока, трактуются достаточно широко и произвольно, чтобы можно было бы вывести некую

универсальную «формулу демократии».

Формирование нации и ее самосознания возможно только на пути утверждения правового государства и гражданского общества, модели которых, однако, должны носить национально-культурную форму. Этапы национал-демократии с признаками анархии, авторитарного формирования государственности закончились, идет третий период формирования гражданского общества и правового государства, при котором институты власти будут трансформироваться под влиянием западноевропейской политической системы, а национальное самосознание приобретать черты самосознания гражданского. Но это - только схема. Реальная история может вырвать Азербайджан из геополитического пространства Запада, вернуть его вспять или же растянуть процесс трансформации на длительный период. Однако динамика современных процессов глобализации мировой системы пока не выявила иных путей прагматичного развития. Следовательно, многое зависит от культурной традиции и общей динамики изменения культуры и разнообразия представлений о ней. Между тем, в Азербайджане художественная рефлексия все еще преобладает над теоретической рефлексией, мир культуры все еще задвигает в тень мир политики, в то время как во всем мире историческое развитие поддерживалось движением самосознания от литературы к философии и от нее к реальной жизни, политике. В Азербайджане так и не состоялся роман, *социальный* роман, призванный отразить глубокие изменения общества под влиянием побеждающей частнособственнической психологии. Между тем эта форма литературы, как и философская рефлексия, является необходимым этапом духовного развития народа и вбирает в себя многие характерные черты, которые, собственно, и определяют сегодня как специфику ментальности народа. Нет социального романа - нет и вытекающих из него всех форм литературы XX века, которые продолжили бы путь к философии.

Большинство современных проблем Азербайджана ни художественные, ни философские, они - политические. Коль скоро так, они должны решаться в реальной жизни, от которой общество предпочитает отворачиваться.

Период середины XIX – начала XX вв. имеет исключительное значение для Азербайджана, его культуры, начального формирования из этноса в народ. Этот процесс, как и процессы социализации и политизации общества, были искусственно заморожены, а потому сегодня идет новый искусственный процесс перехода из этноса сразу в нацию, т. к. времени и исторической ситуации начала века, формирующей народ, уже нет. «Опоздавшие народы» - термин западной политологии, касается и азербайджанцев, постоянно и безуспешно старающихся догнать в развитии западные страны.

Для Азербайджана ситуация пограничья, зажатости между Востоком и Западом давно стали привычным состоянием мироощущения. Вся беда в полном политическом застое, не формирующем граждан и оторванности литературы от жизни, негласное табу адекватно отображать жизнь. Два параллельных мира так пока и не пересеклись.

Мы потеряли или пока не нашли точки опоры в истории, отсчета нашей культуры, государственности, ментальности. Не то, чтобы эти точки вообще отсутствовали, просто их много, и мы не можем остановиться на системе их упорядочивания. Наши последние сто лет более или менее ясны исторически, но не пережиты литературой и философией. В них слилось средневековье, зарождение и сворачивание капитализма, эпоха социализма (в том числе и как нового феодализма), квазивозврат к началу века, со всеми тяжелыми проблемами и испытаниями того времени, последующее безвременье. Наше 1000-летие - это завалы мифов, отрывков исторических событий, разобщенности и автономности развития, так и не охваченного не только философской, но и художественной рефлексией. Наша мысль часто движется по кругу: искать в «чужом» - «свое», «свое» - сводить к «чужому».

Выбор миссии азербайджанской интеллигенции - это вопрос классификации. Интеллигенция - не стала интеллигенцией народа, способной ставить задачи национального развития, потому она не создала программы, она не возглавила ни художественного, ни философского движения, она так и не пошла в мир политики и не повела туда за собой народ. Нужна ли и возможна у нас «новая» интеллигенция? Задача интеллигенции сформировать у азербайджанцев чувство государственности, интерес к политическому, вывести из семьи (но не увести вовсе) в общество, где только и возможно формирование как азербайджанского народа, так и государственности. Видимо, эту задачу будет решать новая элита. Сначала формирование элиты, и лишь затем - становление нации. Вина и ошибки старой элиты - это «отвернутость» от жизни, закрытость, попытка спрятаться за этикетом поведения от правды жизни. Необходимо подняться из области «бессознательного» освоения действительности в осознанный мир противоречий. Столкнуться с реальностью, взглянуть в глаза судьбы. Тотальная критика - вот механизм нового возбуждения жизни общества и литературного процесса.

Для Азербайджана противоречиво характерны автономность, отстраненность культуры от жизни и ее пластичность, умение превращать чужие модели в собственную традицию. Какая-то трансцендентальная вечность, ввергающая культуру то в гениальность, то в профанность. Время и пространство - закрытые категории для вечности, хронотопная модель культуры не социализирована (в ней еще много архаики). Ее можно понять только как целое, а потому, при отсутствии критических работ, она просто закрыта для анализа.

Нередко предполагается, что обращение к культурному наследию прошлого призвано обеспечить поддержание привычных смыслов, норм и ценностей, сложившихся в обществе. На самом деле гораздо чаще в прошлом берется лишь то, что оправдывает настоящее или претензии на будущее. Эта избирательность также должна учитываться в процессе познания культуры, который исторически состоит из связанных между собой этапов предклассики, классики, неклассики и постнеклассики. Кроме того, следует признать, что познание в культуре и отчасти в философии исторически отличалось от научного познания, поскольку использовало более широкое разнообразие форм (уровней) психической деятельности человека: предсознание, прасознание, бессознательное, подсознание, сознание. Можно предположить, что: 1. культура до сих пор зиждется на всех этих формах; 2. преимущественно философия использует многие из них, но часто в отрыве друг от друга; 3. наука, как порождение рационализма, в целом опирается на уровень сознания. Можно предположить далее, что философия и наука находятся на пути к освоению новой формы коллективного сознания, прообраз которой отчасти представлен понятием ноосферы. Отчасти, поскольку ноосфера всецело включает в себя лишь сознание, преимущественно игнорируя остальные формы психической деятельности человека. Между тем современное постнеклассическое познание, выстроенное на обломках рационализма, настоятельно требует органического включения всех перечисленных форм в дискурс науки. В случае постнеклассики традиционный триптих познания должен быть дополнен предваряющим его уровнем прапознания – преднаучным познанием, продуктом которого выступали пралогическое и мифическое мировоззрение. Человечество на новом уровне спирали познания повторяет этап первоначального коллективного мифического познания (сознания), стремясь качественно превзойти свой праобраз. Следует отметить, что сложившаяся ситуация не результат некоего произвола, а закономерный итог логики развития самого познания. Столь радикальный подход основывается на осознании того, что человек творит не в реальном мире, «а в мире очеловеченном, точнее – мире, человеком опредмеченном, сотворенном» [2, 56]. Этот путь эволюции культуры можно представить цепочкой переходов: от синкретизации познания к его гносеологизации, затем - онтологизации и, наконец – к аксиологизации познания. Культура переживает сегодня этот последний (аксиологический) этап утраты рациональных основ познания, смешения субъект-объектных отношений, словом все многообразие «аксиом» постнеклассики и постмодернизма, подчиняющих познание избранному исследователем ракурсу.

Исследование любой национальной традиции предполагает компаративное исследование языка, религии, психологии, социокультурных факторов и моделей развития общества в прошлом и

настоящем, динамику структуры семьи и гендерных отношений в ней, характера и уровня образования населения и т. д. Такая исследовательская программа не может быть выполнена в рамках одной статьи, поэтому сосредоточимся на ее отдельных фрагментах.

Национальные архетипы и такие факторы, как: природа, ландшафт, религия, язык («язык любого народа в определенной степени аккумулирует в себе его историю и этнографию», [3, 12]) и т. д., формируют основания культуры, детерминируя этническую картину мира. Причем, «компоненты национального духа в большей степени носят архетипический характер, нежели нормативный» [4, 16].

Как отмечал Г. Гачев: «Первое, очевидное, что определяет лицо народа, – это природа, среди которой он вырастает и совершает свою историю. Она – фактор, постоянно действующий... и фундамент истории каждого народа – есть история его труда по преобразованию природы, среди которой он живет. Это двуединый процесс: человек пропитывает окружающую природу собой, своими целями, осваивает ее и одновременно пропитывает себя, всю свою жизнь, быт, все свое тело и, опосредованно, душу и мысль» [5, 47-48]. Характерно, как и большинство восточных народов: «Азербайджанцы, больше любят воспевать природу и любоваться ею, но чтобы полнее и эффективнее использовать дары природы..., то об этом, меньше задумываются» [6]. Можно сказать, что взаимодействие этноса с природой, способствующее формированию основных черт национального духа в целом носит поэтический характер [7].

Следом идет конструирование политических и идеологических доктрин, разводящих или сближающих государство и общество с миром. Совокупность этих факторов определяет характер и специфику феномена культуры в ее целостности.

Оставляя в стороне архетипы, присущие всем народам, сосредоточимся на природе этнической картины мира, попытаюсь выявить специфику мирозерцания и представлений о человеке, выработанной шиитским исламом на почве тюркской ментальности. Как они преломляются в сфере духовности, как влияют на формирование идейных основ модернизации государства и общества? Есть ли в них потенциал, усмотренный М. Вебером в протестантизме, какая этика в этой связи может быть предложена религиозной традицией современному обществу?

Важно отметить, что исторические и геополитические реалии Азербайджана, перманентно переходящего под эгиду различных внешних центров влияния, способствовали складыванию пластической, а не симбиозной культуры. Даже колонизация Азербайджана Россией, ставшая социокультурным шоком нового типа, поскольку столкновение культур происходило уже не в рамках единой цивилизации, а великого противостояния: Восток – Запад, не нарушила пластический характер

азербайджанской культурной традиции, хотя ее новый синтез того времени во многом определялся западными ценностными ориентирами.

В силу постоянного взаимодействия с другими культурами азербайджанская культура, однако, кроме пластики, обрела и характерные черты маргинальности. Отмеченная маргинальность способствовала становлению «рыхлых» государств и обществ пониженной политической культуры. Характерными для них являлись - неадекватная оценка значения государственности и сложной стратификации общества, что свидетельствовало о сохраняющихся в культуре сильных мотивах традиционализма, нередко представлявшегося основой всякого развития.

Такую модель можно назвать культурой «степи или равнины», позволяющей из-за особенностей «рельефа» как возводить горы, как и рыть глубинные котлованы. Модель «равнины» открыта для взаимодействия культур, народов, религий: воспринимая в первую очередь духовно-этические ценности, облаченные в мистическую фразу, и лишь затем, часто по принуждению, рациональные новации. Как и любая другая, модель культуры «равнины» имеет свои плюсы и минусы.

«Плюсы» формируются в силовом поле самой культуры, открытой внешнему влиянию. Они заключены в продуцировании синтетических форм духовности, способности пластично и по-своему оригинально вводить в контекст национальной культуры элементы и целые течения культур других народов, в восприимчивости к религиям и особенно ересям, языкам, идеологиям, направленности духовных поисков преимущественно в будущее, в мистическом, а потому интуитивном отношении к жизни.

Одним из основных положительных моментов является высокая степень адаптации к внешнему влиянию, порождающая веер стилей жизни, способствующих поддержанию стабильности жизнедеятельности в самых неблагоприятных условиях.

«Минусы» детерминировали характер политической культуры: отсутствие жесткой социокультурной и политической самоидентификации, слабую привязанность саморефлексии к истории, самооценную связь не с реальным, а мифическим прошлым, низкую потребность участия в государственных и общественных делах; постановку «мировых» - вместо конкретно-практических проблем; отсутствие здравого прагматизма, устремленность чаяний и мысли с земли на небо. В итоге этническая интерпретация любого социального феномена или института неизменно отягощена духовными размышлениями, часто антисистемными, а потому разрушительными. Идея учреждения лучшей жизни «здесь» и «теперь» - нередко заменяется иллюзиями на тему жизни «там» и «потом».

Парадоксально, но такая типично интравертная политическая культура кажется предельно открытой, доступной и понятной; культура, активно ищущая спасение души человека в трансцендентальных началах и идеалах,

далеких от реальности, ибо в «этом» мире нет надежды и шанса на спасение. Поскольку это мир вселенского зла и несправедливости, который нельзя реформировать или перестраивать, его можно, а потому нужно только разрушить, тотально уничтожить, и на обломках строить новый мир. Сдерживаемая энергия масс в редкие, но яростные по накалу страстей периоды, сама выступает как деструктивная, перебродившая бессознательными мотивами, политическая сила.

В отличие от экстравертных политических культур, уравнивающих внутреннюю и внешнюю энергию для прагматичного созидания, интравертная культура настолько озабочена вселенскими проблемами, что не оставляет времени для решения «мелких» бытовых проблем. Это высокая, избыточная культура уже с трудом может и хочет возвращаться к малым формам творчества, она становится деспотичной в своих предельных требованиях, а потому, как всякий тиран, распространяет несвободу и приверженность традициям, в первую очередь на саму себя. Будущая «вечная» свобода отменяет на века свободу временную, свободу жизни земной, свободу мышления и поведения человека на земле. Эта добровольное закабаление, достигнув своего предела, пытается вырваться из железной хватки несвободы, но темная сила - разбуженная инициатива - отбрасывает ее в еще большую несвободу и происходит быстрая замена демократических ценностей тираническими догмами.

И потому такое общество (не только в силу внешних причин) перманентно переживает периоды затяжного прерывания естественноисторического развития, особенностями которых является томящая сердце и ум погруженность в неизбывную инерцию, кажущуюся бесконечной. И вдруг, в пике безысходности вечно транзитное общество срывается в бешено-безоглядное прожигание исторического времени, в котором день идет за год или столетие. Это аномальная, но безмерно познавательная по опыту своих негативных результатов для всего остального мира, культурная парадигма, опрокинутая в политические реалии, слабо взаимосвязывает и субординирует прошлое, настоящее и будущее. Модус времени находит свое уродливое преломление в неукротимой идее непрерывной экспансии жизненного пространства людей. Экспансии пространства этой политической культурой, носитель которой категорично настроен на спасение мира любыми средствами: за счет принесения в жертву «другого», а в редких случаях и самого себя. Важно, однако, заметить, что эта культурная парадигма (и в этом заключена одна из причин ее принятия человеком и обществом) не требует внутренней убежденности человека в ее правоте, для нее достаточна внешняя покорность, показательная приверженность ее ритуалам.

Это своеобразный демонстративный максимализм, не знающий сдерживающих начал, формирует стиль жизни общества, заражая его своей традиционностью и пассивным консерватизмом, тем не менее,

временами выплескивающимся в агрессивные деструктивные деяния, направленные на осуществление единственно приемлемой моноидеи. Химерический характер последней и ее агрессивная экспансия устраняют любые зачатки плюрализма и демократии, тоталитарно извращая и опошляя их суть и сущность, сводя к «стандартам» традиции. Она парадигмально деструктивна и деструктивно парадигмальна, она универсальна, всеобща, абсолютна, она по-своему логична и последовательна, а потому антирациональна, антипрагматична. И первыми жертвами ее становятся право и политика, так как мораль и нравственность, стиль жизни общества уже априори захвачены ею в плен «начальных условий» этого самоубийственного эксперимента. Идеологизация права открывает широкий простор для произвола, всеобщего сведения многообразия жизнедеятельности людей к конечному набору абсурдных, но поразительно живучих норм. Построенный на этих фантомах искусственный мир, между тем, вполне реально существует и развивается за счет многочисленных материальных и духовных жертв, приносимых во имя его квазисуществования.

Ничто не переживается так скорбно и безутешно этим миром, как отсутствие четкой идеологической линии, поступающей как прямая директива и приказ для исполнения. Общество подобного мира мечется в поисках утраченных идеологием, в стремлении восстановить концепты вселенского решения проблемы, на самом деле не стоящей выеденного яйца. Не случайно, скатывание к очередной авторитарности и мессианству в таких обществах проглядывается уже в эпоху демократизации, и идеалы политической элиты и специфика харизмы лидеров идентичны характеру разворачиваемых социокультурных и политических процессов. Именно для таких обществ, для их культур реальные ценности постмодернистского мировоззрения и технологические новации в сфере информации представляют наибольшую опасность. Политическая культура таких обществ в наибольшей мере подвержена угрозе утери самоидентификации, формированию принудительных стилей жизни, что закономерно ведет к размыванию ценностных основ их духовной культуры. Утверждение Н. Винера о том, что количество информации есть мера организованности системы как никогда верно; однако для некоторых систем (обществ) это количество еще не привело к качественному переходу к такому уровню организованности, который может способствовать самосохранению культуры в суровых реалиях глобализации и информационной революции, способных завести общества этих государств как в царство информационной культуры, так и в пустыню, живописуемую К. Марксом как последствие неуправляемости культурой...

Может быть, и поэтому такие традиции в пространстве политики не подвержены жесткой национальной, психологической, языковой самоидентификации, проявляя слабую историческую привязанность

саморефлексии и избирательность к связям с прошлым. Духовная устремленность имеет вектор, направленный с земли на небо (шиитский ислам - мессианское направление, придающие исключительную ценность будущему приходу Спасителя). Вместе с тем, протестантский характер шиизма, перманентная борьба меньшинства против большинства, в которой хороши были любые методы, сформировали динамично развивающуюся общину социально активных людей, наиболее успешных в экономической сфере [8].

В советское время по идеологическим соображениям развивалась в основном вертикальная диффузия между культурами, негласно наделявшимися неравными статусами, порождая трансляцию в целом однонаправленную и исключительно политизированную. В первые годы после развала СССР вертикальную диффузию по отношению к постсоветским странам стал осуществлять Запад, особенно его авангард - США. При этом, как полагают некоторые исследователи (Пономарева, Мамонова и др.) [см. 9], вместо равноправного диалога сегодня продолжает осуществляться «фиктивно-диалогическая связь - навязывание одной из сторон способов, механизмов кодификации культурных смыслов другой» или же «культурообращение» (псевдодиалог) – сознательная позиция изоляционизма, восприятие внешних форм взаимодействия культур» [10].

Обращение к социокультурным моделям конца прошлого века выявляет достаточно пеструю картину политических и идеологических устремлений, в разной степени растворенных в пространстве культуры. В тот период начался поиск новых подходов к вопросам внешней ориентации, и, в то же время, имело место возрождение западничества и тюркизма, существовавших до установления советской власти и ушедших в тень на 70 лет. Кроме того, среди некоторых азербайджанских интеллектуалов приобрело популярность евразийство, зародившееся в среде российской эмиграции в 20-е гг. прошлого столетия. Современные «западники» считают Азербайджан составной частью общеевропейской цивилизации и предполагают, что его развитие связано с интеграцией в западное сообщество. Евразийцы и «славянофилы» не приемлют подобный взгляд на будущее страны. Первые считают, что Азербайджану следует объединиться в некий альянс с государствами Восточной Азии и исламского мира, являющимися его естественными союзниками в противостоянии с Западом. Вторые, не считая союзниками ни Европу, ни Азию, делают упор на восстановление «исторического пространства», что подразумевает реинтеграцию территорий бывшего СССР» [11, 335]. Эти противоречивые идеологемы потребного будущего пока еще не привели к ожесточенному противостоянию, однако в некоторых современных социально-политических процессах можно прозреть зародыши предстоящих, отнюдь не мирных столкновений, зримо представленных

сегодня событиями в Украине.

Пока же в Азербайджане после обычного для постсоветских стран увлечения национализмом была сформулирована идея азербайджанизма. Но превращение этих терминов в несущие конструкции социокультурной модели развития Азербайджана требует широкой дискуссии и исследований «анатомии и физиологии» азербайджанизма, пока не выходящих за рамки обсуждения терминологии. Между тем, верно истолкованный азербайджанизм, - это приемлемая для большинства многонационального общества форма политической консолидации граждан Азербайджана на основе конституционно закрепленного равенства их прав вне зависимости от национальной, конфессиональной, гендерной или любой другой идентичности. И такая консолидация в итоге должна, лишив термин «азербайджанцы» этнической составляющей, придать ему политическое, гражданское содержание.

Культура, особенно на современном этапе, вне контекста философской рефлексии, по большей мере «молчит». Поэтому в контексте соотнесения философии и культуры необходимо прояснить некоторые современные проблемы: модели возможной демократии, роль государства и власти в развитии общества, концепции модернизации, значение новых идеологий, механизмы противостояния культур негативным последствиям глобализации.

Глобализация буквально обрушивается на культуру, преобразуя многообразие национальных культур в единый унифицированный постмодернистский проект обслуживания духовных запросов человека постиндустриальной эпохи, в то время как для большинства государств и народов эта эпоха - перспектива достаточно удаленная. Разворачивание этого процесса объясняется и оправдывается становлением будущей общечеловеческой культуры, которая якобы неизбежно должна придти на смену разрозненным фрагментам национальных культур, поскольку народы, преодолевая национальные границы и суверенитеты, находятся на пути слияния в единое человечество, хоронящее этнические конфликты, социокультурные и экономические противоречия. Несмотря на респектабельную критику такой футурологии, начало «тысячелетия мира» шокировало человечество уровнем и накалом противостояния, вылившегося в небывало масштабные акты терроризма и слепого возмездия.

В условиях глобализации культура, как таковая, как общенациональная форма проявления духовности, не только стремительно трансформируется, но и распадается на отдельные фрагменты, более не интегрируемые единой системой ценностей. Критерием отбора лидеров и аутсайдеров в различных областях культуры становится степень их успешной коммерциализации и капитализации. Массовая культура ложно выставляет себя как культуру вообще, как национальную культуру. В этой

связи достаточно обратить внимание на радикальную смену «ценностей» и избирательность (манипулирование) информации самого популярного СМИ - телевидения.

Эпоха глобализации несет в себе новую угрозу народам и государствам, культура которых маргинализирована принципом плюрализма и синтеза в себе многообразия культурных направлений. Речь, в первую очередь, идет о социокультурных образованиях, сформированных на стыке двух и более цивилизаций – их культура, в первую очередь в силу своей гетерогенности, подвержена влиянию процессов глобализации, размывающих культурную идентичность. Не менее важна и способность культуры прогнозировать будущее, формулируя его вероятные сценарии. Поэтому культуру можно рассматривать как творчество, как прорыв в новое духовное пространство, как непрерывную новацию. Культура – феномен, рожденный незавершенностью, открытостью человеческой природы, разворачиванием творческой деятельности человека, направленной на поиск сакрального смысла бытия. Культура в этом смысле – великая тайна. Вместе с тем, как сложившаяся система со своей логикой развития культура может и переживает стадии болезненного роста, упадка и аномального развития. Так, тип культуры, который царствует на протяжении последних столетий, самоисчерпался и имеет непосредственное отношение к грозящим человечеству масштабным катастрофам.

Ближайшая реинтеграция культуры, предлагаемая теорией конвергенции наук и технологий, открыла путь интеграции восточной и западной культурной традиции: приоритеты развития психофизических способностей человека и развития технологий, способных расширить познание человека, объединяются в единой концепции конвергенции, которая со временем станет третьей традицией трансформированной культуры человечества.

Риски и угрозы, ожидающие человечество на этом пути, направлены против самой природы человека, а значит, могут привести к ее радикальной трансформации, которая, возможно, преодолет точку невозврата, сформировав новый тип «гуманоида» и соответствующие ему цивилизацию и культуру. Такая перспектива широко обсуждается философской общественностью в рамках таких направлений, как «трансгуманизм» и «иммортиализм», которые с благой целью продления жизни человека (вплоть до бессмертия) мостят дорогу в ад неопределенного будущего, в котором едва проглядываются черты пост-человека и новой трансгуманистической цивилизации со своей интеграционной культурой.

Исследование всех этих проблем необходимо осуществлять в рамках зарождающейся новой культурой традиции, означающей очередную «точку бифуркации» - перехода человечества в новое состояние. Азербайджану предстоит пройти длительный путь, связанный с

необходимостью трансформации некоторых стереотипов национальной культурной традиции.

Заключение

Мы очень отстаем, а потому нужно... остановиться и задуматься. Мы только успели пережить кризис советской социалистической идентичности, как наступил новый – неолиберальный кризис, и надо полагать, что очередные кризисы будут происходить с нарастающей скоростью, превращая нас в вечно догоняющие развитый мир государства и общества. Мы должны хотя бы эскизно представить себе что будет представлять из себя грядущий посткапиталистический мир, чтобы суметь вписаться в него, а не продолжить догонять мир.

В оставшееся незначительное время мы должны трансформировать наши государства, общества и культуры. Трансформация государств СНГ уже началась, она фиксируется сменой поколения политических лидеров и переходом от жестких президентских к более демократичным парламентским правлениям. Очевидны лидеры и аутсайдеры этого процесса, сдерживающие или подстегивающие формирование гражданского общества и среднего класса. Нам хотелось бы показать, что ситуация в странах СНГ определяется традиционной национальной культурой, на которой, как на фундаменте, выстраивается политическая культура, диктующая стиль жизни. Поэтому объектом самого пристального внимания должна стать национальная культура, в которой множество нерешенных проблем.

Все еще продолжается конкуренция языков, сдерживающая политическое и социальное развитие национального языка, позволяющая вкрапление чужой ментальности, написание истории разными мыслительными и культурными традициями, языками, психологиями, идеологиями. Отсутствие опор отсчета собственной истории, пусть короткой, поскольку мы - молодые нации. Нет одного пути в культуре, нужно создать культурные, нравственные, политические и социальные условия для развития всех направлений. До их синтеза еще далеко. Не проанализировав историю культуры, трудно знать направление ее будущего развития.

Для нас важен лозунг: «За нами вся история культуры человечества, через которую мы должны понять собственную национальную культуру и наметить пути ее «встроенности» в мировую культуру».

Следует выйти из круга мифа и эпоса, человеку - стать гражданином, народу - нацией, сохранив себя и культуру.

Миссия новой элиты соединить литературу с философией, отказаться от перманентной опоры на чужое, стать нравственными (сейчас или никогда), перестать создавать современные мифы и эпосы, сказать себе правду, убрать «занавеси благопристойности», перестать обворовывать

самим себя и при этом оправдывать воровство как национальный феномен, перестать бояться истории. Развивать национальный язык как понятийную систему, язык политики и социальных отношений, перестать считать страной только ее столицу, сформировать целый взгляд на государство, его историю и народ, двигаться с человечеством, оставаясь народом и нацией.

Этническая самоидентификация - категория общинная и при трансформации общин в общество теряет свою универсальность. Этническая самоидентификация в странах СНГ уже приобрела свои сформировавшиеся черты, проблема заключена в том, чтобы устранить последствия советской политики, носившей принципиально антиэтнический, антинациональный характер. Как известно, в СССР проводился эксперимент по формированию новой общности людей - советского народа, направленный на нивелирование этно-конфессиональных отличий народов.

Категория «нация», являясь политическим феноменом, обращена в первую очередь к государству, государственности - как выражению национальной суверенности. Этнос формирует традиционную общину с иерархическими отношениями и структурой клановости, развивающейся вместе с развитием этноса в феномены землячества и региональности.

Нация формируется в обществе и государстве, рассматривающих уже всех людей в качестве равноправных граждан. В этой связи зададимся вопросом: закончился ли процесс формирования постсоветских наций? Мы хотим получить ответ в терминах политики, а не культуры: не только все этносы, но и даже ведущий этнос страны все еще не консолидировался в нацию, формирование государственности еще не закончено, не говоря уже о правовом государстве и гражданском обществе. В 1988 – 1994 гг. в Азербайджане произошли радикальные демографические изменения, огромные массы сельского населения переместились в столицу, изменив тем самым структуру общества и его ценности. Таким образом, азербайджанская нация, как субъект политической истории, находится в стадии формирования, что относит ее к «опоздавшим нациям (впрочем, как и большинство наций, находившихся ранее в составе СССР). Последнее отчасти объясняет, почему до сих пор у нас нет концепции национального самосознания, как, впрочем, и то, почему известная модель начала века: «тюркизм, ислам, модернизация» - не может быть принята за основу такой концепции. Это этническая, а не национальная модель, которая не может вобрать в себя полностью современное состояние государственного суверенитета Азербайджана и суверенитета личности как гражданина.

Итак, мы находимся на пути к формированию национального самосознания и здесь уже не обойтись без культурной детерминации, которая, однако, выступает как политический фактор консолидации нации.

В 2009 г. Азербайджан завершил переходный период и вступил в фазу модернизации своей экономики. Каким годом пометит Азербайджан завершение политического переходного периода?

Список литературы и примечания:

1. Скворцов Л. В. Цивилизационные опасности: философская интерпретация - <https://www.academia.edu/38903061>
2. Логинова М.В. Феномен «неклассичности» современной культуры и искусства. Изд- во: [Казанский государственный университет культуры и искусств](#) (Казань), № 1, 2007, с. 54-61.
3. Ахмедов А. Дж. Азербайджанская кулинария. Баку: «Ишыг», 1987.
4. Муталлимов Т. Б. Особенности формирования национального дух азербайджанского этноса. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. Уфа, 2007. 24 с. - http://discollection.ru/article/17102007_mutallimov_tejjub_balasi_73486/3
5. Гачев Г. Д. Национальные образы мира М., 1988.
6. Агасиева Э. А. Роль природно-климатических факторов в формировании некоторых особенностей культуры, традиций и характера азербайджанского народа - <http://jurnal.org/articles /2009/filos8.html>.
7. там же.
8. «В 14-15 вв. шииты в Иране были «гонимым и преследуемым, хотя и достаточно влиятельным как в экономической, так и в интеллектуальной сферах меньшинством. В целях сохранения шиитской общины был выработан даже принцип «благоразумного сокрытия» убеждений (такыйя), применявшийся с целью уберечь представителей общины от гонений суннитской «инквизиции» - Кузнецов А. Шиитская социология воображения. Опубликовано вс, 11/20/2011 - <http://www.imaginaire.ru/content/> kuznecov-shiitskaya-sociologiya-voobrazheniya.
9. Мамонова В.А. Глобализация в пространстве культуры: векторы развития. <http://credonew.ru/content/view/534/31/>.
10. там же.
11. Урушадзе Э. Вопросы постсоветского пространства и российско-грузинских отношений во внешнеполитическом мышлении современной России. Россия и Грузия: диалог и родство культур: сборник материалов симпозиума. Выпуск 1. Под ред. [Парцвания В.В.](#) СПб.: [Санкт-Петербургское философское общество](#), 2003.

© Абасов А. С., 2019.

КОРРУПЦИЯ КАК СОЦИАЛЬНО-ЭТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Бердимуратова Алима Карлыбаевна
доктор философских наук, профессор
Каракалпакский государственный университет
Бердимуратов Наурыз Мамбет улы
ст. 3 курса ф-та государственного управления
МГУ имени М.В.Ломоносова

Corruption as a social and ethical problem

Berdimuratova Alima Karlybaevna
Berdimuratov Nauriz Mambet Uli

Введение

Коррупция, как особая разновидность преступности, является недостатком любого общества. Она существует благодаря тому, что должностное лицо имеет доступ и право распоряжаться не принадлежащими ему ресурсами. В идеале, государственный служащий обязан принимать решения, опираясь на закон и на общественно одобряемые культурные и моральные нормы. Коррупция же начинается в тот момент, когда должностное лицо преследует свои корыстные интересы, воплощенные в определенных действиях. Существует мнение, что коррупция начинается с «верхов». Когда власть отгораживается от граждан, устраняется от их контроля и критики, присваивает себе колоссальное количество полномочий, уходит от реальной ответственности перед народом. Люди начинают подвергаться этому влиянию, даже самые честные и порядочные. «Нижние этажи» смотрят на «верхние» и думают - раз им можно, значит можно и нам. Отсюда рост низовой коррупции. В современном мире, коррупция в том или ином виде присутствует и в цивилизованных странах. Но стоит отметить, что она «многолика». Коррупция – это также выражение социальных интересов граждан. Они должны отдавать себе отчет в том, что коррупция не есть «нормально». В своей статье мы попытаемся проанализировать коррупцию с социальной точки зрения, а также проанализировать влияние этической составляющей на это явление. На наш взгляд, тема коррупции сейчас весьма актуальна для нашей страны, так как она напрямую разрушает государственную систему, тормозит экономическое развитие и подменяет основное предназначение государственного аппарата, поэтому важно выявлять причины возникновения этого феномена, а также анализировать текущие тенденции в решении данной проблемы.

При создании теоретической базы статьи использовались выводы и положения российских и зарубежных ученых-специалистов в области исследования теории права и криминологии (Б.В. Волженкина, А.И.

Долговой, А.А. Осиповой, М.А. Поплавского, Я.И. Кузьмина, Дж. Ная, М.Вебера, А.И. Кирпичникова, I.Issacharoff, S.Widmalm, K.Rajeev). Эти авторы в своих трудах провели анализ различных аспектов коррупции применительно к определенным периодам времени. Они также предложили способы противодействия коррупционной преступности, однако большинство мер со временем утрачивают свою эффективность, поэтому необходимо развивать это направление.

Объектом исследования являются сущность коррупции и причины её появления.

Предметом исследования является сам феномен коррупции, ее характеристика как социальной и этической проблемы, а также теоретико-методологические аспекты, связанные с определением понятия коррупции.

Целью написания статьи является выявление научно-обоснованных факторов формирования коррупции как социально-этического феномена и выработка механизмов противодействия коррупции.

Методологией является диалектический подход к изучению социальных явлений для анализа их исторического функционирования и развития в контексте объективных и субъективных факторов. Выбранные методы исследования: системный, формально-логический и контент-анализ.

Основная часть

1. Теоретико-методологические аспекты исследования коррупции

Понятие «коррупция» происходит от латинского слова «*corrumpere*», что переводится как «растлевать». Обратимся к истории возникновения этого термина. Первые упоминания о борьбе с коррупцией относятся ко второй половине 14 века до нашей эры, а именно история шумерского царя Уруинимгина, который правил городом-государством Лагаш. Она гласит, что какими бы жестокими и показательными не были наказания за коррупцию, желаемых результатов он не достиг. Хотя ему и удалось предотвратить наиболее существенные преступления, взятки и мелкие растраты продолжали носить массовый характер. Аналогичные проблемы были и в Древнем Египте, где укоренился бюрократический аппарат чиновников, которые позволяли себе произвол и беззаконие в отношении ремесленников, крестьян и даже военной знати. Важный толчок в понимании коррупции дает Никколо Макиавелли. Коррупцию он сравнивал с болезнью, например с чахоткой. Вначале её трудно распознать, но легче лечить. Если же она запущена, то её легко распознать, но излечить трудно [12. 78-79]. В Древнем Риме, в Законе 12 таблиц впервые термин «*corrumpere*» определяется как «подкупать судью» и «менять за деньги показания в суде». В наше же время эксперты дают разные определения этому явлению. Самое распространенное – это то, что

коррупцией является злоупотребление должностным лицом своих властных полномочий, а также возможностей, связей в личных целях, противоречащих закону и моральным установкам. Чаще всего этот термин применяется к бюрократическому аппарату и политической элите. В российском же законодательстве используется другое определение. Согласно ему, коррупция — это не только злоупотребление служебным положением, но и дача и получение взятки, равно как и коммерческий подкуп, и использование своего должностного положения в целях получения выгоды в виде денег, иного имущества или услуг имущественного характера вопреки законным интересам общества и государства [21]. Стоит заметить, что, несмотря на расхождения в определении и понимания понятия коррупции, выделяются конкретные черты и признаки, в которых эксперты единогласны. Так, в общепринятом понимании она определяется, как продажность государственных служащих, политических деятелей и тех лиц, которые так или иначе имеют отношение к функционированию управленческих органов и, которые могут оказывать непосредственное влияние на те или иные процессы, в рамках своих полномочий. В узком смысле — использование своих полномочий и служебного положения в целях личного обогащения. Важно отметить, что коррупция это всегда противоправное поведение должностных лиц, которое не соответствует служебной этике и которое обусловлено, в первую очередь, получением вознаграждения и мотивировано личными интересами. Попробуем теперь классифицировать коррупцию по критериям. Выделяют следующие критерии: по типу выгоды, когда происходит уменьшение расходов или получение прибыли; по направленности, т.е. внешняя или внутренняя; по типам взаимодействующих субъектов, а также способу их взаимодействия, предсказуемости и централизации. Акцентирование внимания на этих критериях не позволят выявить глубокую сущность коррупции, но они полезны для методологии анализа самого явления.

Важно понимать, что коррупции присущи характерные признаки и что она не возникала бы на пустом месте. С появлением государства в привычном для нас понимании, а вместе с ним и соответствующих государственных органов и служащих, появилась и коррупция. По мнению ряда экспертов, коррупция — сложное социальное явление, которое сводится не только к подкупу или взяточничеству. Например, Дж. Най считает, что это поведение, представляющее собой отклонение от формальных обязанностей публичной роли под воздействием частных (часто материальных) или статусных целей, или же нарушает правила, которые запрещают определенные виды относительно частного влияния [27. 417]. Вместе с этим, коррупция является социальным явлением постольку, поскольку включает в себя и социальные функции, такие как повышение квалификации людей, трудоустройство, обеспечение товарами

и услугами, а также ей присущи признаки вида социальной деятельности, такие как четкое распределение ролей, регулярность существования и свой собственный аппарат понятий. Она потихоньку переросла из местечкового явления в проблему мирового масштаба для общества, и оказала, конечно же, негативное влияние на развитие человечества. Таким образом, коррупции присущи такие признаки, как социальный характер, наличие подкупа-продажности, наличие корысти или личной заинтересованности, а также самое главное, использование официальных полномочий и возможностей своего авторитета должностным лицом. Ниже подробнее рассмотрим причины возникновения данного явления.

Как известно, важны не сами события, а их суть. Важно не только описать само событие и констатировать его, а изучить его природу, выявить условия и причины, которые его породили. Однако именно в этом вопросе среди практиков и ученых возникают значительные расхождения во мнениях. Само существование этого явления, конечно же, признается всеми, но дальше этого дело не идет. Ни что не оценивается учеными одинаково, будь то уровень коррупции в различных странах или же ее значение. Часто в одной стране коррупция может восприниматься как негативное явление, а в другой – как нечто само собой разумеющееся. Это объясняется, в первую очередь, сложностью познания коррупции как социального и этического явления, а также множественностью проявления. Например, согласно представлениям неолиберализма, коррупция – это следствие функционирования теневого рынка при излишнем вмешательстве государства в экономику. Чем больше оно вмешивается, устанавливая новые законы и нормы, тем выше становится влияние бюрократического аппарата, а вместе с ним, растет и опасность появления «параллельных рынков», которые будут выходить за пределы поля регулирования законов. Исходя из этой точки зрения, получается, что коррупция во многих государствах является неким «противоядием» чрезмерной бюрократизации институтов власти. В качестве доказательства данного тезиса приводят процессы, которые происходили в некогда социалистических странах, власти которых придали легитимность «параллельному рынку» во время формирования экономических систем, как противовес государственному вмешательству. Это произошло потому, что правительственные группы были больше заинтересованы в своем личном благосостоянии, нежели в общественном. Единственным выходом из этой ситуации, как считают сторонники неолиберального подхода, является возвращение к подлинному рынку, а также к принципам добросовестной социальной и экономической конкуренции.

Эту точку не разделяют некоторые специалисты, которые видят в дерегулировании главную причину возникновения коррупции. Они считают, что в наше время наблюдается размывание общественной этики, которое обуславливается потерей государства своей легитимности, как

представителя всеобщих интересов, а также эрозией моральных ценностей перед господством частных интересов. Чрезмерное акцентирование внимания на рыночные принципы приводит к утрачиванию ценности государственной сферы, увеличению сомнений в эффективности и значимости действий государственных институтов, а также к усилению размывания границ между частной и государственными сферами. Как итог, «моральная цена» коррупции тоже падает: верхушечная коррупция начинает допускать, как обычную практику, коррупцию на более низких уровнях. Большинство людей видят причиной возникновения коррупции в том, что действующие юридические нормы и законы не в полной мере охватывают весь спектр возможных коррупционных схем, вследствие чего коррупционеры, по их мнению, могут совершать противоправные действия, оставаясь безнаказанными. Однако такой сугубо юридический подход дает только поверхностную картину всего, что связано с этой проблемой. Он не учитывает значение этических и моральных ценностей и принципов, которые и являются основой репрессивных мер. Корни коррупции хорошо иллюстрирует знаменитая «формула коррупции» профессора Роберта Клитгаарда, в которой коррупция представляется как сумма власти монополий и произвольности решений, за вычетом ответственности (3.). Иначе говоря, коррупция характеризуется степенью монопольной власти и возможностью принимать чиновниками произвольные решения, а также мерой их ответственности за эти действия. Опираясь на эти составляющие, выстраиваются формы коррупционных проявлений. Например, российский ученый Я.И.Кузьминов выделял такие характерные коррупционные технологии, как «чиновник на содержании», «рынок бюрократических услуг», «сети взаимных обязательств» и тому подобные, которые непосредственно скрывают потенциальную возможность коррупции (10). Если описывать эти технологии, то «рынок бюрократических услуг» проявлялся в виде усложненности бюрократических процедур, служебном мошенничестве и других формах хищения. Конечно же, этому способствовала бюрократия, которая вырабатывала методы специализации труда управленцев, формируя свои особенные ценности и интересы. Появился тип личности, который ориентируется сугубо на соблюдение бюрократических правил и норм, при этом лишь создавая видимость исполнительности, благополучия и целесообразности. Этот подход говорит о том, что бюрократические органы власти действуют, не исходя из соображений эффективности и пользы для дела в области их регулирования, а стараются только выполнять указания и директивы, которые поступают сверху, ведь по ним оценивается деятельность чиновника. Немецкий социолог М.Вебер писал, что хоть государство и нуждается в существенном административном аппарате для того, чтобы представлять свои интересы, но рост значения и независимости бюрократического аппарата ведет к его неуправляемости,

что угрожает стабильности и даже в какой-то степени существованию самой системы (25. 215). Государство создает и мотивирует управленческие структуры с целью воплощения своих интересов в жизнь, а бюрократия, свою очередь, стремится извлечь из этого личные выгоды, превращаясь при этом в самостоятельный институт, который ориентирован в большей степени на себя.

Рассмотрим теперь такой вид технологий, как «экономика взаимных обязательств». Он возникает тогда, когда должностное лицо принимает такое решение, за которое оно получает определенные выгоды или материальные блага и которое выгодно для другой стороны. Наглядным примером служат конкурсы на получение разного рода заказов. Заинтересованная сторона выигрывает эти заказы, минуя конкурсные процедуры, благодаря тому, что подкупает чиновника, который занимается распределением этих заказов. К этой системе также можно отнести нарушение законов и норм целой группой чиновников ради получения материальных благ. Вообще, если обращаться к некоммуникативным технологиям коррупции, то стоит заметить, что это в основном различного рода нарушения норм и законов чиновниками, которые непосредственно осуществляют те или иные управленческие функции. Подводя итоги, можно выявить шесть групп причин коррупции: правовые, информационные, фундаментальные, организационно-экономические, культурно-исторические и социальные.

Под правовыми причинами понимается отсутствие четкой законодательной базы, слабость и слишком регулярное изменение законодательства в сфере экономики, пренебрежение нормами международного права, неэффективные меры наказания за коррупцию, возможность влияния на судебную систему, а также размытые границы нормативных актов, которые оставляют возможность субъективной трактовки данной нормы. Информационные причины – это закрытость государственной системы, асимметрия информации, наличие оффшорных зон, а также отсутствие независимых СМИ. Несовершенство институтов экономики и политики, системы принятия политических решений, монополизация экономических секторов, низкий уровень развития гражданского сознания, а также отсутствие независимой судебной системы можно отнести к фундаментальным причинам коррупции. Под организационно-экономическими причинами имеются в виду слабая система контроля над природными ресурсами, тарифные и нетарифные барьеры, а также неэффективный и громоздкий бюрократический аппарат. И наконец, социальные и культурно-исторические причины – это так называемые клановые структуры, «блат», дружеские связи, «кумовство», а также укоренная система норм бюрократического поведения, которая подразумевает под собой отношение к коррупции с некой терпимостью, хотя это является в корне неправильным.

2. Особенности проявления коррупции как социального явления

Коррупция в советское время воспринималось как обыденное явление и только с недавних пор оно начало осознаваться как социальное. Это стало складываться в результате формирования коррупционных схем и рыночных отношений в экономической сфере и других отраслях жизнедеятельности. Было проведено множество научных исследований в выявлении причин возникновения и сущности коррупции, а также о методах борьбы с ней. В большинстве из них отмечается, что попытки побороть коррупцию с помощью сугубо жестких правоохранительных мер не увенчаются успехом. Это связано с тем, что действия такого характера мотивированы в первую очередь такими факторами, как богатство и власть. Так, Агыбаев А.Н пишет, что коррупция скорее понятие социальное, нежели правовое и ее надо рассматривать не с точки зрения конкретного состава преступления, а как явление [1. 181]. Похожее мнение высказывал также Б.В.Волженкин, который считал коррупцию социальным явлением, заключающимся в разложении власти, при котором лица, обладающие полномочиями осуществлять государственные функции, используют их в корыстных целях [4. 30]. Поэтому рассмотрение коррупции, а вместе и методы борьбы с ней, только с точки зрения правового подхода, не позволит в полной мере выделить действительно эффективные и полезные закономерности.

Рассмотрим этот подход на примере российского общества. Как отмечает М.А.Поплавский, коррупция в нашей стране приобрела системный характер, начиная от высших эшелонов власти до низших органов государственного управления [17. 18]. Она возникает преимущественно благодаря экономической обстановке, сложившейся в России. Зарплата государственного служащего не сопоставима с его компетенциями при выполнении определенных функций, поэтому это порождает коррупционные составляющие, например взятки. При этом сотрудники правоохранительных органов, а особенно специальных служб подвержены особому риску. С одной стороны, среднестатистическая заработная плата сотрудника недостаточна для обеспечения достойного уровня жизни, а с другой благодаря ряду норм и правил, сложившихся в РФ, появляются обстоятельства, благоприятствующие среде развития коррупции. Возвращаясь к нашему анализу, хотелось бы отметить, что в данном случае не получится полностью решить эту проблему сугубо «поднимая зарплаты» служащим или «ужесточая наказание за коррупцию», ведь коррупция также возникает из-за нравственных мотивов граждан. Но стоит сказать и о таком преимуществе юридического подхода к определению понятия коррупции, как четкое установление границ дозволенного и недозволенного. При отсутствии личной или коллективной этики, это регулирует поведение государственного служащего, который

будет вынужден выстраивать для себя определенную линию поведения. В итоге возникают две проблемы, связанные с этим подходом: юридическая проблема и этическая. Первая характеризуется тем, что существует неточность в самих законах, которая предусматривает наказание за дачу или получение взятки и ставит при этом получателя взятки больше в «пассивное положение», то есть, подразумевая то, что дача взятки иницируется взяткодателем. Однако сейчас все больше и больше в мировом опыте исследования коррупции проскальзывают ситуации, когда инициатива идет преимущественно со стороны государственного служащего. Это может выражаться разным образом, как например, тогда, когда чиновник буквально «подводит» потенциального взяткодателя под ту ситуацию, в которой он будет вынужден пойти на коррупционную сделку. Происходит это по той причине, что искажено правовое понимание коррупции населением. Так, А.Осипова говорит: «население, привыкшее к систематическим неправомерным поборам со стороны чиновников, не может поступать иначе и воспринимает взятку как норму» [13. 19-21]. Для формирования правильного правового сознания потребуется значительное количество времени. Необходимо учитывать такие факторы, как менталитет, традиция и история. Отсутствие ясного понимания необходимости соблюдения закона государственными служащими не позволит снизить уровень коррупции. Поэтому важно менять отношение общества к коррупции и сделать ее не только неприемлемой, но и накладывать часть ответственности за ее проявление на самих граждан. Им стоит быть избирательнее при выборе своих представителей в органы государственной власти.

С другой стороны, как показывает мировой опыт, невозможно полностью искоренить коррупцию, но можно значительно снизить ее уровень, используя эффективные рычаги воздействия. Но для выработки этих рычагов нужно выявить социальные факторы, влияющие на появление этой проблемы. Хорошо характеризует это А.И.Кирпичников, отмечая, что коррупция – коррозия власти, которая подобно ржавчине, разрушает государственный аппарат и разъедает нравственные устои общества. А уровень коррупции – некий термометр, показывающий нравственное состояние общества и способность государственного аппарата решать задачи в интересах общества [8. 17]. Однако стоит здесь же отметить, что уровень коррупции в различных странах не одинаковый. Но, как правило, она присутствует практически повсеместно. Международная организация «Международная Гласность», которая борется с коррупцией на международной арене, в одной из своих бюллетеней отмечала, что феномен «коррупции» носит глобальный характер. Подчеркивалось также то, что коррупция уже является привычным явлением для индустриальных стран, за богатством и

устойчивым положением которых скрывается размах огромного ущерба, наносимого социальной сфере.

Итак, совершение различных коррупционных деяний, часть из которых признаются преступными, есть проявление коррупции, как социального явления. Преступления же лиц, уполномоченных на выполнение публичных функций, которые используют их ради незаконного извлечения личной выгоды – называется коррупционной преступностью. Но такие преступности могут проявляться и в других системах, например в бизнесе, политических партиях и т.д.

В процессе исследования сущности коррупции, можно выделить определенные общие черты, присущие этому явлению, однако в зависимости от времени и места, коррупция может проявляться особым образом, создавая так называемые прецедентные феномены. Именно эти прецедентные феномены являются двигателем прогресса и процветания коррупции, так как коррупционеры на их основе разрабатывают «схемы» для обхода текущего законодательства. Поэтому важно вовремя анализировать эти ситуации и предпринимать контрмеры для их предупреждения. Ярким примером таких прецедентов является системный кризис 90-х годов в России, который привел к созданию «дикого рынка», где предметом купли-продажи стали государственные должности, вместе со всеми соответствующими полномочиями. Если рассмотреть причину возникновения рынка, то станет понятно, что эта проблема корнями уходит в СССР, в котором сформировался громоздкий бюрократический аппарат. Огромное количество запретов, строгая системная субординация, тоталитарный характер управления и многоступенчатый аппарат – все это поспособствовало появлению благоприятной среды для развития коррупции. Сейчас она приняла системный характер. Обращаясь к истории, в 90-е годы отдельного внимания заслуживает такая деятельность, как приватизация. В этом случае коррупция исходила не от государственной власти, но и от представителей бизнеса. С тех пор сложились условия, в которых представители государственных органов власти научились извлекать из каждой ситуации личную выгоду. Речь идет не только о моментных взятках, но и о так называемых «откатах» за поддержку той или иной организации. Все уровни бизнеса, будь то крупные или малые, заинтересованы в этой системе. По мнению Ю.В.Голика, именно конфликт коренных интересов капитализации тех или иных корпорации и групп, включая легальные и криминальные, является источником социальных противоречий. Полем же для этого конфликта, по его мнению, служит политическая власть государства, а центральным звеном – государственные служащие. Как итог, детерминирующим всю эту гамму негативных процессов в интерактивном социальном пространстве механизмом, - выступает коррупция [6. 91-101].

Современную коррупцию можно охарактеризовать тремя основными чертами. Первое – это преимущественно прямой сговор между взяткодателем и взяткополучателем, когда они понимают и нуждаются друг в друге. Вторая черта – это то, что предметом сделки являются не конкретные деяния, а подкуп взяткополучателя «на корню». Получая регулярные вознаграждения, он фактически теряет свою самостоятельность и становится зависимым от «покупателя», то есть «продает» свои полномочия. Последнее обстоятельство заключается в том, что коррупция имеет тесную взаимосвязь с терроризмом и организованной преступностью, как подчеркивается во многих докладах ООН. Субъектами этой сделки становятся террористические и другие преступные формирования. Коррупция для них – способ не только экономического интереса, но и политического, поскольку они имеют двойную мотивацию: получение сверхдоходов и стабильность власти для их сохранения и увеличения.

Костенников М.В. же выделял другие четыре основные черты, присущие коррупции. Во-первых, коррупция – это не однородная совокупность правонарушений, а комплексное социально-правовое явление. Во-вторых, это системное явление, поэтому нельзя определять ее только как одноразовое получение взятки государственным служащим. В-третьих, коррупция подразумевает систематическое получение материальных благ чиновником от третьих лиц за действия в их интересах. И наконец, выполнение служебных обязанностей чиновником непременно связано с действиями, за которые он получает вознаграждение [9. 32].

В последние десятилетия нашей истории прослеживается тенденция превращения коррупции в социальный институт, который приобрел устойчивые организационные формы. И поэтому важно не допустить восприятия некоторыми гражданами этого явления, как неизбежное зло, к которому можно только приспособиться. Иначе это может привести к тому, что ряд граждан начнут воспринимать коррупцию не как правонарушение, а как «норму жизни», способ взаимного использования коррупционной «сделки» обеими сторонами для воплощения своих интересов.

Из особенных форм проявления коррупции необходимо сказать и о политическом аспекте этого явления, который в отечественной науке не достиг должного освещения. Так, В.А.Шабалин заключил, что бесконтрольный, «теневой» обмен ресурсами между властными структурами и другими субъектами, является основным источником политической коррупции [22. 46]. Говоря об экономическом аспекте коррупции, выделим следующие их виды. Это незарегистрированная экономика, незаконная и неучитываемая. Все они принимают непосредственное участие в формировании коррупции. Регулируют

данную сферу обычно законодательным путем, гарантируя безопасность сфере бизнеса и определяя ее права.

Также некоторые ученые, в частности Баранов В.М, выделял следующие виды коррупции: бытовая, деловая, административная, «захват государства», «захват бизнеса». Бытовая коррупция заключается в вымогательстве с населения денег или иных материальных ценностей чиновником. Деловая коррупция представляет собой подкуп предпринимателями чиновников для решения тех или иных проблем, касающихся дел фирмы. Административная же наоборот, в вымогательстве чиновниками денег или других материальных благ с предпринимателей. «Захват государства» - это особый вид коррупции, при котором властные решения принимаются в пользу бизнесменов или других групп интересов за материальное вознаграждение. «Захват бизнеса» наоборот, установление контроля чиновниками над частными бизнес предприятиями в личных корыстных целях [2].

Особую опасность для гражданского общества во всем мире представляет проникновение коррупции в судебную систему. Известно много случаев, когда адвокаты подкупают судей с помощью взяток для эффективной защиты своих клиентов и вынесения решений в свою пользу [19. 3-23]. Но не только взяточничество является главным проявлением коррупции в этой сфере. Так называемый «непрофессионализм» служащих, задействованных в судебной системе, заключающийся в упущениях и нарушениях в оформлении правовых документов, ведет к ущемлению прав граждан и подрыву авторитета судебной системы, как ветви власти. Вместе с подрывом авторитета судов, снижается и легитимность самого государства, что может привести к раскачиванию установленного режима.

Самым распространенным видом коррупции является бытовая коррупция. Это связано с тем, что зачастую к ней относятся, как к «необходимому злу» для более эффективного решения своих проблем или же для обхода некоторых барьеров. Бытовая коррупция представляет собой подкуп чиновника различного рода подарками или же иными материальными ценностями для воплощения своих интересов. Одним из проявлений этого вида коррупции является кумовство. Хорошо иллюстрирует бытовую коррупцию ситуация в СССР, когда в стране наблюдался тотальный дефицит товаров и для их получения люди давали подарки или другие подношения лицам, которые занимались распределением этих товаров. И тогда люди начинают рассматривать взятку – не как преступление, а уже как некий обязательный атрибут взаимоотношений с чиновниками. Пагубность влияния бытовой коррупции можно доказать на примере с условными медицинскими университетами. Если в них будет процветать коррупция и студенты, не соответствующие объективным требованиям медицинского образования, будут покупать

диплом врача и в дальнейшем станут лечить людей, то ничего хорошего из этого не выйдет. Граждане, которые доверились этим врачам в лучшем случае не получают должного лечения, а в худшем – могут умереть.

Подводя итоги, необходимо отметить, что коррупция в любом виде, будь то бытовая или политическая, является угрозой для гражданского общества и целостности государства, и поэтому важно вырабатывать эффективные методы и способы для ее предупреждения и противодействия ей.

3. Коррупция и этика: проблемы и перспективы взаимодействия

Как отмечалось ранее, коррупция – это системное явление, и поэтому обычного ужесточения санкций в законодательстве за нее будет недостаточно. Необходимо выработать комплекс мер по противодействию ей, опираясь на опыты различных стран, а также продолжать исследования в области выявления причин и предпосылок коррупции, ведь если не искоренить ее, то борьба с поверхностными проявлениями не принесет никаких действительно эффективных результатов. Также важно отметить, что проявлениям коррупции эксперты дают различную этическую оценку: одни действия считаются преступлением, а другие – безнравственными.

В качестве примера последних можно привести покровительство и кумовство, основанное на политической ориентации. Следует также различать коррупцию и лоббизм. Лоббизм отличается тем, что должностное лицо хоть и использует свои властные полномочия для повышения шансов заинтересованной группы в определенной сфере, но оно отвечает трем условиям, которые выделил А.К.Джейн. Первое – это то, что процесс влияния на чиновника определено правилами, которые известны всем участникам, и он всегда носит конкурентный характер. Второе – отсутствие побочных и секретных платежей. И наконец, третье условие – независимость клиентов и агентов друг от друга, то есть при получении прибыли одной группой, другая не получает от нее доли [26. 71]. Существует и другая точка зрения относительно дифференциации коррупции и лоббизма. Например, академик Заграевский С.В. считает, что лоббизм – это лишь составная часть коррупции [7].

Переходя непосредственно к мерам борьбы с коррупцией, как отмечалось ранее, обычного внесения изменений в законодательство, регулирующее коррупционные отношения, без применения ее на практике, будет недостаточно. Но это не означает, что регулирование законодательства совершенно бессмысленно. Наоборот, именно нормы, накладывающие на гражданина определенные ограничения, могут являться источником коррупции, если они не были проработаны должным образом и создают пространство для коррупционеров, с одной оговоркой, что это не относится к конституционным нормам. Конституционные нормы сами по себе накладывают ограничения не на индивидов в

частности, а на органы государственной власти, являясь своего рода гарантом безопасности от дискреционных полномочий власти. И именно поэтому, для того, чтобы проводилась реальная работа по противодействию коррупции, необходима ее инициация со стороны вершущей власти и их заинтересованность в этом. Хорошим примером, иллюстрирующим как воля и заинтересованность лидера, может существенно повлиять на коррупционную ситуацию в стране – является Сингапурский опыт. Этот опыт тесно связан с именем премьер-министра Сингапура Ли Куан Ю. В 1965 году Сингапур считался одной из стран с очень высоким уровнем коррупции. Именно тогда премьер-министр со своей командой взяли курс на ускоренное развитие благосостояния страны, а для этого им необходимо было искоренить коррупцию. В основу их политики борьбы с коррупцией легли верховенство и справедливость закона для всех без исключения. Также в сингапурском опыте для борьбы с коррупцией были предприняты ряд следующих шагов. Во-первых, были упрощены бюрократические процедуры, контролировалось соблюдение чиновниками высоких этических стандартов, регламент действий государственных служащих был строго разграничен. Во-вторых, было создано независимое Бюро по расследованию случаев коррупции, в функции которого входило получение и расследование жалоб по случаям коррупции, а также случаев по допущению халатности или небрежности государственными служащими. Также это бюро проверяла деятельность и операции чиновников для предотвращения совершения коррупционных действий. В-третьих, было ужесточено правовое регулирование в сфере государственной службы, повышен уровень независимости судебной системы и введены ряд жестких акций за коррупцию. Ну и наконец, для отсутствия мотивации к совершению коррупционных действий, были повышены зарплаты чиновников. На мой взгляд, именно благодаря политической воле премьер-министра и его команды, Сингапур стал одним из наименее коррумпированных государств во всем мире [14].

Существует и другая стратегия противодействия коррупции, использованная в Швеции. Она предполагала перенос акцента на систему стимулов, которые побуждали население подключаться к борьбе с коррупцией. Также со стороны власти был обеспечен свободный доступ к документам государства [23. 66-69]. Как ни странно, и в шведском, и в сингапурском опыте прослеживается тенденция к независимой судебной системе, а также к установке высоких нравственных и этических стандартов для государственных служащих, при их достаточном стимулировании хорошими заработными платами.

В современном мире эффективным инструментом для борьбы с коррупцией могут послужить и средства массовой информации, а точнее обеспечение с их помощью открытости и прозрачности деятельности государственной власти и чиновников в частности. Именно отсутствие

свободной передачи информации способствует развитию бюрократии, помогая ей утаивать правду, использовать эту информацию для навязывания своей воли и при этом оставаться бесконтрольными. В странах, где соблюдается свобода прессы, где общество может получать достоверную информацию о деятельности государственных чиновников – наблюдается минимальный уровень коррупции. В таких странах, как Дания, Исландия, Финляндия, Швеция и т.п., где по версии «Трансперенси Интернешнл» наблюдается высокий уровень свободы прессы – почти нет коррупции. В России наблюдались попытки достичь гласности деятельности государственных и муниципальных органов в проектах Закона «О борьбе с коррупцией» [15. 300-314; 16. 305-324], однако по версии международной организации «Репортеры без границ», Россия занимает лишь 149-е место на 2019 год по уровню свободы прессы.

Были приведены лишь часть возможных мер для комплексной борьбы с коррупцией на современном этапе, базирующиеся в основном на опыте ряда стран, которые хоть и не побороли ее в полной мере, но существенно снизили ее уровень, а вместе с этим и получили, как бонус, ряд вытекающих приятных последствий отсутствия коррупции.

Коррупция, если заглядывать в генезис этого явления, возникает в результате взаимодействия людей, и субъектами этих отношений являются непосредственно индивиды. В опыте ряда стран по борьбе с коррупцией наблюдается такое обязательное условие, как высокие этические стандарты для государственных служащих. Сделаем на этом особый акцент и попытаемся разобраться действительно ли это столь эффективно.

Важность соблюдения этических норм чиновниками отмечалось многими известными учеными в этой области. Так, Волженкин Б.В. пишет, что государственные служащие обязаны подчиняться жестко контролируемым дисциплинарным и этическим нормам [5. 15.]. В ряде стран даже сформулированы так называемые этические кодексы государственных служащих. Они все обычно сводятся к тому, что чиновник обязан избегать совершения тех действий, которые могут повлечь за собой злоупотребление служебным положением, принятие решений только на основе личных предпочтений или же вне официальных каналов, а также создание помех работе правительства и дополнительных затрат. А самое главное, публичный служащий обязан не допускать поведения, которое может создать даже видимость коррупции, ведь это вызовет недоверие государственному аппарату и органам власти.

Было сформулировано также понятие «конфликт интересов», под которым подразумевается возможное возникновение конфликта между частным интересом служащего с интересами государства. Например, если намечается судебный процесс и подсудимым является близкий человек или же родственник судьи, то он обязан оповестить вышестоящие органы о возможном конфликте, дабы не допустить использования своих

полномочий в личных интересах. В случае, если он не оповестит об этом и впоследствии это будет выявлено, то на него накладывается дисциплинарная или же уголовная ответственность, в зависимости от страны. Такие меры являются необходимыми, потому что по своему определению государственный служащий обязан быть образцом нравственности для всех. Так, Шувалова Н.Н. относит духовность, особое отношение к делу, преданность ему, чувство долга и справедливости, служение людям и другие черты к профессиональным ценностям чиновника [24. 97.]. Важно подчеркнуть такой момент, что нравственные принципы для борьбы с коррупцией должны составлять совокупность таких норм, при которых коррупционные действия или же поведение одного чиновника становились бы «из ряда вон выходящими» для его коллег и вызывали всеобщее порицание. В настоящее время выделяют следующие морально-этические требования к поведению должностного лица для противодействия коррупции [18. 29.]. Во-первых, он обязан ставить государственные интересы выше собственных, а также ему должен быть присущ такой принцип, как верность государству. Во-вторых, чиновник должен добросовестно подходить к исполнению своих служебных обязанностей. В-третьих, ему запрещается использовать служебные полномочия и конфиденциальную информацию, полученную во время исполнения своих прямых обязанностей для личной выгоды. И наконец, должна быть создана атмосфера нетерпимости к коррупции в государственных органах, в частности чиновник обязан разоблачать любые коррупционные действия своих сослуживцев.

Внедрение таких этических кодексов является очень действенным методом противодействия коррупции. Так считает и Тищенко П.Д., отмечая, что среди многих механизмов, формирующих нравственность государственной службы, наиболее эффективным является Кодекс административной этики [20. 598-600]. Особое внимание заслуживает момент соприкосновения правового аспекта с морально-этическим аспектом. Важно не допустить перевеса в одну сторону: профессионализма в ущерб нравственности и нравственных основ в ущерб закону [11. 187].

Основной задачей в данном случае является разработка таких этических кодексов, которые бы шли не наперекор праву, а как дополнение законам, направленных на противодействие коррупции. Этические принципы также снижают коррупциогенность нормативных актов, ведь даже если чиновник найдет «лазейку» в законе, при правильной моральной и нравственной атмосфере вокруг него, он банально не сможет ею воспользоваться. Поэтому необходимо подчеркнуть важность морально-нравственного императива, как основного фактора борьбы с коррупцией и не допустить ее недооценки.

Заключение

Подводя итоги статьи, мы можем сделать вывод, что коррупция все больше укореняется в нашем обществе, становясь ее неотъемлемой частью. Она проникает во все сферы общественной жизни, нанося огромный урон экономическому благосостоянию людей и государственности в целом. Люди начинают разочаровываться в институтах власти, пропадает легитимность государственных органов, сам институт государства деградирует. Огромные усилия брошены на противодействие этой проблеме, однако не повсеместно. Именно поэтому отмечается огромная разница между странами, в которых низкий уровень коррупции и высокий. Как правило, в странах с высоким уровнем коррупции, большинство населения живут за чертой бедности, а ряд ресурсов страны сосредоточены в руках, так называемых элитарных слоев общества. Из вышеприведенных выводов следует то, что коррупция хоть и системная проблема, и что ее не искоренить полностью, необходимо продолжать бороться с ней, снижая ее до практически безобидного уровня. В противодействие ей в статье были выработаны и выделены следующие положения.

Во-первых, было отмечено, что даже при существовании разногласий в определении понятия коррупции, ей присущи определенные характерные черты, на которые следует опираться при создании инструментов для борьбы с ней.

Во-вторых, были выявлены шесть групп основных причин коррупции, а именно правовые, информационные, фундаментальные, организационно-экономические, культурно-исторические и социальные.

В-третьих, был проведен анализ основных подходов к изучению этого феномена и отмечена необходимость продолжения исследований в этой области.

В-четвертых, было выделено общее и особенное в проявлениях коррупции, а также подчеркнута важность предосторожности отклонений коррупции от привычного ее понимания при выработке антикоррупционных мер.

В-пятых, коррупция – это социальное явление и поэтому важно проводить комплексную работу с гражданским обществом для ее предупреждения. При этом стоит оговориться, что в искоренении коррупции должна быть заинтересована сама государственная власть, ведь политическая воля является одним из важных элементов для осуществления этого.

И наконец, в статье выделена особая роль этическим принципам как главному инструменту в борьбе с коррупцией, потому что коррупция – «болезнь системная» и морально-нравственные принципы людей будут являться своего рода гарантом для воплощения задуманных мер по противодействию коррупции в жизнь.

В заключение необходимо отметить, что о полном уничтожении коррупции речи не идет, но представляется возможным сократить ее до таких масштабов, что она не будет наносить значительного урона самим основам государственности и гражданскому обществу в частности.

Список литературы

1. Агыбаев А.Н. Ответственность должностных лиц за служебные преступления. - Алматы: Жеті жарғы, 1997.- С. 181.
2. Баранов В.М. Теневое право: Монография. Н. Новгород, 2002.
3. Викизнание [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.wikiznanie.ru/ru-wz/index.php/>.
4. Волженкин Б.В. Коррупция как социальное явление // Чистые руки. 1999. №1. - С. 30.
5. Волженкин Б. В. Коррупция: Серия “Современные стандарты в уголовном праве и уголовном процессе”. СПб., 1998, с.15
6. Голик Ю.В. Можно ли побороть коррупцию? // Государственная политика противодействия коррупции и теневой экономике в России: сб. материалов Всерос. науч. конф. (Москва, 6 июня 2017 г.). М., 2007. С.91-101.
7. Заграевский С.В. О возможных способах борьбы с коррупцией в России // журн. «Следователь», № 5 (205). М., 2015.
8. Кирпичников А. И. Взятка и коррупция в России. СПб., 1997. С. 17.
9. Костенников М.В., Куракин А.В. Предупреждение и пресечение коррупции в системе государственной службы. М., 2004, с.32
10. Кузьминов Я. И. Механизм коррупции и их особенное проявление в государственном аппарате. Административное право. Теория и практика. М., 2002.
11. Крицкая А.А. Институционализация государственной кадровой политики в России (к вопросу преемственности)// Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2013. № 4.С.187
- 12.Макиавелли Н. Избранное. — М., 1989. — С. 78-79.
13. Осипова А.А. Основные направления борьбы с коррупцией в России // Власть. 2011 . №2. С.19-21
- 14.Организованная преступность: тенденции, перспективы борьбы. Монография. — Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та. 1998.
15. Организованная преступность-2 / Отв. ред. А. И. Долгова, С. В. Дьяков. М., 1993. С. 300—314;
16. Организованная преступность-3 / Под ред. А. И. Долговой и С. В. Дьякова. М., 1996. С.305—324.
17. Поплавский М.А. Коррупция как социальная проблема // Теория и практика общественного развития (2015, №23) с.18
18. Пустовалова И.Н. К вопросу о моральной ответственности государственных служащих // Налоги. 2010. № 44, с.29

19. Россия и коррупция: кто кого? // Российская газета от 19 февраля 1998 года; Будущее без коррупции // Чистые руки, 2009. № 1. - С. 3-23
20. Тищенко П.Д. Этические комитеты (комиссии) // Этика: энциклопедический словарь. С. 598-600.
21. Федеральный закон Российской Федерации от 25 декабря 2008 г. N 273-ФЗ «О противодействии коррупции»
22. Шабалин В.А. Политика и преступность // Государство и право. 1994. № 4., с.46
23. Шурыгин Ф. Ф. Антикоррупционная политика Королевства Швеция // Молодой ученый. — 2018. — №34. — С. 66-69. [Электронный ресурс] URL <https://moluch.ru/archive/220/52431/> (дата обращения: 22.04.2019).
24. Шувалова Н.Н. Служебное поведение государственного гражданского служащего: Моральные основы. Ростов-на-Дону, 2006, с.97
25. Weber M. “Bureaucracy” // From Max Weber: Essays in Sociology / translated, edited and introduced by H. H. Gerth and C. Wright Mills. London : Routledge, 1948. P. 215.
26. Jain A. K. Corruption: a review // Journal of Economic Surveys. — 2001. — Vol 15, No. 1. — P. 71
27. Nye J. Corruption and political development: a cost-benefit analysis // American Political Science. 1967. № 12 (61). P. 417.

© Бердимуратова А.К., Бердимуратов Н.М., 2019.

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ СТИЛЯ НАУЧНОГО МЫШЛЕНИЯ

Шермухамедова Нигинахон Арслоновна

доктор философских наук, профессор
Национальный университет Узбекистана

Socio-philosophical bases of the style of scientific thinking

N.A. Shermukhamedova

Введение

Стиль научного мышления становится предметом сознательного философского анализа тогда, когда он уже сформировался и проявил себя в различных научных теориях и методах.

Через теоретические категории и методы раскрывается деятельностная сторона мышления, объединяющая субъект и объект познания. Специфика стиля научного мышления, обусловлена спецификой теоретического отражения. Поэтому субъективность стиля ученого должна быть объективирована через систему средств и уровней развития науки. В результате логической деятельности ученых формируется научная картина

мира, создаются соответствующие теории, определяющие объекты теоретического познания, угол его видения и понимания.

Прежде чем перейти к выяснению сущности стиля научного мышления, остановимся на более общем вопросе, от которого зависит понимание объекта анализа и вся стратегия исследования.

Мы попытаемся анализировать различные концепции в определении понятия стиля мышления и научной картины мира.

Основная часть

Взгляд на стиль научного мышления как на характеристику знания довольно широко распространен в литературе. Стиль научного мышления в первом приближении может быть понят как исторически изменчивая единица знания, имеющая нормативный характер и содержащая в себе регулятивные, в том числе мировоззренческие принципы. Но активная деятельностная сторона процесса познания не может быть достаточно полно отражена результативной стороной тем, что мы познали. Термин «стиль мышления» был заимствован философами из трудов естествоиспытателей, в которых он применялся для характеристики фундаментальных сдвигов в науке, произошедших в начале XX в., и сейчас в литературе употребляется наряду с целым спектром близких к нему понятий, как то: «парадигма», «исследовательская программа», «идеалы научности» и т.п. Эти понятия не могут быть взяты в том содержании, которое они имеют в контексте концепций Т.Куна и И.Лакатоса[1, с.203-263], но могут быть рационально переосмыслены с позиции философской методологии, на что обращалось внимание в современной литературе.

Можно сказать, что парадигма и научно-исследовательская программа, как теоретические формы стиля научного мышления - это общие познавательные формы организации теоретической деятельности ученого в соответствии с определенной научной картиной мира. Делая принципы научной картины мира операциональными, парадигма и научно исследовательская программа включают их в функционирование теоретических форм систематизации знания и выполняют тем самым функцию научного поиска внутри теоретического уровня научного знания.

Выявление рационального содержания введенного в научный обиход Т.Куном понятия парадигмы связано с известными трудностями в силу тенденциозности в понимании соотношения истинностных и ценностных моментов в научном познании характерном для позиции Т. Куна, а также неоднозначности в употреблении этого термина самим Т.Куном. Однако, даже если избежать той тенденциозности, которая свойственна концепции Т.Куна, понятие парадигмы все же нуждается в детализации, так как оно недифференцировано отражает предпосылки разного характера, разного происхождения и неодинаковой роли в научном познании.

Если принять утверждение И. Лакатоса о том, что мы можем рассматривать науку определенного периода как огромную исследовательскую программу, то «эвристика» этой программы сопоставима со стилем научного мышления. Однако, при этом не следует забывать, что И. Лакатос не рассматривает участие философских категорий и принципов в формировании исследовательской программы, поскольку безоговорочно относит их к внешним социокультурным факторам, не включаемым в сферу рационального анализа закономерностей развития науки.

Т. Кун и И. Лакатос отрицают возможность рационального анализа роли мировоззренческих начал в научном познании. Поскольку в последнее время применение понятий «парадигма» и «исследовательская программа» приобретает характер моды, необходимо отметить, что, отстаивая все ценные идеи, содержащиеся в работах этих философов, следует все же обращаться с предлагаемыми в их работах понятиями с известной осторожностью, учитывая все возникающие здесь лингвистические нюансы. Не следует забывать, что любая научная парадигма – это лишь схема, но не сама истина. Вследствие этого рано или поздно повседневная научная практика начинает сталкиваться с разного рода «аномалиями».

Если стиль научного мышления охватывает основные научные направления в большой исторический период, то парадигма их охватывает в более короткий период и служит гносеологическим эталоном для отрасли науки и научной школы. «Парадигма – это совокупность постулатов и принципов мировоззренческого и логико-методологического характера, что определяет общее видение ситуации, ее аксиологическое изменение, выбор целей и средств деятельности»[3,с.104]. Структура парадигмы сходна со структурой стиля научного мышления и является как бы ее срезом. Логическим центром парадигмы выступает центральная категория соответствующей теории. Изменения парадигмы в рамках одного стиля научного мышления приводит к изменению некоторых узлов категориального строя, принципов и способов получения научного знания. Появление целого ряда новых парадигм в различных сферах науки может привести к изменению общего стиля мышления.

Формирование этой парадигмы связано с критикой Г. Гегелем формально-логических истин (законов). Гегель полагал, что область этих истин и соответствующих им логико-методологических директив (принципов) весьма ограничено и составляет предмет рассудочного эмпирико-феноменологического мышления. Кроме рассудочного есть мышление чувственное, постигающее внутренний динамизм мира, и это мышление есть спекулятивный разум. Последний имеет логику, но это не логика формы (формальная логика), а логика содержания. В данном обстоятельстве важно иметь в виду, что при классификации стиля

научного мышления ученого, однако оно учитывается не всегда. Среди названных методологических принципов первый характерен для стиля научного мышления эпохи (античность и средние века), остальные – для парадигм, существовавших внутри одного стиля мышления.

Некоторые авторы считают, что стиль научного мышления – это совокупность характерных для каждого исторического этапа развития науки, норм мышления, общепринятых представлений об идеальном научном знании и допустимых, правильных с точки зрения эпохи способах получения знания, это совокупность стереотипов научного мышления соответствующих определенному историческому уровню развития науки.

Такие подходы к определению имеют некоторые недостатки, ибо они определяются через общепринятость, снимает проблему онтологической сущности стиля мышления. Но почему «естественный процесс отбора форм и методов познания, зарекомендовавших себя как наиболее современные для определенных условий места и времени» все-таки дает не набор инструментов, а некоторый единый «стиль», и в чем собственно, состоят предпосылки оценки того или иного средства как «современного» или «несовременного»? Так, например, социологизм в подходе к описанию стилей в некоторой степени характерен для позиции В.В.Лапицкого, предложившего принцип реконструкции истории наук, который применительно к стилю выражается в том, что он связывается с субъектом познания. Конкретизация стилей научного, теоретического мышления происходит в зависимости от уровней субъектной организации познания, системы субъектно-объектных связей, уровня всего научного сообщества и его отдельных отраслей и дисциплин, научных школ, отдельных ученых[4,с.48-57; 5,с.16]. Этот подход сталкивается с существенными трудностями методологического плана. Основным констатирующим моментом стиля объявляется уровень субъектной организации, но, для каждого уровня научной организации, структуры научных исследований характерен свой стиль. Об этом свидетельствует логико-методологический анализ процесса познания. Иначе говоря, различие в характеристике стилей субъектно-объектных отношений в познании обусловлено не только стилем, но, прежде всего, уровнем развития научного знания. Социологизм смыкается с онтологизмом, с «привязыванием» стиля к объекту. Выражением этой крайности можно считать следующее рассуждение: совершенно очевидно, что химическое мышление, например, существенно отличается от биологического, физическое от химического и т.д.

В литературе существует точка зрения, связывающая стиль мышления не с любым конкретным объектом, а с типом системной организации объекта. Так как наука развивается экстенсивно до тех пор, «пока в орбиту научного поиска не втянуты объекты принципиально иной системной организации по сравнению с уже изученными, новый

тип объектов может потребовать и новых норм объяснения, обоснования и организации знаний»[6,с.107] .

Явная тенденция к отождествлению стиля научного мышления с общенаучной методологией прослеживается в позиции Э.С. Серебряковой. Она выделяет три уровня нормативно-методологических регулятивов естествознания и философии. Эти уровни представлены всеобщей методологией, стилем научного мышления и конкретно – научными методами[7,с.36-37]. Здесь стилем названо то, что обычно называют общенаучной методологией. Интересно, что резкое противопоставление метода и стиля основывается на предрассудке «чисто методологического сознания». Стил ь творчества вырабатывается в процессе конкретной практической деятельности на основе личного опыта и мастерства, практической «мудрости» своей специфической технологии оперирования предметом. Однако при достаточно глубоком таланте и эффективности результатов личный стил ь и опыт передаются последователям.

Хотя мы говорим о нормативно-ценностном закреплении стилевых приемов, они не позволяют объяснить нормативную природу стиля. Однако, именно эта линия анализа непосредственно выводит исследователя к культурно-исторической обусловленности его творчества. Она позволяет также проследить, как постепенно в истории науки оформляется методологическая сторона мышления, позволяет понять стили как этапы становления науки.

Специфика стиля мышления анализируется в современной литературе с позиции трех основных подходов: культурологического, историко-научного и методологического [8,с.122-151;9,с.103]. Средствами культурологического анализа стиля научного мышления воспроизводятся его атрибутивные черты, общие с аналогичными стилями в искусстве (стиль художественно-образного мышления), в сфере нравственности (нормы и регуляторы поведения), в философии принципы и категории, в обыденном сознании образы, феномены и т.д.

Историко-научный подход позволяет реконструировать стил ь научного мышления как исторической вехи в развитии науки. Характерные черты стиля мышления выделяются по определенным общим конкретно-историческим характеристикам научного познания. Отдельные специфические особенности функционирования стиля научного мышления схватываются в рамках методологического подхода при исследовании процессов выработки научных теорий, приращения нового знания и «механизмов» научного творчества [10;11;12;13;14;15;16;].

При попытке целостного рассмотрения исходной проблемной ситуации обнаруживается постоянное воспроизведение одной проблемы – проблемы поиска собственного основания стиля научного мышления в

структуре научного познания. Эта проблема возникает каждый раз, когда необходимо определить специфику стиля научного мышления по сравнению с аналогичными формами в других сферах духовной культуры, а также по сравнению с другими формами познания в рамках самой науки.

Понятие стиля было использовано применительно к научному познанию М. Борном и В. Паули. М. Борн подчеркивает известную стабильность, устойчивость стиля по отношению к конкретным научным теориям соответствующего периода: «Стили бывают и у физической теории, и именно это придает своего рода устойчивость ее принципам. Последние являются... относительно априорными по отношению к данному периоду» [17, с. 227-228].

Из этих рассуждений, прежде всего, вытекает вывод об историческом характере стиля научного мышления. Стиль мышления, с точки зрения М. Борна, связан с доминирующими на определенном отрезке времени характерными способами объяснения физической реальности, которые, в свою очередь, определяются спецификой конкретных исторических этапов тех или иных физических теорий, являющихся своего рода эталонами науки своего времени.

М. Борн подчеркивает, что стиль научного мышления выполняет регулятивную функцию. Можно сказать, что стиль научного мышления является своеобразной нормой научного мышления, он определяет стереотипы мышления в науке своего времени.

Такого рода общий подход характерен практически для всех исследователей, в той или иной мере затрагивающих проблему стиля научного мышления. Однако на этом единодушие в трактовке стиля мышления заканчивается. Возникает проблема о противоречивости связи стиля научного мышления и философии. М. Борн писал: «То, что Паули называет «стилем» идейных настроений, то есть, другими словами, философское лицо эпохи, которое определяет ее культурные основы» [17, с. 227-233;]. В основу отличия сменявших друг друга в истории науки стилей мышления М. Борн кладет определенные периоды фундаментальной проблемы, которая всегда была предметом обсуждения философов. В зависимости от способа решения этой проблемы выделяется антично средневековый стиль, для которого характерно отсутствие разделения субъекта и объекта, стиль классической науки, связанный с абсолютизацией отделения объекта от субъекта, и квантово-механический стиль, отличающийся относительным единством субъекта и объекта.

Понятие «стиль научного мышления» и «философия» являются близкими, но не тождественными. С точки зрения М. Борна, «стиль мышления есть «общие тенденции мысли», «устойчивые принципы», пронизывающие все области человеческой деятельности, в том числе науку и философию» [17]. У Борна приводится мысль о том, что каждому стилю мышления должна соответствовать своя философия. Например,

говоря о решении затронутых в период господства классического стиля мышления философских проблем, М.Борн пишет: «Такова философия науки, при которой выросли мы, люди старого поколения». Говоря о новом стиле мышления он подчеркивает: «Этот стиль мышления соответствует и общей тенденции современной философии» [17]. Развитие взглядов о связи стиля научного мышления и философии идет в двух направлениях. С одной стороны, развивается точка зрения, прямо отождествляющая стиль научного мышления с философскими предпосылками. Так, И.В. Апостолова считает, что «являясь характеристикой стиля мышления в физике, доминирующая философская идея полностью определяет и структуру мышления физиков в их подходе к изучению действительности» [10,с.102]. На самом деле, на фоне достаточно быстро меняющихся специальных теорий в науке именно философским принципам и идеям принадлежит роль своеобразного фундамента обладающего относительной самостоятельностью и изменяющегося значительно медленнее, чем специальные знания. Именно поэтому, со сменой научных теорий в области специальных наук сохраняются относительно стабильные формы господствующих идей и принципов, выражающие момент устойчивости в развитии научного знания. Тем не менее, прямое отождествление стиля научного мышления с философией неприемлемо, поскольку в таком случае сложное взаимодействие философского и конкретно научного знания предстает в искаженном свете. По-видимому, «комплекс общеполитических принципов и идей», направленных на получение нового знания – это еще не сам стиль научного мышления, а мировоззренческие и методологические предпосылки, в значительной мере определяющие и участвующие в его формировании.

Другая точка зрения, нашедшая значительно больше сторонников в философской литературе, разрабатывается Б.Г. Кузнецовым, Ю.В. Сачковым, М.Ф. Веденовым, Э.А. Румянцевой, Л.А.Микешиной и другими исследователями. Л.А. Микешина считает, что «стиль научного мышления проявляется и фиксируется в языке науки, главным образом, в ее категориальном аппарате» [16,с.104]. Здесь возникает вопрос: когда и при каких условиях он фиксируется в языке науки? Если он проявляется в форме категориально-понятийного аппарата, то он предстает как явное знание, функционирующее в форме теоретических принципов и схем. Однако в методологической литературе по философии науки можно выявить и другой подход к его пониманию. В частности, его дальнейший анализ показал, что он функционирует как произвольно возникающий контекст науки на конкретно-историческом уровне ее развития. Такое понимание стиля научного мышления позволяет рассматривать его как неявное знание. Исследуя проблему неявного знания М. Полани отмечает, что человек в практической деятельности кроме явного знания, выражаемого вербально, использует параллельно еще и «молчаливое»

имплицитное знание. Объект деятельности по М.Полани входит в поле зрения сознания, а система средств этой деятельности находится в «периферическом сознании» (неявное знание). Периферическое знание есть знание некоторых конкретных элементов, которые осознаются нами не сами по себе, а лишь посредством их вклада в постижение (осмысливание) того целого, на котором сосредоточено наше внимание [18бсю130]. В этом плане стиль научного мышления предстает как система архетипических представлений, образов, моделей, норм и образцов, существующих в глубинных слоях сознания ученых. Тем самым стиль научного мышления формирует рациональные идеи, понятия, способы мировосприятия и миропознания. Он складывается из определенных правил (чаще всего явно не формируемых, а просто подразумеваемых) определяющих алгоритм научного исследования. Действительно, стиль научного мышления фиксируется на языке категорий, но не в период его формирования, как, например, факты науки, теоретические схемы и принципы познания, а спустя какое-то историческое время развития научных идей проблемы, наконец, науки в целом. И то в рамках рефлексии науки, в процессе философского анализа истории развития конкретной отрасли знания или науки в ее полноте.

Исходя из этого есть основание предположить, что стиль научного мышления есть система стереотипов научного мышления, включающая в себя совокупность допустимых с точки зрения соответствующего конкретно-исторического периода развития науки норм, идеалов и способов получения и производства знания. По отношению к научному знанию стиль мышления выполняет регулятивную функцию целеполагания и систематизации. В нем происходит самоупорядочение элементов и форм познания. Непосредственно через рефлекссию самоотнесенность знания в стиле научного мышления происходит саморегуляция всех звеньев научной деятельности и оптимизация их функционирования, отбор способов и методов познания.

Характерной чертой стиля научного мышления является то, что он участвует в создании обобщенного понимания действительности, не дает ей раствориться в сознании ученого исследователя, обуславливает единство представления научных результатов и, тем самым, обеспечивает целостность и единство научного знания. Обеспечивая преемственность научного знания, стиль мышления играет важную роль в сохранении и воспроизведении традиций научного познания.

Ю.В. Сачков углубил и обобщил понятие стиля, употреблявшееся ранее для характеристики физического знания, на все естествознание. По мнению Ю.В. Сачкова, важнейшими характеристиками стиля естественнонаучного мышления являются следующие: 1) характер математического обобщения применявшихся на соответствующем этапе развития науки; 2) общий характер логической структуры научных теорий

обусловленный изменениями математического аппарата (исходные принципы построения научных теорий, включающие в себя принципы объединения соответствующих понятий в некоторые относительно замкнутые системы и способы введения новых элементов в эти системы, образующие основу определенного исторически значимого стиля мышления); 3) связь с философским методом («развитие новых стилей ведет к развитию идей и на базе последней они получают свое обоснование») [19,с.21].

Ю.В. Сачков выделяет три стиля научного мышления: концепцию жесткой детерминации явлений и всеобщего господства динамической закономерности, вероятностное мышление, характеризующееся понятием «распределения» и выдвиганием на первый план статистических законов, и кибернетический стиль характеризующийся понятиями информации и управления. Однако, в концепции, развиваемой Ю.В.Сачковым, при всех ее достоинствах, достаточно полную разработку получили только первые две характеристики стиля научного мышления, что же касается третьей - связи с философским методом, то такая связь только констатируется, обстоятельно не анализируется. Поэтому и остается неясным, каким образом достигается общность принципов логического построения научных теорий в естествознании определенного периода при реально существующем многообразии знаний и методов в его конкретных отраслях. Основанием единства научного знания соответствующей эпохи Ю.В. Сачков считает используемый в этот период сходный математический аппарат. Так, характеризуя современный стиль естественнонаучного мышления, Ю.В. Сачков пишет: «Использование методов теории групп и теории алгоритмов имеет программное, стратегическое значение в развитии представлений о логике построения научных теорий. Принципиальные изменения в математическом аппарате и выражаются в изменении логики построения соответствующих теоретических систем» [20,с.139]. Однако, как нам представляется, характер используемого в научном знании математического аппарата является скорее следствием, указывающим на более глубокое содержательное основание единства научного знания. Необходимо полнее раскрыть сложную диалектику внутреннего и внешнего, присущую проблеме стилей мышления, выяснить, как в процессе их формирования и развития совмещаются конкретно-научные и философские начала.

Многие исследователи подчеркивают регулятивную функцию стиля мышления в научном познании. По мнению М. Ф. Веденова и Ю.В.Сачкова, стиль мышления характеризует дух и стратегию научного поиска[21,с.30]. Такое понимание стиля мышления сразу же приводит к проблеме отношения стиля мышления и методологии, поскольку методология также выполняет регулятивную функцию в познании. Это отношение попытался

рассмотреть В.Г. Иванов: «В самом общем смысле, - пишет автор, под стилем мышления понимается система принципов логического построения теории»[22,с.56]. Однако эта мысль не проясняет проблемы, так как конкретная теория создается на основе принципов различного характера. Очевидно, выполнение законов сохранения и законов симметрии, входящих в качестве конкретных принципов в целый ряд теорий, не зависит от стиля научного мышления. Независимы от последнего также формально-логические принципы (непротиворечивости, независимости постулатов и т.д.). В создании и развитии научных теорий важную роль играют общеметодологические принципы соответствия знания действительности, преемственности знания и т.п. Пытаясь уточнить свою трактовку стиля научного мышления, автор поясняет: «При всех разночтениях в определении стиля мышления общим остается одно - он представляет собой некоторую обобщенную форму, относящуюся к методологии научного познания» [22,с.57], включая стиль мышления. Лапицкий В.В. пытается найти компромиссное решение, объявляя стиль научного мышления «метафорическим» понятием, объединяющим «все богатство комплекса общефилософских, гносеологических и логико-методологических принципов и идей, направленных на получение, построение и систематизацию научных знаний»[5,с.16], то есть фактически охватывающим всю систему оснований познавательной деятельности. По-видимому, в данном случае мы имеем дело с очень широким пониманием стиля, что мешает выявить содержание понятия «стиль научного мышления», его роль и место в структуре научного знания».

Американский ученый Р.Г. Стеренберг анализирует роль и значение стиля мышления в рамках теории психического самоуправления [23,с.94]. Теория психического самоуправления использует структуру общественного управления, проводит аналогию между функциями, формами, уровнями и типами управления государством и психической деятельностью.

Подобно тому, как государства несут законодательную, исполнительную и судебную (оценивающую) функции, когнитивная сфера человека функционирует сходным образом. Законодательная функция когнитивной сферы соотносится с процессами порождения, формулирования, воображения и планирования. Исполнительная связана с внедрением и выполнением. Судебная включает оценку и сравнение. Соответственно человек с преобладающим высоким уровнем правосознания и стиля мышления предпочитает сам формулировать задачи и разрабатывать планы их реализации, в то время, как человек с доминирующим исполнительским стилем предпочитает исполнять задачи, придуманные и разработанные кем-то другим. Человек с преобладающим оценочным стилем отдает предпочтение заданиям, цель которых – оценка и сравнение.

Формы психического самоуправления соответствуют формам общественного правления, а именно бывают монархическими, иерархическими, олигархическими и анархическими[24,с.31]. В контексте монархической формы определенная задача и определенный стиль ее выполнения доминируют над всеми прочими альтернативами. Человеку с доминирующим монархическим стилем мышления свойственно погружение в задачу, реализуемую в данный момент. Иерархическая форма самоуправления позволяет одновременно работать с множеством целей, имеющих строго фиксированное значение в определенной иерархии. Люди с таким стилем отличаются умением устанавливать жесткие приоритеты. Олигархическая форма стиля мышления позволяет достигнуть различных целей, имеющих одинаковые приоритеты. Люди с таким стилем способны работать над несколькими равноправными задачами одновременно. И, наконец, анархическая форма психического самоуправления отличается отсутствием систематичности. Люди с преобладающим анархическим стилем мышления испытывают трудности привыкания к организационным системам и структурам.

Подобно тому, как правительства функционируют на глобальном и локальном уровнях, оба они представлены и в структуре психического самоуправления. В отличие от людей с доминирующим локальным стилем мышления, предпочитающих решать конкретные задачи, вовлекающие большое количество деталей лица с глобальным стилем мышления любят взаимодействовать с целостными контекстуальными ситуациями, абстрактными задачами и проблемами. В то время как «локалисту» свойственно «терять лес за деревьями», «глобалист», напротив, может «в лесу деревьев не заметить». Люди, как и государство, могут демонстрировать консервативный и либеральный способы функционирования. Человек, характеризующийся либеральным стилем мышления, отдает предпочтение новым способам и путям решения проблем отличается способностью к изобретению и принятию инноваций. Напротив, тот, кто обладает консервативным стилем мышления, отличается стабильностью и традиционностью.

Основная идея теории психического самоуправления по Р. Стеренбергу заключается в том, что люди могут быть охарактеризованы как носители вышеперечисленных стилей. Стили мышления отличаются значительной гибкостью: одни люди могут демонстрировать либеральный стиль мышления практически во всех ситуациях, в то время как другие могут мыслить либерально в одних и консервативно – в других. Кроме того, количественно стили представляют собой континуум, т.е. одни люди могут характеризоваться сильно выраженным глобализмом в контексте решения любых задач или только определенных задач или, напротив, демонстрировать средне выраженный глобальный стиль при решении задач одного типа и быть яркими глобалистами в другом типе задач.

Одним из главных допущений теории Р. Стеренберга является предположение, что «стили мышления проявляются как при решении чисто мыслительных задач, так и в контексте любой другой деятельности»[23,с.16], что позволяет применять эту теорию при исследовании любой специфической деятельности, в частности, в научно-исследовательской. Например, в условиях рыночной экономики в Узбекистане, закономерно ведущей к либерализации и всей совокупности товарно-денежных отношений изменяется и стиль мышления, весь образ жизни человека, даже внешние отношения между людьми. Стиль мышления прямо и непосредственно направляется на умение делить деньги, из всего извлекать максимальную прибыль. Как нам известно, в США даже приветствия начинаются и кончаются не так, как в добрые старые времена - «Goodday, goodevening», а призывом «Makemoney», что означает «Делай деньги».

Рассмотренные позиции Р.Стеренберга позволяют нам осознать и осмыслить различные функции, уровни и типы стиля мышления людей с различным характером их психологии. Мы вполне можем разделить эту позицию, так как она позволит нам проникнуть в те аспекты стиля мышления, которые не затронуты в работах других авторов.

Предпосылочный, регулятивный характер стиля научного мышления сближает его с такими понятиями, как мировоззрение, методология, научная картина мира, метод. Выяснение места стиля научного мышления в иерархической структуре познавательной деятельности предполагает, прежде всего, анализ взаимосвязей стиля научного мышления, форм приемов и методов, применяемых в науке на различных этапах ее развития. При анализе соотношения понятия «стиль научного мышления» с методологией и мировоззрением за основу разграничения смысла этих понятий мышления следует брать не то, что их различает, а то, что их объединяет, так как в данном случае различия между этими понятиями менее существенны, чем общие черты. Известно, что под методологией понимается учение об общих методах познания и преобразования действительности. В своей наиболее общей форме методология выступает как философское учение. Философы теоретически анализируют, обосновывают с определенных позиций общие принципы отношения человека к окружающей природе, к самому себе, формируя свое миропонимание, научное мировоззрение. Таким образом, в обоих случаях речь идет о философских предпосылках познавательной деятельности. Безусловно, познание опирается на науку, специфическим образом обобщая ее достижения, однако, наука является далеко не единственной теоретической основой его формирования и развития. Соответственно этому регуляторы, вырабатываемые философией, обращены к гораздо более широкой сфере деятельности человека, чем научное мышление. Философия помогает, например, обосновать место человека в мире.

Моральные нормы и эстетические идеалы, многообразие форм и норм жизненной позиции и т.д.

Стиль научного мышления никогда не выражается в виде специально сформулированной системы знания, имеющей, систему доказательств, а отражает дух научного мышления своего времени. В то время, как принципы стиля мышления чаще всего не явно, а имплицитно зафиксированы в языке науки, регуляторы научного мышления, которые обосновываются философией, обычно формируются в виде определенной системы правил мышления. В отличие от стиля мышления, философские основания научного знания представлены в систематизированной теоретической форме.

Выступая в качестве общей теории познавательной деятельности, раскрывая общие закономерности процесса познания, философская методология решает все познавательные проблемы не иначе, как под углом зрения отношения субъекта к объекту, в связи с коренными проблемами философии о соотношении материального и духовного, знания и веры. Стиль научного мышления опирается на определенное решение этих проблем, выделяя общие черты, тенденции научного познания в каждую конкретную эпоху.

Отмечая существенное отличие стиля научного мышления от философских оснований познавательной деятельности необходимо подчеркнуть их тесную взаимосвязь, взаимодействие в процессе развития научного знания. Философия стремящаяся обобщить закономерности научного познания и построить стройную и целостную теорию познания, не может пройти мимо научных норм и ценностей своего времени.

В стиле научного мышления, который фиксирует доминирующие на определенном этапе развития науки представления о наиболее эффективных методах получения нового знания, совершенстве научной теории, степени ее логической строгости допустимых абстракций, дается наиболее адекватное отображение действительности в соответствии с возможностями науки на том или ином этапе ее развития. В стиле научного мышления в определенной степени обобщены тенденции развития научных теорий, целых отраслей знания науки в целом, стиль научного мышления, оказывает существенное влияние на формирование и развитие философских идей.

В то же время, следует иметь в виду, что в науке никогда не бывает безраздельное господство единственного стиля мышления. Наряду с устоявшимся, доминирующим стилем мышления в науке существуют как элементы предшествующего, так и последующего стиля мышления. В результате между ними постоянно происходит борьба стилей в мышлении ученых. Кроме того, стиль мышления включает в себя нормативные тенденции, (которые по-разному проявляются в различных сферах познания, например, в лидирующих отраслях науки и ее аутсайдерах).

Поэтому всегда существует возможность абсолютизации одних тенденций и недооценка других.

Выступая как нормативно-методологическая предпосылка познавательной деятельности, стиль научного мышления определяет способ получения знания и воздействует на конкретный исследовательский процесс системой понятий, принципов, критериев, подходов. В то же время, относясь к метанаучному уровню в системе предпосылок научного познания, стиль мышления не претендует и не может претендовать на статус некоего готового инструмента познания, с помощью которого конкретные науки способны сразу же решить свои задачи.

Рассматривая стиль мышления как средство познания, для его характеристики правомерно использовать понятия «стратегия исследования»: стиль научного мышления задает принципиальную стратегию научного поиска, общую исследовательскую программу. Применяемая стратегия предусматривает не заранее заданный, но строго фиксированный набор шагов и операций, жестко связанных с конечным результатом, а комплекс возможностей принятия решений (в рамках ограниченного поля возможных проб) зависит от специфики конкретного исследования и его результатов, получаемых на отдельных этапах познавательного процесса. Если алгоритм предопределяет решение задач в рамках известного, определенного, то стиль научного мышления, задающий стратегию научного поиска, принципиально отличается тем, что для своего времени, то есть для того этапа развития знания когда данный стиль мышления наиболее адекватно отражает состояние науки, он выступает средством, способствующим синтезу нового знания.

В результате функционирования в науке соответствующего стиля научного мышления понятийный аппарат и методология, разработанные в рамках современной науки, становятся достоянием всего общества. При этом уже имеющиеся понятия и теории начинают служить целому комплексу взаимосвязанных отраслей знания и, следовательно, науке в целом. При этом идеи, принципы, методы фундаментальных наук, усваиваясь другими отраслями науки, сами соответствующим образом модифицируются, в результате чего происходит своеобразное «взаимооплодотворение» концептуального и методологического аппарата конкретных наук обогащение его разнообразия. Ученый получает возможность посмотреть на свой объект с другой стороны, увидев его связь с другими объектами, которые раньше оставались «в тени». В итоге могут возникнуть неожиданные аналогии, пересечения идей нередко ведущие к развитию новых теоретических концепций. В этом плане в процессе развития науки происходит не только возникновение новых отраслей знания, но и их все большая интеграция. Так, те нации, которые до последних лет входили системными частями в системоизданную

отрасль приобретают самостоятельность и одновременно сближаются со смежными определяющими науками, например, генетикой, клонированием животных и человека. Это производные от биологии, математики и ее производных – математический анализ, математическая физика, математическая лингвистика и т.д. Дифференциация и интеграция - это закономерность и все возрастающий процесс развития современной науки, оказывающий определяющее значение на характер и стиль научного мышления.

Подчеркивая инвариантность стилевых особенностей научного мышления по отношению к объектам исследования, необходимо отметить, что о едином стиле мышления можно говорить лишь как о некотором инварианте, по-разному проявляющем себя в зависимости от конкретных особенностей изучаемых объектов. Стиль мышления в науке обладает двойственной природой: с одной стороны существует общий стиль научного мышления охватывающий научное познание в целом на соответствующем этапе его развития, с другой стороны, в отдельных сферах познания функционируют частно-научные стили мышления, выступающие как соответствующая модификация общего стиля мышления, применительно к специфике и уровню развития данной отрасли знания.

Между стилем научного мышления вообще и стилем частных наук имеются противоречия, которые означают, что уровень развития данной дисциплины не соответствует общему уровню развития знания. Подобные противоречия или стимулируют форсированное развитие «отстающей науки», или становятся предпосылкой формирования нового общего стиля мышления, основанного на более совершенных методологических принципах, возникших в рамках научной теории или теоретической системы, которая определила общий уровень развития знания. Например, во второй половине XX в. математика и математическое моделирование проникли и дали закваску почти всем отраслям науки. Благодаря математической логике, как высшему уровню развития логического мышления, возникли и успешно развиваются новые стили мышления в таких отраслях науки, как ЭВМ, кибернетика, космонавтика и вся совокупность информатики определяющей в XXI веке.

Субъект мыслительной деятельности при этом предстает как обобщенный носитель достигнутого обществом уровня развития научного познания (и по содержанию, и по логическому механизму), в котором фиксируются стороны процесса научного мышления, не зависящие от личностных качеств познающего индивида.

Развитие науки и практики ведет к совершенствованию всей системы знания, в том числе и к развитию стиля научного мышления. Более того, обобщающие принципы стиля научного мышления, поскольку они хорошо согласуются с прежним опытом и благодаря этому превращаются в

убеждения ученых, могут стать помехой на пути радикально нового научного открытия, выполняя в таком случае функцию, которую условно можно было бы назвать «контр эвристической». Чтобы результаты решения проблем на новой методологической основе стали достоянием научного сообщества, необходимо осуществить переосмысление, переоценку традиционных процедур. Порвав с традиционным стилем мышления, решая новые проблемы, ученый мир устанавливает и новые традиции, которые закрепляют и в известной степени «консервируют» достижения. Таким образом, принципы стиля научного мышления могут обрести безусловную эвристическую ценность в том случае, если ученый сохраняет способность научно оценивать уже известные знания.

Заключение

В результате всего вышесказанного можно сделать следующие выводы:

современная методология науки от анализа уже готового знания все настоятельней требует изучения его роста и развития, осознания необходимости исследовать основание проявления активности субъекта, понимаемого в широком контексте социально - исторических определений.

Одним из элементов основания является стиль научного мышления, понимаемый как совокупность присущих определенному историческому этапу развития методологических норм, направляющих научные поиски, в какой бы сфере познания они не осуществлялись.

Стиль научного мышления выражается в преимущественном использовании определенной группы философских категорий и естественнонаучных понятий, применения общих приемов построения и преобразования знания, применении законов одного типа для отражения материальных объектов в научном знании определенного периода.

Место стиля мышления в структуре научного знания определяется сложным опосредованным характером взаимосвязи конкретно-научного и философского знания: стиль научного мышления характеризует особенные методы и формы познавательной деятельности в процессе создания теории, вытекающие из общего метода познания, реализуя тем самым методологическую функцию научного знания. Соотношение между стилем мышления и научной картиной мира, опосредующей общие принципы философии и принципы конкретных теорий правомерно рассматривать в плане координации: они взаимосвязаны и взаимопроникают, как взаимопроникают мировоззренческие и методологические принципы в рамках философского знания.

Из данного нами краткого обзора видно, что пока нет удовлетворительного решения проблемы понятия стиля научного мышления. Не выявлено также отношение этого понятия к давно известным и устоявшимся понятиям «философия», «мировоззрение»,

«методология» и т.д. Неясно даже, имеет ли новое понятие право на самостоятельное существование или является синонимом одного из ранее известных философских понятий. Вместе с тем существующая философская литература, посвященная понятию «стиль научного мышления», позволяет обрисовать контуры подхода к решению проблемы стили научного мышления. Таким образом:- стиль мышления самым существенным образом связан с развитием науки и характеризует определенные исторические этапы этого процесса;

- стиль мышления - явление сложное, многоплановое, поэтому часто говорят об элементах стиля мышления, основных чертах стиля, связанных между собой. Под последними, обычно, понимают определенные методы и формы научного мышления, общие представления об объектах науки и способах их познания. Все черты являются доминирующими, господствующими на определенном историческом этапе развития знания, и в своей совокупности характеризующими стиль научного мышления определенной эпохи;

- понятие стиля научного мышления тесно связано (а иногда просто отождествляется) с такими понятиями, как философия, мировоззрение, методология, метод, научная картина мира и т.д. Во всяком случае, многие авторы отмечают в стиле мышления такие признаки, которые присущи философии, мировоззрению, методологии, научной картине мира, методу. По-видимому, анализ места стиля мышления в структуре знания предполагает, прежде всего, исследование его взаимосвязей с указанными феноменами;

- стиль мышления выполняет в научном познании регулятивную функцию, направляя его в каждый исторический период научных исследований в определенное русло. Эта регулятивная функция стиля мышления выражается, прежде всего, в том, что он выступает в качестве своеобразной нормы научности;

- стиль научного мышления, формируется под влиянием определенных исторических, социально-экономических условий развития и в значительной мере определяет характер методологических процедур, используемых в конкретных теориях и отраслях знания.

- конкретные методы, как и стиль научного мышления, складываются на базе содержательного знания, характеризующего объективное бытие предмета и носящие нормативный характер, отражая специфику подхода к предмету исследования, определяемую не только характером последнего, но и особенностями самой познавательной деятельности.

Список литературы:

1. Кун Т. Структура научных революций. – М.: Прогресс, 1975.
2. Лакатос И. История науки и ее рациональная реконструкция // Структура и развитие науки. – М.: Прогресс, 1978. С. 203-263.

3. Зуев К.А. Коротков Е.А. Парадигма мышления и границы радикальности // Общественные науки и современность. – М., 2001. - № 1.
4. Салосин В.Т. О соотношении метода и стиля научного мышления // Диалектика в науках о природе и человеке. – М., 1981.
5. Лапицкий В.В. Эволюция стиля научно-теоретического мышления в процессе становления и развития миропонимания. // Человек, наука, природа. - Киев: Наукова думка, 1987.
6. Степин В. С. Эволюция стиля мышления в современной астрофизике // Астрономия, методология, мировоззрение. - М.: Наука. 1989. С. 107.
7. Серебрякова Э. С. Место стиля мышления в структуре научного знания. // Стиль мышления как выражение единства научного знания. - Воронеж: Изд. Воронежского университета. 1981.
8. Неретина С.С. Средневековое мышление как стратегема мышления современности // Вопросы философии. 1990. № 11. С. 122-151;
9. Швырев В.С. Научное познание как деятельность. – М., 1984.
10. Апостолова И. Стиль на мыслене. София. 1992.
11. Гей Н.К. Мышление научное и художественное // Вопросы философии. Круглый стол. 1986. № 2.
12. Кузнецов Б.Г. Стиль науки, ее синтез и проблемы планирования научного прогресса // Природа. 1993. № 4.
13. Сачков Ю.В. Проблема стиля мышления в естествознании. - М., 1981.
14. Новик И.В. Вопросы стиля мышления в естествознании. - М., 1985.
15. Крымский В.В. Научное знание и принципы его трансформации. – Киев, 1984.
16. Микешина Л.А. Детерминация естественнонаучного познания. - С.-Петербург.. 1998 и др.
17. Борн М. Физика в жизни моего поколения. - М.: Наука. 1963.
18. Полани М. Личностное знание. – Москва, 1985.
19. Сачков Ю.В. Введение в вероятностный мир. - Москва: 1981.
20. Сачков Ю.В. Идея вероятности и проблемы структуры научных теорий // Методологические основы теории научного познания. (Краткие тезисы к общеакадемическому симпозиуму. Ч.2. - Свердловск: Наука. 1983.
21. Веденов М.Ф., Сачков Ю.В. Проблема стилей мышления в естествознании. – Москва, 1981.
22. Иванов В.Г. Физика и мировоззрение. – Санкт-Петербург: 1995.
23. Sterenberg R.G. Thinking styles and testing: Bridging the gap between ability and personality assessment // Intelligence and personality. Ed. By R.G. Sterenberg and puzdis. - N.Y, 1994.
24. Sterenberg R.G. Mental self-government. A theory of intellectual styles and their development // Human Development. 1998, Vol.3.

© Шермухамедова Н. А., 2019.

ОТ ЧЕЛОВЕКА ПРЕОДОЛЕВАЮЩЕГО К КУЛЬТУРЕ ПРЕОДОЛЕНИЯ: ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ

Мацына Андрей Иванович

кандидат философских наук,
Челябинский государственный университет,
Челябинск, Россия

The Journey from a Man of Overcoming to a Culture of Overcoming — ontological foundations

Andrey I. Matsyna

Введение

I. Человек преодолевающий

Всегда ли человек оказывается выше порождаемых им обстоятельств? Этот вопрос обусловлен фактом наличия в человеческом бытии ситуаций, отмеченных дефицитом способности человека к их разрешению. В максимальном выражении эти ситуации приобретают характер глобальных проблем, иерархия которых генерализована в виде трех ключевых линий – насилие человека над человеком, насилие человека над природой и... духовно-нравственный кризис человечества [23]. Третья проблема, ключевая к решению двух первых, в настоящее время оказывается неразрешимой; она продолжает углублять антропологический кризис [11, 50-53] современности. Никакие достижения научно-технического прогресса не освобождают человека от ответственности за свои действия перед природой, обществом и самим собой. И в этом смысле небезосновательным представляется стремление ООН к декларации принципа приоритета прав личностей над правами народов и наций. На авансцену истории выдвигается идея духовно развитой личности, поскольку она в наибольшей степени способна представить свой народ, время, национальную культуру и общество. Приобретая функции автопортрета человеческой общности, личность способна репрезентовать всю вселенную. И в этом смысле личность оказывается не единичным, а монадным образованием [11,53], если понимать монаду как фундаментальный элемент бытия. Атрибутом такой монады является способность ее к духовному саморазвитию как преодолению собственной ограниченности в соответствии с высшими человеческими ценностями.

Эта уникальная специфика человека раскрывается в философской антропологии в связи с качествами, определяющими его положение как особого рода сущего. Согласно Макса Шелера, будучи поздним итогом развития земли, человек вынужден достраивать истинные условия своего существования через созидание культуры. Его творческая активность, “порыв” задает основной энергетический импульс и обуздывается “духом”.

Сознательное начало придает процессу продуктивные формы и соотносится с учениями о надчеловеческом разуме [33].

Эту тягу человека к преодолению собственной ограниченности Хельмут Плеснер объясняет, отталкиваясь не от божественной первоосновы, а через категорию “ничто”. Эксцентрическая позициональность – это способность человека к самоопределению внутри своей границы. Переступая через себя вовне, либо идя к себе как к таковому, человек полагает самого себя. “Зашедшее за себя Я” предполагает наличие необъективируемого полюса субъекта, укореняющего человеческое вне наличного бытия. Неизбежная и напряженная борьба со своей рефлексией и имманентностью всех своих определений неминуемо возобновляется с той же необходимостью, с какой каждая следующая попытка терпит провал. Возникает преодолевающая бытийная динамика человека, вечно выходящего за пределы им сотворенного и вновь стремящего выразить себя. Согласно трем антропологическим законам Х.Плеснера («естественной искусственности», «опосредованной непосредственности» и «утопического местоположения»), человек преодолевающий характеризуется неуспокоенностью самореализации, экспрессивностью и самовыражением [34].

Разрывая с метафизической традицией, Арнольд Гелен описывает человека биологично, метафорически. «Человек ущербный» – вот действующее существо, которое активно формирует свою собственную среду обитания – культуру. Социальные институты, как редуцированные инстинкты, в архаическом обществе эффективно обеспечивают выживание, изначально задавая человеческую идентичность. Вместе с тем, в период Нового времени на первый план выходит человеческая субъективность, которая, по мысли А. Гелена, вводит «человека ущербного» в состояние хронической рефлексии, постоянного выбора и формирования собственной идентичности [5].

Преодолевающая динамика первоначального целостного человеческого бытия представлена в концепции Анри Бергсона категориями «длительность», «творческая эволюция» и «жизненный порыв». На острие этой целостной реальности жизни находится человек, увлекаемый «творческим порывом». Эмоционально-интуитивное постижение этой целостной «первичной данности» толкает его на преодоление собственной ограниченности. Человек раскрывает свою индивидуальность и созидает нравственные, религиозные и эстетические ценности как основу «открытой» морали [31, 372].

В перспективе этих подходов человек представляется существом, погруженным в динамику преодоления внешних и внутренних вызовов при помощи культурных средств. При этом феномен преодоления как таковой практически остается неосмысленным в философии. Это

обстоятельство указывает на необходимость комплексной разработки содержания совокупного человеческого опыта, описывающего, генерализующего и актуализирующего ситуацию преодоления как трансцендирования человеческого бытия.

Опыт преодоления является неотъемлемой частью человеческого бытия. На протяжении своего существования человек переживает разномасштабные психосоматические, духовные и социальные метаморфозы. Наиболее значимые из них сопровождаются появлением новых возможностей самоосуществления. Например, качестве, пожалуй, самой масштабной метаморфозы, можно привести становление вида *Homo sapiens sapiens* в результате предполагаемого преодоления человечеством гипотетического кризиса видовой популяции. В индивидуальном масштабе можно вспомнить об изменении личности в результате полученного ею опыта. В глубине этих метаморфоз таится сложнейшая ситуация преодоления личностью, либо обществом, внешних или внутренних вызовов. Поэтому начальным пунктом нашего исследования феномена преодоления послужило рассуждение о культурном снятии человечеством, пожалуй, самого тяжелого своей изначальной безысходностью вызова - вечной дихотомии жизни и смерти. Этот прецедент Преодоления оценивается как настолько древний и глубинный, что возникновение погребальной обрядности в археологической и антропологической литературе расценивается как признак человеческого.

II. Метафизика преодоления как основа гипотетико-теоретической пролиферации

Факт видимой конечности существования всего живого, извечный поиск ценности и смысла жизни ставят перед человеком проблему постижения оппозиции жизни и смерти как одного из предельных оснований бытия. Решение человечеством этой проблемы культурно дифференцировано. Это объясняет различие исторических форм трансцендирования жизни, «удвоения» Бытия и появление метафизических «складок» [32, 264.], одной из которых является постижение религиозно-мифологической сути древней погребальной обрядности. Взаимовлияние культурно-исторических феноменов древней погребальной обрядности и метафизики Жизни и Смерти слабо и не вполне адекватно теоретически осмыслено. Например, в области изучения бесписьменных культур Евразии бронзового и раннего железного века, которые оставляют нам некрополи со сложными конструкциями и остатками сложных и загадочных обрядов, это является отдельным направлением исследования. Дело усложняется еще больше, если перед нами оказывается бесписьменная археологическая культура, в которой основным единственным источником является древний, сложный погребальный

обряд, обладающий обширной смысловой нагрузкой (увы, недоступной для нас в полной мере). Такой спецификой обладают археологические культуры номадов - ранних кочевников Евразии. Еще Геродотом были описаны племена так называемого скифского круга – скифы, саки, савроматы, сарматы, аримаспы, исседоны, массагеты, амазонки, и другие, которые, не имеют ничего, «кроме могил своих отцов» (Геродот). В рамках этих культурных традиций мы видим расцвет выразительного курганного обряда погребения, представляющего собой огромные, сложнейшие конструкции разных видов, являющиеся невербальным, ритуальным способом культурного преодоления (снятия) дихотомии жизни и смерти.

Продвижение исследования в этом направлении заставило автора произвести классификацию танатологических концепций и выявить рационалистическое и нерационалистическое направление в трактовках феномена смерти. Рационалистическое направление трактовки феномена смерти присутствует в концепциях активно-эволюционной (Н. Фёдоров, А. Святогор, А. Агиенко, А. Ярославский, П. Иваницкий), научно-оптимистической иммортологии (И. В. Вишев, М.В. Соловьев, Л.Е. Балашов и др.), естественнонаучной (И. П. Бахметьев), феноменологической (И. Т. Фролов, С. Рязанцев, А. П. Лаврин, Д. Демидов) и психоаналитической (В. Штекель, З. Фрейд, С. Шпильерейн, К. Г. Юнг, К. Кереньи, Ф. Мерелл-Вольф, Р. Моуди, П.Калиновский, А.Форд, Э. Кюблер-Росс, С. и К. Гроф., Д. Хэлифакс, и др.) танатологии. Нерационалистическое направление трактовки феномена смерти было обнаружено автором в концепциях религиозно-пессимистической (М. Лютер, Ж. Кальвин, Ф. Шлейермахер, С. Кьеркегор, Д. Бонхёффер, В. Панненберг), религиозно-идеалистической (И. Брянчанинов, К. Х. Клемен, П. Флоренский, С. Роуз, А. Кураев, П. Неллас и др.), религиозно-эзотерической (Р. Генон, М. Гендель, Г.О. Мёбес, Ю. Эвола, М. Элиаде, Ю. Мисима, К. Кастанеда, Д. Бейнс, Д. Мелхиседек, Ю. Мамлеев, А. Дугин, М. Лайтман и др.) и эволюционно-спиритуалистической танатологии (Э. Леви, А. Кардек, Л. Дени, Е. Блаватская, А. Безант, Е. Рерих, А. Клизовский, Р. Штайнер, Г. Гурджиев, Д. Форчун и др.). Произведенная классификация позволила выявить эффективность танатологических концепций в решении триединой проблемы жизни-смерти-бессмертия (И.В. Вишев) в аспекте метафизики смерти как представлений о бессмертии (В.Ш. Сабиров). Наиболее эвристически продуктивными в этом отношении оказались нерационалистические трактовки феномена смерти, представленные религиозно-идеалистическими и религиозно-эзотерическими концепциями, работа с которыми позволила сформировать интегральную динамическую модель архаического восприятия смерти. «Архаический» напрямую переводится с греческого как «древний». Однако в контексте нашего исследования данный термин дополнительно указывает на глубинный, соотносящийся с древними традициями,

основанный на работе нерассудочных, аналоговых структур уровень сознания современного человека. Сформированная интегральная динамическая модель архаического восприятия смерти была обозначена как «метафизика Преодоления». Метафизика со времен Аристотеля — первофилософия, философское учение об абсолютных началах мира; в более позднем смысле — это философское учение о чувственно невоспринимаемом. Еще более поздний смысл термина «метафизика» может быть определен как «антидиалектика». В нашем исследовании термин «метафизика» применяется в смысле концепции, соотносящейся, с определённым способом трансцендирования жизни (мысленного удвоения, выхода за пределы чувственного опыта), вследствие чего понятие метафизики применяется как к научно-философским концепциям, так и к концепциям донаучного, некритического, догматического либо философского склада. Введение нами в научный оборот термина «метафизика Преодоления» было обосновано задачами расширения парадигмальных границ исследования.

Источниковой базой для формирования данной модели послужили заупокойная и инициатическая группы источников. Культовые заупокойные мифо-ритуальные источники были представлены русскими переводами из источников древнеегипетского (Книга Амдуат), древнеиндийского (гимны Ригведы), древнемайянского (тексты о Шибальбе из Пополь Вух) и тибетско-ламаистского (Великое Освобождение в результате услышанного в Бардо) религиозно-мифологических заупокойных культов. Эзотерико-инициатическими источниками, связанными с учениями брахманизма (Ригведа), иудаизма (Сефер Ецира, Агада), Месоамерики (Пополь Вух), ишракизма («Багряный Ангел» ас-Сухраварди), европейского герметизма (Книга Тота, Изумрудная Скрижаль, Кибалион), средневековой европейской алхимии (Магический Архидокс Теофраста Парацельса) были исследованы в связи с поставленной задачей так же в русских переводах.

В результате исследования было выявлено, что обе группы источников содержат в своем составе специфическую схему трансцендирования бытия. Содержание этой схемы отражает внутренне-динамический лейтмотив «самоотречения», «преодоления смерти смертью». Метафизика Преодоления соотносится с мифологемой Пути, с архетипическими рядами Смерти и Трансформации. Это обнажает динамизм внутреннего духовного экзистенциального пространства как результат соотношения имманентности части (субъекта, индивида) с трансцендентностью целостного бытия. Такая схема присутствия субъекта в диалектическом единстве жизни и смерти может быть генерализована ключевым термином «Преодоление».

Преодоление, как принцип соотношения части и Целого, отчетливо представлен в инициатических практиках. Субъект в этом случае

воспринимает себя в качестве объекта в соотношении со сферой абсолютных смыслов. Неоднократное преодоление собственной чувственной реальности представляется как самоотречение конечной ограниченной части ради наполнения ее трансцендентными содержаниями бесконечной целостности Бытия. Шаг к преодолению собственной объектности – это одновременно уничтожение старой объектности в субъекте и создание в нем новой объектности (рождение новой личности). Преодолевающая соотнесенность части и Целого раскрывается как вид самопожертвования, соотносящийся с древней символикой «солнечной» жертвенности. Древний солярный символизм с этих позиций подразумевает, что Целое, подобно Солнцу, отдает часть себя ради развития нижестоящей ступени иерархии.

В связи с этим мифологическая культура может быть воспринята как тотально инициатическая. Её радикальным актом является акт самоотречения, самопожертвования. Жертвенность в этом случае подразумевает активную инициативу (жертвующей) части в пользу Целого как иерархической совокупности составляющих его (получающих в дар) частей. Внутренняя (жертвенная) динамика взаимоотношения частей телесно-духовной экзистенции дает основу для понимания инициатического акта как смерти, и смерти как глобального инициатического акта. Древнейшую смысловую основу инициатического акта составляет символический переход между различными формами космического и социального бытия (живое и неживое, человеческое и сверхчеловеческое, природное и социальное).

Древняя социальная проекция травматически-жертвенного понимания связи части и Целого принимает форму ритуала. Это делает возможным выход в сферу абсолютных смыслов не только через дискурс (письменность) но и через недискурсивные формы – посредством совершенствования форм ритуализации. Ритуализацию и сакрализацию жизни в бесписьменных археологических культурах степной Евразии бронзового и раннего железного веков можно в этом смысле трактовать как способ онтологизации жизненного процесса. Погребальная обрядность с этих позиций может быть оценена не как некрологическая (т.е., посвященная смерти) а как погребально-инициатическая деятельность, как звено тотальной ритуальной цепи приобщения человека к мировому Целому путем непрестанного обращения к смерти. Наиболее ярко этот механизм представлен в таких социальных институтах древности, как некрологическая и инициатическая деятельность. Будучи общесоциальным механизмом архаики, эта модель позволяла избегать деструктивные танатологические тенденции и нацеливала на сбалансированное духовно-материальное развитие общества в сакральном мифо-ритуальном единстве и противопоставлении жизни-смерти.

Присутствие в составе метафизики Преодоления таких понятий, как «истинная» и «неистинная» жизнь изменяет и смыслы смерти. Мы находим смысл естественной смерти как рождения в Абсолютном и искусственную символику смерти, отражающую этап восхождения к Абсолюту. в контексте настоящего исследования Абсолют можно понимать двояко. Либо как в идеалистических учениях - отрешённый, освобождённый, совершенным образом превосходящий всю наличествующую данность исток мира. Либо, в пантеистическом ракурсе, это понятие представляет собой абсолютную целостность бытия. Метафизика смерти в структуре данной модели раскрывается как метафизика возвратного восхождения части (субъекта) как к абсолютной целостности бытия.

Эта схема соотносится с мистическим переживанием, основой которого является нерациональный уровень психики, функционирующий на уровне безречевых образований из плотно спаянных воедино образов и, выражаясь словами Грегори Бэйтсона, «что-то вроде». Пространство мистического переживания мы склонны трактовать как эквивалент утраченного мифологического контекста.

Можно предположить, что психические структуры, формирующие эту модель, специфически соотносятся. По всей видимости, доминируют нерассудочные восприятия, которые рассудочно оформляются (объективация). Объективация этих нерассудочных восприятий прочно связывает человека с окружающей социальной и естественной средой. Мифологическое сознание при этом использует любой материал «под рукой», а непрерывная цепь ассоциативных сюжетов, имманентных сознанию, порождает бесконечное количество форм. Мифологическое сознание подвергает постоянной рефлексии неизбежное явление смерти, превращая его в естественный символ начала возвращения субъекта в сферу абсолютного Целого.

Общечеловеческое содержание и глубокая укорененность психических структур, порождающих метафизику Преодоления, проявляются в мифологической форме в «традициях воинов». В религии эту схему наиболее ярко представляют феномены духовного подвижничества, мученичества, юродства. Атеистическое мировоззрение дает многочисленные образцы экзистенциальных актов стихийного и осознанного героического гражданского самопожертвования.

Метафизика Преодоления, на наш взгляд, наиболее адекватно отражает предфилософский способ трансцендирования Бытия в контексте соотнесения части и Целого; концептуально обобщает архаические варианты культурного снятия оппозиции Жизни и Смерти. Метафизика Преодоления базируется на специфической онтологии мифа. Такая онтология требует корректной реконструкции, учитывающей архаические представления о душе и структуре мироздания, о преодолении точки

разрыва онтологического цикла в концепциях имманентного воскресения, о самопреодолении как тенденции апофатической метафизики. Под обобщенным понятием доктрины перманентного (имманентного) воскресения мы представляем осмысление смерти в манифестационистских традициях, при помощи простейшей циклической модели, соотносящейся с естественными циклами природы. Включает момент перехода природы от смерти к возрождению, который оценивается архаическим сознанием как таинство. В онтогносеологическом отношении эта ситуация связана с принципом апофатизма. Апофатизм – принцип познания абсолютного бытия посредством отрицания возможности приписывания ему положительных атрибутов. Апофатизм противоположен принципу катафатизма, основанному на приписывании абсолютному бытию позитивных атрибутов. Это привносит в исследование достаточно серьезные методологические трудности, обусловленные значительным расширением «веера» возможных смыслов, которые требуется передать на позитивном языке науки.

Однако, допуская возможность различных описаний одного и того же объекта, принцип теоретического плюрализма, выдвинутый П. Фейерабендом [26], позволяет принять миф, религию и науку в качестве самостоятельных и независимых систем описания действительности. Принцип теоретического плюрализма по П. Фейерабенду допускает применение метода пролиферации разрастания, приумножения теорий и их взаимной критики на основе выявления их взаимной неадекватности. Пролиферация сопоставляемых концепций, гипотез и теорий вокруг Метафизики Преодоления производилась с целью реконструкции онтологического пространства мифа, элиминированного неизбежными историческими процессами десакрализации, социализации и профанизации смыслов. Это дополнялось применением парадигматического подхода [9,10] устранявшего грубый методологический просчет, который можно встретить в некоторых археологических и антропологических исследованиях, выходящих на уровень мировоззренческой интерпретации. Стремление к межпарадигмальности, ошибочно «загнанное» в рамки междисциплинарного подхода, заставляет исследователей связывать эвристические ожидания не только с прямым подбором цитат из культовых мифо-ритуальных источников, но и с квазинаучными областями. Например, в археологической литературе можно столкнуться с практикой прямого цитирования «Ригведы» или «Авесты», если дело касается реконструкции древней погребальной обрядности индоевропейских культур бронзового века, либо культур скифского облика раннего железного века. Древние контексты этих источников утрачены и это следует учитывать в реконструкциях. в качестве квазинаучных практик мировоззренческой интерпретации древних артефактов можно встретить

соотнесение научных данных с парапсихологией или теософией. В результате этого синтез, востребованный для интерпретации артефактов, оборачивается грубым синкретизмом (эkleктикой), а стремление к межпарадигмальности предстает в онтологически неотрефлексированном ключе. В нашей реконструкции онтологии мифа принцип междисциплинарности применялся последовательно, в сочетании с межпарадигмальным подходом.

III. Онтология и метафизика возврата

Факт независимого существования мифа, религии и науки как самостоятельных систем взглядов требует формирования толерантного исследовательского подхода к рассмотрению разноплановых концепций метафизики смерти. Толерантность контексте нашего исследования подразумевает терпимость к разного рода взглядам, нормам поведения, привычкам, отличным от тех, которые разделяет субъект. Открытость для любых идейных течений, отсутствие страха перед конкуренцией идей. Это связано с необходимостью одновременной работы в поле мифологического, религиозного и научного мировоззрения, которые порождают принципиально различные базовые схемы философской рефлексии.

Различия в них являются глубинными, парадигмальными, если определять парадигму как корневую подоплёку любой идеологии. Парадигма - образец, пример, своего рода эталон, который берется для доказательства определенных смысловых связей между изучаемыми явлениями. Термины «парадигма» (Т. Кун, Ф. Капра и др.) и «предельно общая парадигма» (А. Дугин) [9,10] дают ёмкую форму для наполнения ее содержанием и мифологических и религиозно-идеалистических и научно-рациональных концепций. Метод свехобобщающих парадигм (парадигматический метод), оперирует не с содержанием конкретных высказываний, а с парадигмальными закономерностями, предопределяющими весь спектр высказываний. При этом анализу подвергается а общий для всей серии научных дисциплин и систем их парадигмальный источник.

Например, А. Дугин раскрывает понятие предельно общей парадигмы как более или менее обширный комплекс установок, закономерностей, предопределяющих понимание и рассмотрение природы реальности. Данные установки порождают различные философские, научные, религиозные, мифологические и культурные системы и комплексы, являясь для них неким «общим знаменателем». Выделяемые им свехобобщающие парадигмы «сферы», «луча», и «отрезка» [9] подчёркивают кардинальное различие онто-гносеологической ситуации в пределах мифа, религии и рациональной науки. Мифологическое мышление «сферично», образно, алогично. Оно подчиняет познание принципам, задаваемым «ядром» центрального мифа, проявляющемся

через имманентные стороны «сферического» бытия. Поэтому субъект мифологического познания принципиально не отделён от объекта. Гносеологическая ситуация в мифе определяется принципом «всего во всём» и всеприсутствия трансцендентного Первопринципа. В религиозном познании утверждается принцип гносеологического дуализма, когда познание чувственно воспринимаемой реальности отделяется от догматического познания сферы абсолютного. Десакрализованное рационально-научное мировоззрение принципиально устраняет понятия об абсолютной реальности, абсолютном познании. Гносеологический дуализм заменяется монизмом, а субъект познания принципиально отделяется от объекта. И субъект, и объект рационально-научного познания выступают как обособленные части реальности.

Эти базовые онто-гносеологические различия кардинально влияют на формирование концепций бытия и небытия [12,5] лежащих в основе философских трактовок оппозиции Жизни и Смерти и её снятия в рамках определенной культурной традиции. Иными словами, состав метафизики оппозиции жизни и смерти зависит от качеств бытия, предельной характеристикой которого она является.

Основополагающая роль исходных онтологических установок проявляется в ошибочной тенденции сводить любые версии как мифологического, так и религиозного мировоззрений к креационизму [4,32]. Авраамическим религиям Откровения – иудаизму, христианству, исламу – действительно, присуща креационистская онтология. По-иному обстоит дело с так называемыми религиями природы. Дело в том, что «естественные» языческие верования – древние первобытные, современные примитивные сакрально-мифологические традиции, ритуально-мировоззренческие комплексы (древнеегипетский, древнемесопотамский, древнегреческий и др.) и религиозно-философские системы (брахманизм, индуизм, буддизм, тантризм, синтоизм и т.д.), выделяются специалистами в отдельные номенклатурные группы. М.Ф. Косарев определяет мифологическую онтологию «естественных» языческих культов, как в корне отличную от религиозной [13,5]. Подобным традициям свойственна онтология так называемого манифестационистского типа. Манифестационизм – принцип, согласно которому мир рассматривается как некое проявление абсолюта, божественного истока и т.п., циклически «возвращающийся» в абсолют и вновь появляющийся. В исследованиях онтологии мифа присутствует тезис об общем истоке этих традиций и их связи с эзотеризмом. В качестве общего истока рассматриваются архетипы (М. Ф.Косарев), примордиальная традиция (Р. Генон, А. Дугин) либо мономиф (Г.В. Зубко). Следует так же отметить, что в данном исследовании эзотерическое знание рассматривается исключительно с позиции интегрального традиционализма, включающего в состав этого понятия

манифестационистскую подоплеку живых традиций Откровения: каббалу в иудаизме, герметизм в христианстве и суфизм в исламе.

В связи с этим миф раскрывается как система взглядов на сакральное устройство реальности, феномены которой (вещи, существа, события, явления) связаны множеством ассоциативных сюжетов, являющихся ее элементами или развитием отдельных её аспектов. Открытость мифа по отношению к иным комплексам представлений обуславливает взаимообмен элементами и появление новых сложных мифологических моделей. Отсутствие строгого порядка в такой системе верований (в отличие, например, от теологических систем) затрудняет корректное понимание логики мифа, порождает несправедливое мнение о хаотичности и непоследовательности мифологических систем.

Но это отнюдь не так, поскольку принцип иерофании [27] предполагает в центре мифа основополагающую метафизическую доктрину, которая определяет всё остальное как периферическое, т.е., продолжение, либо отражение абсолютных принципов центральной доктрины. Степень реальности периферии определяется её удалённостью от сферы изначальных принципов [6]. К. Г. Юнг, К. Кереньи употребляют понятие манифестации как проявления бессознательного в сфере мифологического сознания. Р. Генон и его современные последователи (например, А. Г. Дугин), расширяют понятийные рамки манифестационизма, придавая ему статус мировоззренческого принципа традиционного общества сакральных (донаучных) цивилизаций. Манифестационистская онтология характеризуется холизмом, алогизмом, метаморфичностью, анимизмом, цикличностью и сакральностью [8].

В центре “сферического” манифестационистского бытия находится его метафизическая причина. Сам мир и его сакральный исток рассматриваются как нечто качественно единое и однородное; отсутствует фундаментальное различие Творца и творения. Возникновение мира трактуется как «*creatio ex deo*», «творение из божества» [8, 47]. Сущее воспринимается как манифестация, т.е., внешнее проявление, выражение сокрытого Первопринципа, обнаруживающемся в любом феномене бытия. Периферийный уровень чувственно воспринимаемого бытия удалён от центрального средоточия, но является субстанциально единым с ним. Поэтому имманентная реальность периферии характеризуется прямым присутствием в её составе трансцендентного первоначала. Такое неочевидное присутствие является всеохватывающим, соединяющим имманентные стороны бытия с трансцендентным принципом.

Это обуславливает мифологическое восприятие мира как единого целого. Согласно принципу холизма Целое первично по отношению к составляющим его частям. Оно организует, выстраивает и завершает части, наделяя их бытием, несвойственным для каждой из них, взятой в отдельности. Поэтому в качественном и организационном отношении мир

(сущее) рассматривается как высшая и всеохватывающая реальность. Глубинное основание такой онтологии выражено в адвайто-ведантистской формуле «атман есть брахман», т.е., «человеческий дух есть абсолют» [7]. Согласно этому индуистскому принципу высшего тождества человеческий дух, как и вся ткань реальности, являются проявлениями неизменного Первоначала, сердцевины сущего, обнаруживающего себя через неограниченное множество проявлений.

Следствием этого является алогичность манифестационизма. Здесь тождество присутствует наряду с нетождественностью, устраняются любые онтологические разграничения. Это утверждает возможность сложных метаморфоз качественно единой бытийной ткани, организованной в соответствии с единым трансцендентным порядком. Любой фрагмент реальности связан общим происхождением и наделяется способностью взаимоперехода и видоизменения. Эта всеобщая взаимосвязь и тотальная сущностная метаморфичность [8, 298] сохраняет единую сущность в едином проявленном бытийном ансамбле. Онтологический статус любого существа здесь представлен не его конечной видовой принадлежностью, а временно-промежуточной, переходной «степенью экзистенциальной напряжённости в общей структуре Вселенной» [8, 286]. Самодостаточным оказывается лишь целостный рельеф сложнейшего пульсирующего онтологического пространства без строго фиксированных барьеров. В таком бытии всё способно переходить во всё. Исключается лишь происхождение любой категории сущего из иного, кроме центрального, трансцендентного источника.

Важным следствием мифологической иерофании является анимизм - система представлений об одухотворенности мира, о наличии в составляющих его частях особой невидимой субстанции – души. Объем данной статьи не позволяет раскрыть этот аспект онтологии мифа. Поэтому ограничимся лишь общим определением в контексте нашего исследования, отталкиваясь от пары понятий «имманентное – трансцендентное». Имманентное – пребывающее внутри, внутренне присущее. Трансцендентное – запредельное, пересекающее предел; выходящее за пределы; недоступное познанию, то, что находится за пределами опыта, лежит по ту сторону опытного, эмпирического знания. Душа – понятие о присутствии трансцендентного в имманентном.

У мыслителей как раннего (мифологического), так и более позднего (классического) периодов античной мысли, сохраняется отстранённое восприятие смерти. Она воспринимается не как абсурдный конец бытия, а как метаморфоза вещей и существ внутри вечного и неизменного мира. Согласно циклической концепции Пифагора Самосского бессмертная душа периодически перевоплощается, оживотворяя собой телесность. Пифагорейская версия метемпсихоза сходна с религиозно-философской

доктриной о вечном возвращении и, скорее всего, заимствована из орфизма – мистического учения, связанного с орфическими мистериями [10,143]. Древнегреческое восприятие смерти в целом не выходит за рамки манифестационизма и холизма и предполагает наличие спонтанно-активного начала души, разлитого во всё сущее и управляемом универсальным интеллектом. В учении Парменида отсутствует небытие, и поэтому, в собственном смысле не может быть ни возникновения, ни гибели. Целостно ориентированная метафизика, характерна не только для Парменида, но и для диалектика Гераклита Эфесского.

Гносеологическим эквивалентом Целого в имманентной онтологии становления Гераклита является Логос. Он охватывает и синтезирует противоположности. Поэтому материя и дух выступают у него как синонимы. Душа человека уподобляется персональному Логосу, совпадающему в итоге с «мировой душой», великим Логосом. Рождение и гибель, возникновение и исчезновение, жизнь и смерть, бытие и небытие обуславливают и переходят друг в друга, они взаимоувязаны единой «пламенеющей» диалектикой Логоса. Душа бессмертна и смерть есть рождение души для новой жизни. Отсутствие небытия у Парменида, так же, как и диалектический взаимопереход бытия и небытия у Гераклита, могут рассматриваться как характерные аспекты мифологически-холистской онтологии.

Центральным принципом платоновской онтологии является понятие о самопознающей, самораскрывающейся в сложном, замкнутом цикле мировой души - причины возникновения, изменения и любого движения всех вещей. Будучи бессмертным, неизменным и цельным началом мира, она является истинным бытием, несовместимым со смертью и синонимичным жизни. Вечное движение души обуславливает вечный взаимопереход противоположностей жизни и смерти. Смерть в такой схеме затрагивает лишь материальную сторону человека. Возможность постижения души связывается с необходимостью постижения природы Целого.

Такому подходу созвучна аристотелевская идея «недвижимого двигателя» – идеального и абсолютного начала, изложенная в «Метафизике» [1, 348.]. Это предопределяет трактовку души как “первой сущности” - вечной, обособленной от чувственно воспринимаемых вещей, неделимой, не имеющей величины и являющейся чем-то третьим по отношению к сменяющим друг друга возникновению и гибели. Имматериальная и нетелесная, целеустремлённая душа по Аристотелю есть энтелехия тела - организующий принцип, источник и способ регуляции поведения организма. Это целеустремлённая энергия, движущая сила, реализующая возможность. Это некий смысл и форма, а не материя, не субстрат - отражение актуальной действительности всемирного и вечного Ума. Душа вечна и бессмертна, смерть тела освобождает душу для

её вечной жизни. Различия во взаимодополняющих подходах Платона и Аристотеля обнажают многогранность единой в своей сути сакральной онтологии.

Античный холизм активизирует две первые составляющие частноэсхатологической триады т.е., »жизнь-смерть-бессмертие» [4]. Смерть существует, она реальна и составляет противоположность жизни, сосуществуя с ней в общем онтологическом узоре Целого. Бессмертие достойно рассмотрения лишь в перспективе смерти как возможности соединения души с абсолютным Принципом. Смерть является пределом, скрывающим трансцендентное содержание бытия. Такой холистски ориентированный онтологический прообраз соотносится с интуитивно-интеллектуальными моделями осмысления смерти как вечная антитеза механистически-рациональным моделям и их античному демокритовскому атомистическому прообразу, конфликтующему с принципами манифестационистской онтологии.

Причинно-временная ситуация в мифе также обладает принципиально отличительными характеристиками. Линейная последовательность событий (время) присутствует здесь лишь на правах внутреннего принципа [13], структурирующего имманентную реальность. Поскольку причинный фактор мифологического восприятия находится внутри любого явления, внутри времени присутствует трансцендентный фактор - вечность. Поэтому миф онтологизирует другое время – цикличное и замкнутое. Это обуславливает не диахронически-последовательную, но синхронически-сущностную связь событий, явлений и вещей. Сущее здесь пульсирует ритмами Первопричины, время движется по круговой модели, а глобальная история повторяется.

Начало, развитие и конец мира соединяются возвратной онтологией в единый циклически-спиралевидный процесс. Циклическая доктрина, по мнению Р. Генона, является полным отрицанием идеи прогресса, эволюции. Диалектическое развитие манифестируемого (проявленного) мира происходит по нисходящей линии - от своего расцвета к упадку, от высшего к низшему. Идея циклической дегенерации (деградации) формирует общее пессимистическое осмысление как всей реальности, так и эсхатологической перспективы. Циклическое развитие отражает процесс нисхождения проявления, «прогрессирующую материализацию» Принципа, соотносящегося с чистой духовностью [6]. Цикл состоит из взаимодополняющих тенденций отделения от Принципа и возврата к Принципу, сравнимых с процессами биения сердца, дыхания и пульсацией. Процессы зачатия, рождения и роста организма соотносятся с фазой отделения от Принципа. Угасание жизненных сил и смерть знаменуют собой начало фазы возврата к Первопринципу.

Оппозиция жизни и смерти, реализация принципа смерти принимается такой онтологией как естественное условие преемственности

циклов. Поступательно-возвратная модель бытия представлена в шаманизме; в её основе лежит идея посреднической связи полюсов Вселенной [3,6]. В динамическом ракурсе манифестационно-циклическая онтология мифа может быть охарактеризована как онтология Возврата, или возвратная онтология.

Существенной характеристикой возвратных онтологий является сакральность, или сакрализация бытийных смыслов, проистекающая из иерофании мифа. Сакральность можно определить как соотнесение элементов сущего с центральным трансцендентным принципом бытия. Синонимические оттенки характеризуют сакральное как священное, сокрытое, божественное, сверхъестественное, небесное, трансцендентное, вечное, истинное, высокое. Антитезой сакральному является профанное – десакрализованное, мирское, преходящее, обыденное, земное, материальное, посястороннее, низкое и т.д. В мифологической иерофании сакральное и профанное существуют в нерасчленённом и неравновесном единстве, обусловленном смысловым преобладанием идеи центра.

Особенность возвратных онтологий можно свести к положению о наличии прямой и субстанциальной связи мира, бытия и сознания с Первопричиной, находящейся в самом мире. Поэтому онтология мифа специфически диалектична, она особенным образом трактует соотношение части и Целого (Абсолюта). Диалектика нисхождения Абсолюта в периферийный мир феноменов дополняется невидимой фазой компенсирующего восходящего движения феноменов от периферии к Абсолюту. В этой перспективе смерть представляется началом возвратной фазы непрерывного цикла «восхождение-нисхождение». Онтология Возврата противопоставляется онтологии Конечного, отвергающей восприятие человеческого существа как неотчуждаемой части Целого и лишаящей категорию смерти архаически духовного измерения.

IV. Онтология и метафизика конечного как антипод онтологии возврата

Религиозное и научное мировоззрения базируются на иных парадигмально-онтологических основаниях и абсолютизируют несоответствующие онтологии возврата принципы, либо их десакрализованные антиподы.

Характерными признаками онтологии религий Откровения являются креационизм, линейность временных характеристик, монокосмичность, гносеологический дуализм. Сущее, сотворённое «ex nihilo» [9, 54], удалено от трансцендентной Причины и несовместимо с ней в каузально-временном отношении. Не являясь прямым проявлением абсолютной Причины, тварное бытие становится продуктом единоразового акта сотворения мира. В онтологиях такого типа трансцендентное противопоставляется миру и отсутствует в составе основополагающих

характеристик сущего. Любая вещь здесь принципиально отделяется от Первопринципа непреодолимым пределом. Барьеры между проявлениями сущего строго фиксированы, а онтологический статус любого явления закреплён изначально и окончательно.

Линейное время, проявляющееся в мифе лишь на правах внутреннего принципа, в креационизме становится онтологическим. В своем линейном развитии креационистское бытие движется в направлении убывания и безвозвратного окончания. Возникает телеология бытия, которая неминуемо сопрягается с учениями о конце мира. Любое существо умирает - теряет свойство существования, которое может быть продолжено лишь произволом Первопричины. В такой перспективе вечность присутствует лишь трансцендентно - вне времени. Основными временными характеристиками тварного мира становится диахрония, т.е. длительность и направленность событий и явлений. Циклизм исчезает, а архаический ансамбль возвратной онтологии разрушается. Устраняются концепции тотальной сущностной метаморфозы и перманентного (имманентного) воскресения, признаваемые всеми аналоговыми традициями. Мы употребляем понятие аналоговых традиций в связи с определяющим для них феноменом аналогового мышления, сопряженного с работой нерассудочных структур психики. Аналоговое мышление ориентируется на неотрефлексированное на основе рассудочных категорий целостное бытие, на образное «схватывание» целостности и непрерывности бытия как таковой. В этом смысле аналоговое мышление противоположно рассудочному, устроенному по принципу оперирования информацией, сформированной на основе так называемой дигитальной пары – двух элементов. Понятия аналогового и дискретного мышлений применяются в концепциях Г. Бейтсона и А. Дугина и, вероятно, почерпнуты из технологий использования аналоговых и цифровых вычислительных машин. Кроме того, в креационистской онтологии изменяется и состав концепции деградации, трактуемой теперь как однонаправленная история упадка и окончательной гибели мира. Эти установки обуславливают исключительный эсхатологический пессимизм религии. Различия между линейной и циклической трактовками деградации принципиально разводят онтологические основания мифа и религии.

Устраивая сущее по своему образу и подобию, трансцендентная Причина возвратного бытия сама синхронно присутствует во всех своих проявлениях. Трансцендентный разрыв со сферой проявления в такой картине практически отсутствует. Рисуется картины проявления человека прямо из материи. Человек сохраняет единство с Центром, давшим ему эйдос, саму идею жизни. Эта связь присутствует в виде сменяющихся фаз становления и возврата. Такая картина присутствует в платоновской концепции круговращения многосферного “космического веретена”.

Напротив, креационистски-линейная дегенерация рассматривает убывание бытия как тотально-необратимое. Это относится и к человеку. Тотально удалённый от Создателя, он движется к своей абсолютной смерти, без возможности возвратного слияния с трансцендентностью. Некоторые креационистские мифологические сюжеты рассматривают бессмертие только как атрибут божественности, как, например, в месопотамской мифологии. Идеи “возврата” (отдачи) бессмертия человеку не представляют общей закономерности становления и эволюции мифологического типа мировоззрения [4, 33], хотя и присутствуют в некоторых из них.

Появление смерти фиксируется как трансформация мира и духовно-физиологической анатомии человека. Например, в зороастризме – это деструктивный принцип Лжи, атрибут хаоса Анхри Майнью. И в «Политике» Платона, и в Пятикнижии Моисея это связывается с проявлением автономной функции размножения. В частности, можно вспомнить, что Смерть в библейском сюжете появляется после и вследствие грехопадения. Бытийное изменение трактуется теперь как отделение бытия от Причины, его автономизация, постепенная деградация и изменение его онтологического статуса. Его части уже не зарождаются непосредственно из Первопричины, ставшей трансцендентной. Часть бытия обретает способность порождения. Это формирует и автономизирует сферу становления, означая разрыв с творческим началом Вселенной. В итоге бытие обременяется телесностью, способной рождать. Автономизируясь подобным образом, космос уподобляется целостности, но теперь он обречен на деградацию вследствие отдаления от животворящей силы Первопричины.

Обсуждаемый онтологический разрыв появляется в традициях, отходящих от циклических представлений, как например, в зороастризме. Это иллюстрируется идеей «рождения» смерти, неожиданного появления её как чего-то не присущего изначальному состоянию мира. Внесение идеи смерти в архаическую картину бытия, возможно, является результатом чрезмерного усиления рассудочных форм мышления, подрывающих целостное восприятие мира. В модели бытия врывается дигитальная (двоичная) логика рационального мышления, оперирующего так называемой дигитальной парой. Один из ее элементов представляет абсолютную самотождественность и наличие, а другой – тотальное отрицание самотождественности и «абсолютную смерть» ограниченного конкретного [8, 278, 283, 292].

В результате разрушения возвратной метафизики миф уступает онтологические права предметному мышлению, абсолютизирующему телесность. Человеческое бытие мыслится отдельно от целого, как его простая фрагментированная часть. Все без исключения создания, сотворённые из ничего («из праха земного») оживотворяются некоей

безличной силой («дыханием жизни»), общим для всех принципом. После смерти личность исчезает, оставляя некоторую надежду на воскресение в теле по воле Бога. В Пятикнижии нет противопоставления материального и идеального, физического и психического, поскольку «душа всякого тела есть кровь его» [Левит:17,14], и отсутствует учение о бессмертии души, воскресении и загробном воздаянии. Загробное существование здесь сомнительно, внимание смещено к благоденствию в здешнем мире: «Итак, иди, ешь с весельем хлеб твой, и пей в радости сердца вино твоё, когда Бог благоволит к делам твоим.... Потому что в могиле, куда ты пойдёшь, нет ни работы, ни размышления, ни знания, ни мудрости» [Еккл 9: 7, 9, 10]. Тот же настрой прослеживается и в реконструкции месопотамского погребального обряда [25]. Креационизм, усиленный нарастающим влиянием предметного мышления, обуславливает абсолютизацию телесности, онтологизацию идеи «ничто».

Идея чувственно и рассудочно фиксируемой конечной телесности, падает на «благодатную» почву креационистской логики смерти как «абсолютного наличия абсолютно отрицательной категории» [8,96]. Эллинское «ничто» (теон), означает манифестационистское начало «предбытия» - непроявленную божественную реальность, из которой исходит проявление. Для описания уникальной специфики иудейского креационизма вводится понятие «ничто» (оук он) в смысле абсолютной смерти мира [8, 294]. По мнению А. Г. Дугина, такой категории не знает ни одна манифестационистская традиция. В связи с концепцией абсолютного «ничто» возникает идея конечного рубежа всего тварного бытия, личность ограничивается смертью с обеих сторон. Полностью устраняется *сущностная метаморфоза*, признаваемая всеми манифестационистскими традициями. Такая онтология закрепляется в догматике священных писаний – Торы, Ветхого и Нового Завета, Корана. Христианство преодолевает креационизм собственной парадигмально-онтологической основы аутентичной, символической, мистической и сверхрассудочной онтологией Воскресения, стоящей вне манифестационистских и креационистских рамок [8,310-311].

Развитие философской мысли на линейно-креационистской основе можно рассматривать как процесс формирования рационалистической метафизики смерти, синхронный разрушению возвратных онтологий. Безусловно, это отбрасывает целый комплекс древних метафизических представлений о человеке как части целого, цельного и единого бытия. Однако, отнюдь не исчерпывает возможности конструктивного диалога рационалистической философии с нерационалистическими подходами, который видится в дальнейшей пролиферации Метафизики Преодоления. Возможности преодоления углубляющегося антропологического кризиса современности связаны с необходимостью углубленного понимания природы человека, с осознанием адекватных принципов гармоничного

взаимодействия природы и общества. Поэтому формирование культуры преодоления в человеческом бытии должен быть обязательно связан с углубленным изучением совокупного опыта трансцендирования человеческого бытия. Для настоящего исследования это означает продолжение пролиферации Метафизики Преодоления в расширенном поле гипотез и теорий, и, в первую очередь – в пространстве теорий рационалистического склада. В этом смысле несомненный интерес представляют абрис культуры преодоления, представленный в марксистской диалектике.

V. Проблема преодоления в марксистской диалектике

Для продолжения разговора в этом ключе, на наш взгляд будет вполне уместным вспомнить об исследовании социально-биологической проблемы, осуществленном в традициях марксистской диалектики в 90-е годы прошлого века [24,1]. Социально-биологическая проблема – это фундаментальный вопрос о механизме перехода материи от её биологической формы движения к социальной. В качестве одного из ключевых моментов разрешения этой проблемы В. И. Плотниковым был рассмотрен процесс возникновения т.н. «элементарной социальной связи», или «первичной формы труда». Диалектическое раскрытие этой элементарной формы взаимодействия биологического мира с социальной действительностью предполагает далеко не всякую попытку естествознания понять общественную и духовную жизнь с позиций отдельной науки в смешении природных и общественных закономерностей. Диалектика предполагает тонкую, фундаментальную связь всех наук на основе философской рефлексии. Это направление мысли в своих «Философско-экономических рукописях 1844 года» задает К. Маркс: «Впоследствии естествознание, - пишет он,- включит в себя науку о человеке в такой же мере, в какой наука о человеке включит в себя естествознание: это будет одна наука» [18, 517-642]. Обращение к философскому наследию К. Маркса позволяет концептуально уточнить диалектический вариант культуры преодоления и бережно использовать потенциал его мысли в этом направлении.

Трансцендирование человеческого бытия, уже начиная с ранних произведений, К. Маркс осуществляет атеистически, устраняя внешнюю по отношению к человеку категорию Абсолюта. При этом вопрос о сущностной природе человека и его отношения к окружающему миру, согласно К. Маркса, должен быть решен с диалектическим учетом природы человека, обладающего чувственностью, включенного в целостный природный мир: «...Первый предмет человека – человек – есть природа, чувственность; а особые человеческие чувственные силы, находящие свое предметное осуществление только в предметах природы, могут обрести свое самопознание» [18,596]. Социально-биологическая проблема в рамках марксистской диалектики разрешается с учетом

тонкого динамического соотношения природного, социального и духовного аспектов целостной человеческой природы: «Общественная действительность природы и человеческое естествознание, или естественная наука о человеке, это – тождественные выражения» [18,596]. Некритичное преувеличение роли научных фактов наносит ущерб общеприимным положениям и единой методологии решения проблемы человеческого бытия. Единая методология предполагает целостное понимание явления и осмысление сущности предмета в акте его возникновения. В этом смысле самым надежным является метод сочетания исторического и логического. Положения марксистской методологии обретают особый смысл, «когда речь идет о самом акте перехода от биологического к социальному, о возникновении труда как начала начал многостороннего общественного бытия людей» [24,4]. В контексте современных масштабов антропогенной деятельности разного качества социально-биологическая проблема приобретает крайне актуальный аспект меры и смысла вмешательства человека в окружающий мир.

Возникает необходимость определения природы человека, его сущностной основы, отличающей его от животных. Однако, существует опасность теоретических искажений в исследовании этого вопроса. Например, биосоциологизаторские решения могут привести к эклектическому сочленению социального и биологического. В самом марксизме сохраняется опасность догматически некорректного использования диалектических категорий в решении сложных проблем. Так, в решении социально-биологической проблемы присутствуют многочисленные примеры некорректного использования категории «снятие» [24,16-17]. Тем не менее, марксистская философия содержит в своем составе мощное средство теоретического воспроизведения объективного мира - метод восхождения от абстрактного к конкретному. Так, исходя из идеи внутренней активности живой природы, из принципа устойчивого неравновесия живых систем (Э. Бауэр), поведение любого живого организма может быть понято «...как борьба или активное преодоление изменчивых внешних препятствий, каковы бы они ни были» (Н. Бернштейн) [Цит. по: 24, 21]. Заданное единство биологического и социального в изначальном состоянии преодоления, нетождественно своим развитым состояниями и требует продвижения вглубь миллионов лет антропосоциогенеза, с целью увидеть «в чистом, независимом, неискаженном виде» [29, 543–544] тот единый центр, из которого произрастают все дальнейшие тенденции преодолевающего человеческого поведения.

Эта марксистская линия заставляет отбросить вторичные по времени и структуре ситуации варианты возникновения человеческого сообщества для наилучшей реализации как биологически значимых, так и сознательно

поставленных целей. Маркс опирается на тезис о том, что в природе «действуют одна на другую лишь слепые, бессознательные силы, во взаимодействии которых и проявляются общие законы» [30, 305]. Выйти на самый глубокий уровень соотношения биологического и социального – значит выйти на некий абстрактный первоначальный акт противопоставления биологического и социального, природного и культурного. Упомянутая выше преодолевающая активность всякого биологического организма содержит в своем составе и ожидание конечного результата этой активности, и выбор поведения, и активное достижение, и корректировку действий. То есть, преодолевающая активность еще не является условием отграничения человека от природного мира. В марксистском понимании условием такого отграничения является не собственно преодолевающая активность, а человеческий труд.

Человеческий труд понимается Марксом как особая форма преодолевающей активности, как общественно-организованная и целесообразная производственная деятельность. О ее ранних стадиях он выражался как о «первых животноеобразных инстинктивных формах труда» [14, 189]. В поиске закономерного характера становления непосредственных предпосылок труда, Ф. Энгельс предлагает обозначить появление труда как начало изготовления орудий труда. Но определить момент перехода к изготовлению орудий труда очень непросто. Принципиально соглашаясь с Б. Франклином, определяющим человека как «*toolmaking animal*», К. Маркс расценивает его как неудачную попытку определения человека по одной его черте, общей с некоторыми видами животных [26, 359]. В частности, он отмечает, что «употребление и создание средств труда... свойственны в зародышевой форме некоторым видам животных» [14, 190—191]. В связи с этим В. И. Плотников отмечает возникший парадокс, нуждающийся в теоретическом разрешении. Данный парадокс заключается в том, что совместная трудовая деятельность людей не смогла бы возникнуть ни из эволюции животных сообществ, ни из эволюции орудийной деятельности животных. Но при этом иных общебиологических путей к возникновению человеческого общества с совместной трудовой деятельностью не существует. Это ведет к необходимости анализа психофизиологических предпосылок самого истока человеческого бытия [24, 61].

Орудийная деятельность высших приматов определяется условиями конкретной ситуации и характеризуется парадоксальной способностью легкого возникновения и столь же легкого исчезновения без закрепления в повседневной жизни. В условиях природного разнообразия такая тенденция оказывается абсолютно бесперспективной [24, 3]. Неустойчивость и заниженный статус орудийной деятельности приматов как фактора биологического приспособления подтверждает

справедливость мысли Ф. Энгельса о том, что «каждый прогресс в органическом развитии является вместе с тем и регрессом, ибо он закрепляет одностороннее развитие и исключает возможность развития во многих других направлениях» [29, 621]. По мнению К. Маркса совершенно недостаточно утверждать, что «человек производит орудия, тогда как обезьяна неспособна к изготовлению орудий» [29, 621], либо средств развития орудий. Первостепенным оказывается вопрос о том, почему обезьяна не в состоянии перейти эту грань. В контексте обсуждаемой нами культуры преодоления еще более важным оказывается вопрос о наличии психического механизма преодоления, позволившего перейти эту грань человеку. Иными словами - вопрос о наличии той «искры сознания», которая, вспыхивая все чаще, смогла бы длительно и равномерно гореть, превращая орудийную деятельность в труд, доводя повседневный жизненный успех до очередного автоматизма и превращая его в стереотип [24,94]. В качестве такого механизма в концепции К. Маркса выступает трудовая деятельность; возникновение этого механизма тождественно возникновению самого труда: «Вся история есть не что иное, как образование человека человеческим трудом...» [17, 632].

В. И. Плотников обращается к проблеме «начала» как теоретическому обоснованию перехода от общебиологических предпосылок к непосредственным, «к первым шагам превращения биологического в социальное» [24,98]. Исследуя категорию «начала» при помощи метода теоретической реконструкции, он ставит целью выявить всю совокупность противоречий, сконцентрировав их вокруг основного вопроса о существовании «прорыва» законов биологического бытия, который позволил осуществить скачок за пределы наличного бытия, за рамки животных форм деятельности. Существование этого прорыва невозможно понять без объяснения его механизма. В связи с этим В. И. Плотников вводит понятие «элементарной социальной связи» с целью разъяснить смысл, сущность и механизм наипростейшей социальной связи, обладающей свойством саморазвития [24, 111-112]. Эта категория дублирует понятие труда в акте его возникновения и представляет структуру элементарной трудовой деятельности, демонстрирующую измененное сцепление предпосылок в акте начала трудовой деятельности.

Человеческий труд проанализирован К. Марксом в «Капитале», где в разделе «Процесс труда» он различает три составляющих: целенаправленная деятельность, предмет труда и средства труда. Целесообразная деятельность, или «самый труд» [14,189] обладает наиболее глубокой сущностью, по поводу начала которой на данный момент существует несогласие среди современных исследователей. Согласно Марксу, орудийная деятельность может быть названа трудовой, если она отвечает нескольким требованиям. Во-первых, труд, как процесс, совершающийся между человеком и природой, должен быть опосредован

орудийным производством, «труд начинается с изготовления орудий» [29, 491]. Во-вторых, в производстве люди вступают в отношение не только к природе, но и друг к другу, и «только в рамках этих общественных связей и отношений существует их отношение к природе, имеет место производство» [20, 441]. Иначе говоря, субъектом труда может быть только «коллективный человек, ассоциированные производители» [16, 387]. Третьим основным признаком трудовой деятельности человека является ее целеполагающий характер. «Человек не только изменяет форму того, что дано природой; в том, что дано природой, он осуществляет вместе с тем и свою сознательную цель, которая как закон определяет способ и характер его действий и которой он должен подчинять свою волю. И это подчинение не есть единичный акт. Кроме напряжения тех органов, которыми выполняется труд, в течение всего времени труда необходима целесообразная воля, выражающаяся во внимании, и притом необходима тем более, чем меньше труд увлекает рабочего своим содержанием и способом исполнения...» [14, 189].

Выделяя элементарную социальную связь в каждом из названных выше признаков трудовой деятельности, В. И. Плотников указывает на структуру элементарной формы человеческого труда, соответствующего процессу преодоления границ животной видовой природы и «началу» человеческого бытия и исторического развития человека. Структура элементарной формы человеческого труда предполагает: систематическую подработку орудий; жесткую взаимозависимость индивидов в этом процессе; формирование нового механизма психики, способного функционировать лишь в системе взаимных отношений с другими индивидами по поводу орудийной деятельности и обеспечивающего все более устойчивое внимание к биологически незначимым способам поведения. В составе начальной формы труда, вышеназванные признаки могут быть поняты как еще нерасчлененное единство «начала». При этом подчеркивается особая значимость способности индивидов к взаимосвязанному саморазвитию. Отсутствие данной способности выражается в застойности орудийной деятельности, в стереотипности психики, в несвязанности взаимозависимости индивидов ни с подработкой орудий, ни с преодолением стереотипов поведения. В отсутствии способности к совместному саморазвитию (самопреодолению) о трудовой деятельности в ее подлинном смысле не может быть и речи [24, 118]. Наличие же этой способности в сообществе сопоставляется уже не с биологической системой «стада» как носителя генетической непрерывности вида. Прорыв узости биологического существования может быть связан только с социальной системой «первобытного стада» (первичной производственной группой как носителем обмена веществ с окружающей природной средой. Согласно мысли Плотникова, смысл зарождения элементарной социальной связи сводится не к постепенному

«перерождению стада», а к загадке возникновения феномена группового опосредствования функции обмена веществом и энергией, осуществлявшейся ранее (в биологическом мире) на уровне отдельного организма. В противоположность внутривидовой системе доминирования, элементарная социальная связь ориентирована, прежде всего, на внешнюю деятельность по обмену веществом и энергией [24,112-118]. Следовательно, возникновение элементарной социальной связи может быть только формированием группы взаимосвязанной деятельности индивидов по совместному обмену веществ с окружающей средой [24, 122].

Проблема преодоления как прорыва в марксистской диалектике Плотникова обозначена как одна из наиболее трудных проблем антропогенеза, поскольку «начало» должно соответствовать сразу: как необходимости (общебиологические предпосылки), так и ее отрицанию (прорыв узости биологического существования); как прерывности (конец биологического развития), так и непрерывности (переход материи к новому циклу ее саморазвития) [24,123-124]. Это иллюстрируют общеизвестные слова Ф. Энгельса о том, что «нельзя выводить происхождение человека, этого наиболее общественного из всех животных, от необщественных ближайших предков» [29, 488—489]. Согласно К. Маркса, животное, в отличие от человека, не «относится» ни к чему, его отношение к другим не существует как отношение. То есть, грань между «общественностью» животных и общественностью человека проходит по наличию или отсутствию отношений и неизбежен вывод о необходимости резкого перерыва постепенности при переходе от стада обезьян к социальным отношениям: «Ни природа в объективном смысле, ни природа в субъективном смысле непосредственно не дана человеческому существу адекватным образом. И подобно тому, как все природное должно возникнуть, так и человек имеет свой акт возникновения, историю...» [18,632]. В качестве акта «начала» человеческой истории принимается возникновение новой формы устойчивости человеческого сообщества — объединения особей вокруг потребности в систематической подработке орудий [24,132]. В элементарной социальной связи все содержится лишь в возможности: и труд, и сознание, и речь, и культура, и социальные институты, да и... сам человек. Впоследствии все это развивается из своей собственной основы.

Элементарная социальная связь в акте своего возникновения сохраняет тождественность с элементами биологического целого, но, изменяет способ (форму) их сцепления. Возникает уникальная устойчивая форма сцепления элементов, не встречавшаяся ранее в биологическом мире: «Непосредственные предпосылки по отношению к результату возникновения нового выступают в форме превращения, т. е. в виде самого процесса становления новой формы, нового типа структурного сцепления»

[24,103]. Элементарная социальная связь, как обусловленная языком совместная трудовая деятельность формирующихся людей, становится первичной клеточкой, из которой в дальнейшем вырастает вся сложная система социального и культурного.

В качестве промежуточных выводов отметим, что видовое становление предчеловека предполагает первоначально суженность горизонта его внимания биологически значимым. Это естественно для существ, живущих инстинктом. Абиологическое содержание окружающего мира, как правило, выпадает из поля его биологически обусловленного внимания, а в механизме жизненной ориентации предчеловека господствует инстинкт. Радикальное преодоление этого господства В.И. Плотников связывает с вклиниванием (внедрением) абиологического содержания (материального орудия) в жизнь предчеловека. Поскольку это внедрение происходит на систематической основе, оно становится неотъемлемой стороной сущности развивающегося человека. В отличие от инстинктивно обусловленной преодолевающей активности животных, это уже не спорадическое использование случайных орудий труда, а целенаправленная систематическая подработка самих используемых орудий. В жизни становящегося человека систематически воспроизводятся ситуации биологической незначимости. Абиологичность связана с подработкой орудий и с необходимостью выводить становящегося человека за рамки инстинкта. Среди регулятивных функций инстинкта у животного, в сравнении с человеком, нет такой функции, которая бы принуждала его долгое время на систематической основе сосредоточиваться, к примеру, на изготовлении режущего края рубила или скребка путем скрупулезной работы по увеличению количества сколов («ретушь»). Преодоление биологической инстинктивной «зашоренности» и выход к сознанию в качестве регулятива предполагает дистанцию, взгляд на инстинкт «со стороны». А именно, - со стороны биологически нейтрального содержания мира, с которым становящийся человек себя идентифицирует. Из позиции биологической нейтральности для человека открывается просвет, который позволяет с равной степенью внимания замечать в окружающем мире и в себе то, что биологически значимо, и что биологически незначимо, нейтрально. Идентичность с биологически нейтральным содержанием мира – основа преодоления зависимости от биологического и начало социального бытия. Вся последующая история человечества связана с нарастанием значимости абиологического содержания и, соответственно, с нарастанием значимости идентичности человека с этим абиологическим содержанием. Две других стороны элементарной социальной связи (взаимозависимость в стаде и высшая нервная деятельность предлюдей) позволяют закрепить преодоление инстинкта и возникающую открытость человека миру. Активный момент «начала» в форме преодоления

превращает сцепление предпосылок в соответствующие условия, создавая «просвет» в ранее сплошном горизонте инстинктивной жизни человека. Как отмечалось, в сферу внимания становящегося человека попадает не только биологически значимое, но и биологически незначимое, то есть в принципе в сферу внимания человека попадает в перспективе весь мир, состоящий из живого и неживого. Инстинкт радикально преодолевается сознанием. Сознание – это *ничто* инстинкта. В ходе преодоления животной зависимости от инстинкта систематическое внимание к подработке биологически нейтрального орудия это и есть отождествление человеком себя с *ничто* инстинкта. Биологически нейтральное, искусственное, неживое стало историческим средством выхода предка человека из естественного состояния. Это форма первого преодоления, породившая человека.

Историю человечества можно представить как историю нарастания идентичности человека с неживым содержанием мира. Особенно явственно это обнаружилось при капитализме, когда при метаморфозе идентичности на место человека становится вещь, а на место вещи становится человек, когда отношения людей и их сознание овеществляются. Энергичная, силовая, живая сторона человеческой жизни попала в итоге, в ценностном мире человека, в предметную зависимость. Это, порой, зависимость системы ценностей от возведенного в идеал неживого предметного содержания. Например, - от денег, от всеобщего рыночного эквивалента. «Люди гибнут за металл». Назрело время отрицания отрицания, время второго преодоления. Для первого преодоления нужна была опора на биологически нейтральное, абиологическое, на «*ничто* живого». Эта опора позволила создать ситуацию «рефлексии над», выйти за доминирование инстинкта, взглянуть на него со стороны. Но теперь, при втором преодолении, при отрицании отрицания надо в известном смысле принципиально вернуть любовь к живому, идентичность с живым. Задача непростая, если понимать, что такие ценности, как деньги, собственность, капитал и прочее являются, порой, предметом сильнейшего вожделения, предметно захватывают энергичность человека и определяют качество этой захваченности, систему личностных ценностей. Первое преодоление, породившее человека, избавило его от доминирования инстинкта, но поставило в итоге в зависимость от ценностей, среди которых значительную роль играет неживое и идентичность с ним. Второе преодоление призвано через «ничтожение» ценностной предметности неживого обнаружить само ценностно образующее основание – энергичность любви как таковой. Первое преодоление базировалось на «*ничто* инстинкта», второе преодоление базируется на «*ничто* неживой предметности» и поворачивает глаза человека «зрачками внутрь», открывает в человеке доселе скрытое

содержание, энергичность любви как ценностно-образующее основание. Тем самым, человек осваивает все предметные уровни своего бытия.

Изначальность практики такого перехода от одной предметной идентичности человека к другой выражена в отношении “биологическое (живое) – абиологическое (неживое)”. Неизъяснимая, невыразимая фундаментальность этого отношения, ровесника человеческого вида, по всей видимости, и остается в образе человеческой мысли как основание социальных институтов погребальной обрядности и инициации. «В превращении каждого из составных элементов целого под воздействием уникальности объединения в «свое иное», в свою собственную противоположность – пишет В. И. Плотников, – скрывается «тайна» и механизм возникновения всякой новой генетической связи, амбивалентность и неуловимость ее субстанционального бытия» [24,134].

Концентрация внимания на скачке от одной биологически заданной предметной определенности, от заданного хода жизненных процессов и моделей ведет к другой - качественно иной предметной определенности. Новая предметная определенность – это абиологический материал, подработанные орудия труда. Этот переход от живого к неживому несет с собой не только изменение возможностей самоосуществления, но и изменение видовых характеристик человека. В параллельно зарождающемся языке начинает вычленяться общее содержание орудийной деятельности. Вне зависимости от того, что образ жизни гоминид почти не отличался от образа жизни других антропоидов, это была заря новой жизни: «Сознание необходимости вступить в сношения с окружающими индивидами, является началом осознания того, что человек вообще живет в обществе. Начало это носит столь же животный характер, как и сама общественная жизнь на этой ступени; это чисто стадное сознание, и человек отличается здесь от барана лишь тем, что сознание заменяет ему инстинкт, или же, — что его инстинкт осознан» [14, 30].

Итак, человек открывается миру. Однако, впоследствии, в условиях развивающейся цивилизации, абиологическое в значительной степени заслоняет горизонт биологически обусловленного внимания человека. Это «вклинивание» имеет небиологическую природу, оно выбивает человека становящегося из привычного образа инстинктивной жизни. Такова природа первого Преодоления, влекущего за собой зацепление внимания на небиологическую, нечеловеческую, орудийную составляющую. Происходит систематически целенаправленное преодоление инстинкта с опорой на антропосоциогенез, сравнимое с «возведением плотины» (Ф. Энгельс).

Преодоление зависимости от собственной биологической природы дает свободу. В этом длительном, тяжелейшем процессе «задерживания вожделения» (Ф. Энгельс) разворачивается механизм зарождения ценностей, возникновения идеалов и развития культуры. Однако,

постепенно абиологическое, вклинившееся в биологическую природу человека начинает играть в его жизни все большую роль. Постепенно возникает идентичность человеческого «Я» с абиологическим. Иными словами, можно сказать, что само возникновение человека связано с абиологическим и подразумевает «захваченность» им. Это обуславливает развитие общественного производства. Маркс указывает на то, что добуржуазная история и каждая ее фаза имеют как экономику, так и экономическую основу своего движения, а жизнь людей покоилась на того или иного рода общественном производстве, отношения которого обычно и называются экономическими отношениями. Зарождающийся труд был непосредственным актом превращения биологического в социальное, труда абстрактного в труд конкретный, создающий потребительные стоимости. Всякий труд, как указывает К. Маркс, есть, с одной стороны, абстрактный труд, представляющий собой одинаковое для всех «производительное расходование человеческого мозга, мускулатуры, нервов, рук и т. д.» [14,30]. С другой стороны, всякий труд есть расходование человеческой рабочей силы в особой целесообразной форме, и в этом качестве конкретного полезного труда он создает потребительные стоимости [15,141]. Сообразно этому процессу создания потребительных ценностей в культуре постепенно нарастает доминирование абиологического, неживого, это оканчивается апофеозом капиталистического рынка, так называемой «игрой идентичности», когда на место человека заступает вещь, на место вещи – человек (К. Маркс). Более того, человек не только превращается в вещь, обесценивается весь его мир: «В прямом соответствии с ростом стоимости мира вещей растет обесценение человеческого мира. ...осуществление труда, это его претворение в действительность выступает как выключение рабочего из действительности, опредмечивание выступает как утрата предмета и закабаление предметом, освоение предмета – как отчуждение, как самоотчуждение» [18, 560-561]. Процесс отчуждения человеческого труда, идущий рука об руку с индустриализацией цивилизации, в апогее своего развития, к середине XX века порождает глобальные проблемы человечества, которые прежде развивались лишь как локальные и региональные.

Глобальные проблемы представляют собой совокупность проблем человечества, от решения которых зависит социальный прогресс и сохранение цивилизации: предотвращение угрозы мировой термоядерной войны, катастрофического загрязнения окружающей среды, преодоление нарастающего экономического разрыва между развитыми и развивающимися странами, проблема обеспечения человечества ресурсами и другие. XXI век, только что начавшись, уже успел добавить в эту ужасную копилку проблемы международного терроризма, продолжающееся распространение наркомании и СПИДа. Эта

отрицательная динамика свидетельствует о возможном неблагоприятном будущем человечества [23,437]. Интересна генерализация нравственного аспекта глобальных проблем, проведенная С. Нижниковым. Обобщив все известное о глобальных проблемах современности, он сводит их к трем основным опасностям: возможности уничтожения человечества в мировой термоядерной войне; возможности всемирной экологической катастрофы; наличию духовно-нравственного кризиса человечества. Первые две проблемы связаны с насилием человека над человеком и с насилием человека над природой. Ну как тут не вспомнить пророческие слова К. Маркса: «Отчужденный труд человека, отчуждая от него 1) природу, 2) его самого, его собственную деятельную функцию, его жизнедеятельность, тем самым отчуждает от человека род: он превращает для человека родовую жизнь в средство поддержания индивидуальной жизни» [18,565]. Придется вернуться к рассуждениям С. Нижникова, который пишет: «Интересно то, что при решении третьей проблемы первые две решаемы почти автоматически» [23,438]. Да, действительно, может ли культурный, духовно и нравственно развитый человек промышлять насилием по отношению к другому человеку и к природе? Нет. Но «Решить третью глобальную проблему, которая, по сути, является первой, наиболее трудно. Это невозможно сделать механическим путем, как можно было бы поступить с двумя первыми. Ее решение связано с воспитанием и формированием духовно-нравственной личности» [23,438.]. Это возможно в пределах личности, даже в пределах отдельной социальной группы, но как быть с человечеством? Тем человечеством, которое уже совершило однажды прорыв самопреодоления, встав на путь целенаправленной трудовой деятельности на путях современной цивилизации. Сложность, о которой свидетельствует морально-нравственный аспект глобальных проблем, описал К. Маркс. Это отчуждение, при котором «сама жизнь оказывается лишь средством к жизни» [18,565]. По мысли Маркса, животное непосредственно тождественно со своей жизнедеятельностью, оно и есть эта жизнедеятельность. Человек призван делать свою жизнедеятельность предметом своей воли и своего сознания, то есть его жизнедеятельность – сознательная. Она и отличает человека от животной жизнедеятельности». Отчужденный труд переворачивает это отношение таким образом, что человек превращает свою жизнедеятельность, свою сущность только лишь в средство для поддержания своего существования» [18,565]. Но человек должен иметь иной вектор развития: «Богатый человек и богатая человеческая потребность—это в то же время человек, нуждающийся во всей полноте человеческих проявлений жизни, человек, в котором его собственное осуществление выступает как внутренняя необходимость как нужда» [18, 596].

Теперь, как никогда, явственно видна потребность преодоления горизонтов сознания, фокусирующего внимание на абиологическое. Иными словами, отчетливо возникает проблема второго преодоления, проблема отрицания отрицания. Теперь необходим не просто поворот, но прорыв к восстановлению значимости живого, при сохранении достигнутых и необходимых результатов цивилизации. Подобно тому, как систематичность биологически нейтрального (систематическая подработка орудий) вывела, становящееся сознание за рамки биологической зависимости, новое преодоление требует такой систематической предметности, которая вывела бы человека за рамки вещной зависимости, за рамки зависимости от абиологического, неживого. Общеизвестна мысль К. Маркса о том, что культура, если она развивается стихийно, а не направляется сознательно, оставляет после себя пустыню [19, 45]. Актуальность этой мысли более чем очевидна сегодня, когда мы каждый день молчаливо соглашаемся с тем, что человек остается отчужденным, а человечество стоит на грани самоуничтожения.

Быть может, эта имманентная для человечества причина приведет его когда-нибудь к «точке Омега» (Т. де Шарден) когда соотношение биологического и социального обретут в нашем сознании особое место, назначение и сущность наиболее глубокого порядка. И тогда, вполне возможно, мы «вправе будем говорить о ноосфере, о космическом будущем человечества, о наивысшем смысле человеческого существования [24, 187]. Марксизм имеет огромный потенциал, и российское общество не понаслышке испытало как последствия догматизации этого учения, так и все сильные конструктивные диалектические и практически-преобразующие стороны этого творческого учения. В этом смысле полезно прислушаться к самому Карлу Марксу, который предлагает нашему вниманию вовсе не догму, а творческое преодолевающее-активное движение человека: «Коммунизм есть положительное утверждение, как отрицание отрицания, и потому он является действительным, для ближайшего этапа исторического развития необходимым моментом человеческой эмансипации и обратного отвоения человека. Коммунизм есть необходимая форма и энергетический принцип ближайшего будущего. Но коммунизм как таковой не есть цель человеческого развития, не есть форма человеческого общества» [18, 598.]. Взгляд с этих позиций на «человека преодолевающего» выявляет крайнюю востребованность формирования культуры преодоления, которая позволит расширить границы человеческого бытия с учетом современного творческого прочтения наследия великого мыслителя.

VI. Перспективы пролиферации метафизики преодоления

Таким образом, в качестве вывода, еще раз озвучим несколько основных тезисов, развивавшихся в данной статье. Дальнейшая

пролиферация метафизики Преодоления позволяет пристальнее взглянуть на основу возвратной онтологии, которая маркируется естественными символами смерти-рождения, обозначающими циклический переход биологического (живого) в абиологическое (неживое) и обратно. Предметно-энергийный [21] подход к прочтению этой символики уводит нас к биосоциальным основаниям возвратных онтологий.

Дальнейшее направление мысли задает Аристотель [1, 348], согласно которому единичное бытие для познания есть сочетание “формы” и “материи”. В онтологическом отношении “форма” - это сущность предмета, а в гносеологическом отношении - это понятие о предмете. Постигание непреходящего бытия всегда выступает как познание “формы”, как энергийно насыщенный образ предмета в сознании. Энергийная составляющая развивает учение Аристотеля о движущей причине, но может быть трактована как деятельность человека, который переводит форму вещи в форму действия, а затем в форму мысли. Таким образом, мы имеем метаморфоз формы по трем пунктам ее бытия: форма в вещи, форма в действии и форма в мысли. Этот тезис приобретает особую актуальность в связи с проблемой преодоления.

Видовое становление человека предполагает, что горизонт внимания, при переходе от предчеловека к человеку первоначально был сужен биологически значимым, а небиологическое содержание окружающего мира выпадает из поля внимания. В механизме ориентации предчеловека господствует инстинкт. Радикальное преодоление этого господства В.И. Плотников связывает с вклиниванием (внедрением) абиологического (небиологического, неживого) содержания в жизнь предчеловека [24,143]. Внедрение происходит на систематической основе и становится неотъемлемой стороной жизни становящегося человека. Это уже не спорадическое использование случайных орудий труда, а целенаправленная систематическая подработка абиологического (материального) орудия. В силу своей систематической небиологичности такая деятельность выводит человека за рамки инстинкта. Тем самым мы выходим на категорию «начала», содержащего в себе элемент преодоления, реализуемый, возможно, под воздействием мощнейшего объективного вызова. «Непосредственные предпосылки по отношению к результату возникновения нового выступают в форме превращения, т. е. в виде самого процесса становления новой формы, нового типа структурного сцепления,» – пишет В. И. Плотников [24,103]. Именно активный момент “начала” в форме преодоления превращает сцепление предпосылок в соответствующие условия, создавая «просвет» в ранее сплошном горизонте инстинктивной жизни человека. В сферу внимания становящегося человека попадает не только биологически значимое, но и биологически незначимое. Человек открывается миру, но впоследствии, постепенно, в условиях развивающейся цивилизации, биологически

нейтральное (абиологическое, неживое) в значительной степени заслоняет горизонт внимания человека. Возникает концентрация внимания на скачке от одной предметной определенности в виде биологической программы, от заданного хода жизненных процессов и поведенческих моделей к другой, к качественно иной предметной определенности. Новая предметная определенность – это абиологический (неживой) материал, подработанные орудия труда. Этот переход от живого к неживому несет с собой не только изменение возможностей самоосуществления, но и изменение видовых характеристик человека. Изначальность практики перехода от одной предметной идентичности человека к другой выражена в отношении «биологическое (живое) – абиологическое (неживое)». Неизъяснимая, невыразимая фундаментальность этого отношения, ровесника человеческого вида, по всей видимости, и остается в образе человеческой мысли как основание социальных институтов погребальной обрядности и инициации. «Таинство» момента, процесса осуществления такого фундаментального скачка, по всей видимости, и отражается в архаических моделях, которые аналоговое мышление заимствует из природы. Яркий образец такой модели представлен доктриной имманентного (перманентного) воскресения, которая сосредоточивает архаическое внимание на точке разрыва онтологического цикла. На этой вечно изначальной точке, когда однажды отжившее и умершее, ставшее неживым прекращает свое движение и вдруг начинает двигаться в ином, противоположном направлении. Точки разрыва онтологического цикла представлены в древних культурах обрядами перехода, погребения, инициатическими практиками и праздниками почитания дней зимнего и летнего солнцестояния.

Это «вклинивание» имеет небиологическую природу, оно выбивает человека становящегося из привычного образа инстинктивной жизни. Такова природа первого Преодоления, влекущего за собой зацепление внимания на небиологическую, нечеловеческую, орудийную составляющую. Происходит систематически целенаправленное преодоление инстинкта с опорой на антропосоциогенез, сравнимое с «возведением плотины» (Ф. Энгельс).

Преодоление зависимости от собственной биологической природы дает свободу. В этом длительном, тяжелейшем процессе «задерживания вожделения» (Ф. Энгельс) видится механизм зарождения ценностей, возникновения идеалов и развития культуры. Однако, постепенно абиологическое, неживое, вклинившееся в биологическую природу человека начинает играть в его жизни все большую роль. Постепенно возникает идентичность человеческого «Я» с неживым. Иными словами, можно сказать, что само возникновение человека связано с абиологическим, неживым, и подразумевает “захваченность” им.

В культуре постепенно нарастает доминирование абиологического, неживого, это оканчивается апофеозом капиталистического рынка, так называемой «игрой идентичности» когда на место человека заступает вещь, на место вещи – человек (К. Маркс). Теперь, как никогда, явственно возникает потребность преодоления горизонтов сознания, фокусирующего внимание на неживое, абиологическое.

Возникает проблема Второго преодоления, проблема отрицания отрицания. Теперь уже нужен поворот к восстановлению значимости живого, при сохранении достигнутых и необходимых результатов цивилизации. Подобно тому, как систематичность биологически нейтрального (систематическая подработка орудий) вывела, наконец, становящееся сознание за рамки биологической зависимости, новое преодоление требует такой систематической предметности, которая вывела бы человека за рамки вещной зависимости, за рамки зависимости от абиологического, неживого. По нашему мнению, это может быть только предметность «ничтожной» философской мысли [22,41]. Эта «нетость», в терминологии Мартина Хайдеггера, ставит человека на границу живого и неживого и позволяет, на основе философского дистанцирования от обеих сторон, организовать их разумное сочетание. Второе Преодоление можно рассматривать как спасительность на фоне философской любящей мысли, инициирующей возвращение духа в мир.

Взгляд с этих позиций на «человека преодолевающего» выявляет крайнюю востребованность дальнейшего осмысления сущности феномена преодоления, культурного механизма и значимости этого принципа, а так же закрепления этих положений в понятии культуры преодоления.

Список литературы

1. Аристотель. Метафизика [Текст] : соч. : в 4 т. Т. 1 / Аристотель; ред. В. Ф. Асмус. — М. : Мысль, 1976. — 550 с.
2. Бейтсон, Г. Экология разума. Избранные статьи по антропологии, психиатрии и эпистемологии [Текст] / Г. Бейтсон ; пер. Д. Я. Федотова, М. П. Папуша. — М. : Смысл, 2000. — 476 с.
3. Борко, Т. И. Картина мира в культурах с шаманским мировоззрением [Текст]: автореф. дис. ... канд. филос. наук. / Т. И. Борко. — Тюмень, 1999. — 24 с.
4. Вишев, И. В. На пути к практическому бессмертию [Текст] / И. В. Вишев. — М. : МЗ-Пресс, 2002. — 324 с.
5. Гелен, А., 1988. О систематике антропологии. В. сб: Проблема человека в западной философии. Москва. С.152 – 201.
6. Генон, Р. Кризис современного мира [Текст] / Р. Генон; пер. Н. Мелентьевой. — М. : Арктогея, 1991. — 160 с.

7. Древнеиндийская философия. Начальный период [Текст] / пер. с санскрита ; подготовка текстов, вступит. ст. и коммент. В. В. Бродова. — М.: Мысль, 1972. — 272 с.
8. Дугин, А. Г. Философия традиционализма [Текст] / А. Г. Дугин. — М. : Арктогея-Центр, 2002. — 624 с.
9. Дугин, А. Г. Эволюция парадигмальных оснований науки [Текст] / А. Г. Дугин. — М. : Арктогея-Центр, 2002. — 418 с.
10. Исаев, С. А. Теология смерти [Текст] / С. А. Исаев. — М. : Политиздат, 1991. — 236 с.
11. Ковальчук Н.Д., 2010. Антропологический кризис: пути выхода из него. Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Том 23 (62). №1. С. 50-53.
12. Конец Света. Эсхатология и традиция [Текст] : сб. — М. : Арктогея-Центр, 1997. — 408 с.
13. Косарев, М. Ф. Основы языческого миропонимания [Текст] / М. Ф. Косарев. — М. : Ладога-100, 2003. — 352 с.
14. Маркс, К. Капитал. Критика политической экономии. Первый том. Книга I: Процесс производства капитала // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 23, М.: Издательство политической литературы, 1960. — 920 с.
15. Маркс, К. Капитал. Критика политической экономии. Том второй. Книга II: Процесс обращения капитала. Глава пятая. Время обращения// К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 24. М.: Издательство политической литературы, 1961. — 648 с.
16. Маркс, К. Капитал. Критика политической экономии. Третий том. Книга III: Процесс капиталистического производства, взятый в целом. Часть вторая (главы XXIX—LII) // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 25, часть II. М.: Издательство политической литературы, 1962. — 558 с.
17. Маркс, К. Подготовительные работы для «Святого семейства» [Из рукописного наследия К. Маркса и Ф. Энгельса] 3. [Как нам быть с гегелевской диалектикой?] // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, 1 изд., т.3, Государственное издательство. Москва, Ленинград. 1929. — 708 с.
18. Маркс, К. Философско-экономические рукописи 1844 года // К. Маркс, Ф. Энгельс. Из ранних произведений. М.: Государственное издательство политической литературы, 1956. — 699 с.
19. Маркс, К., Энгельс, Ф. Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса (январь 1868 г. - середина июля 1870). 1868: Маркс Энгельсу, 25 марта. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, 2 изд., т.32. М.: Издательство политической литературы, 1964. — 847 с.
20. Маркс, К., Энгельс, Ф. Статьи из «Neue Rheinische Zeitung». 1849, Апрель. Наемный труд и капитал. III // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, 2 изд., т.6. М.: Издательство политической литературы, 1957. — 800 с.

21. Невелев, А. Б. Предметность и энергийность бытия [Текст] / А. Б. Невелев // Бытие человека: Проблема единства в многообразии современного мира : материалы междунар. науч. конф. — Челябинск, 2012. — 260 с. — С. 9–17.
22. Невелев, А. Б. Предметно-энергийный метод [Текст] / А. Б. Невелев // Философия. Толерантность. Глобализация. Восток и Запад — диалог мировоззрений : тез. докл. VII Рос. филос. конгресса (г. Уфа, 6–10 окт. 2015 г.) : в 3 т. — Уфа : РИЦ БашГУ, 2015. — Т. I. — С. 41.
23. Нижников, С. А.. Философия: Учебник. Москва: ИНФРА-М., 2014. — 461 с.
24. Плотников, В. И. Социально-биологическая проблема [Текст] / В. И. Плотников. — Свердловск : УрГУ, 1975. — 181 с.
25. Погребальный обряд. Реконструкция и интерпретация древних идеологических представлений [Текст] : сб. ст. — М. : Вост. лит. РАН, 1999. — 248 с.
26. Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии). Санкт-Петербург: Алетейя, 2007. — 714 с.
27. Фейерабенд, П. Избранные труды по методологии науки [Текст] / П. Фейерабенд. — М.: Прогресс, 1986. — 542 с.
28. Элиаде, М. Священное и мирское [Текст] / М. Элиаде. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994. — 144 с.
29. Энгельс, Ф. Диалектика природы // К. Маркс, Ф. Энгельс Ф., Сочинения, 2 изд., т. 20, М.: Издательство политической литературы, 1961. — 858 с.
30. Энгельс, Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 21, М.: Издательство политической литературы, 1961 – 782 с.
31. Bergson H. 1959. L'Évolution créatrice(1907). Paris: Les Presses universitaires de France, 86e edition.
32. Deleuze, G. 1998. Le Pli. Leibniz et le baroque. Les Éditions de Minuit Paris.
33. Scheler M. 1928. Die Stellung des Menschen im Kosmos. Darmstadt: Otto Reichi Verlag.
34. Plessner H. 1928. Die Stufen des Organischen und der Mensch. Einleitling in die philosophische Anthropologie. Berlin und Leipzig- Walter dc Gruyter & Co.

© Мацына А. И., 2019.

TECHNOLOGY INTELLIGENCE IN PRACTICE: A MODERN APPROACH

A systematic literature review of empirical studies and agenda for further research

Akhatjon Nasullaev

Bukhara State Medical Institute, Bukhara, Uzbekistan

Raffaella Manzini

LIUC-University of Carlo Cattaneo, Castellanza, Italy

Технологический интеллект на практике: современный подход

Ахатжон Насуллаев

Рафаэлла Манзини

Introduction

This paper presents a systematic literature review of empirical studies on Technology intelligence with an objective to identify main characteristics and trends of the literature on the implementation of Technology intelligence. To achieve this, we reviewed 138 documents systematically (following a scientifically robust methodology) in terms of research methodology, research context and content. Citation network analysis was adopted to generate thematic clusters. The presented investigation provides (i) an overview of the methodologies used in literature and the types of empirical studies (case studies, surveys, evolution investigations, interviews, experiments, etc.) as well as the related diffusion; (ii) a summary of the research content (topics, thematic areas) in the practice of Technology intelligence; (iii) a picture of the various contexts and levels in which the practice of Technology intelligence has been studied (industries, sectors, technologies, countries). The paper also draws some conclusions in terms of managerial implications and areas for future research.

While the strategic importance of understanding technological changes for the sake of successful business is burgeoning, the ability to analyze external environment, forecast current and future technology trends have never been significant as now. Hence, companies which keep abreast of the latest technological information tend to be more innovative and competitive (Kerr et al., 2006; Dang et al., 2010; Mortara et al., 2008; Yoon and Kim, 2012). This is even more substantial in the era of Open Innovation, as openness requires having information about the competitive context, the potential partners, the evolution of existing and emerging technologies, the risk of technological discontinuities and the needs of present and potential customers (Manzini et al., 2016). Smart organizations do not wait for change to happen but actively monitor and take advantage of changing environments and new innovations (Chesbrough, 2003). According to Reger (2001), in theory and practice there is a

considerable agreement about the importance of an accurate and early anticipation of future needs and technological developments/trends. Systematic technology management ensures the companies to anticipate the direction and impact of technological change, to react to technology-based threats and opportunities in timely manner and benefit from them (Utterback and Brown, 1972; Arman and Foden, 2010). Being one of the core processes of technology management, Technology Intelligence (TI) intends to identify promising niches of technologies. In addition to this, as defined by Kerr et al. (2006), TI aims to capture and delivery of technological information as part of the process whereby an organization develops an awareness of technology threats and opportunities. But this is not the only purpose of TI. Companies also do TI to better understand the social and cultural context where the technology is meant to be applied, to generate new ideas, to open the company to outside world and find strategic partners and so on (Maya, 2015). In the growing body of the literature one can find various terms to define the activity of analyzing and evaluating technological information, such as *TI* (Brockhoff, 1991; Ashton and Klavans, 1997; Norling et al., 2000; Lichtenthaler, 2003, Savioz et al., 2003; Porter, 2005; Kerr et al., 2006), *Technology forecasting* (Wissema, 1982; Prasad and Somasekhara, 1990; Tschirky, 1994; Du Preez and Pistorius, 1999; Savioz and Blum, 2002; Daim et al., 2006; Robinson et al., 2013), *Technology monitoring* (Nosella et al., 2008; Lee et al., 2011), *Technology scouting* (Wolff, 1992; Rohrbeck, 2010) and so on. The term of TI is widely diffused and generally accepted in the current literature; therefore in this paper we refer to it.

The concept of TI has existed for more than four decades. Already from 1970's several authors called for a more systematic observation of technological trends (Lichtenthaler, 2004). With the emergence of recent developments in science and technology, interest in TI was revitalized. Although the essence and role of the TI is very well recognized and realized by managers, more and more companies are failing in their strategies while implementing this powerful tool (Iansiti, 2000; Lichtenthaler, 2003). The first and foremost reason of this failure is, companies lack systematic methodology of organization of TI, as in most companies it tend to be carried out haphazardly and spontaneously (Lichtenthaler, 2007; Ranjbar and Tavakoli, 2015). Furthermore, operationalization of TI requires resources, competences and capabilities of what not all companies may possess, especially small and newly established firms. For instance, Mortara (2015) highlighted communication incompetence of decision-makers and intelligence analysts as one of the obstacles of TI. What is more, traditional TI, monitoring and scanning processes in companies are largely arbitrary and dependent on the informal information (Arman and Foden, 2010). This entire puts in force the necessity of formal practical investigations that would serve as a guideline for managers.

Hitherto a lot of studies have been carried out on various aspects of TI and one can follow a growing interest in this area of research. For instance, a search

engine Scopus gives 1457 publications obtained from a combination of several keywords relevant to the TI concept. But very limited work (138 articles respectively) has been dedicated to the empirical study of TI. Furthermore, to our best of knowledge any large-scale systematic review of empirical evidence has not been conducted so far in this research domain. This paper tries to fill that gap. By pursuing a systematic literature review of practice of TI, current study aims to identify main characteristics and trends of the literature on the implementation of TI. This investigation will enhance our understanding of TI in practice by answering two research questions:

1. What are the main characteristics and trends of literature on the implementation of TI and what research gaps can be identified from them?
2. How do these empirical studies can be utilized by managers and practitioners towards successful implementation of TI in companies?

Particularly, the present study provides the following findings: (i) an overview of the methodology used in available literature and the types of empirical studies (case studies, surveys, evolution investigations, interviews, experiments, etc.) as well as the related diffusion; (ii) a summary of the research content (topics, thematic areas) in the practice of TI; (iii) a picture of the various contexts and levels in which the practice of TI has been studied (industries, sectors, technologies, countries). The paper also draws some conclusions in terms of managerial implications and areas for future research.

This paper begins by explaining the methodology. It will then go on to the findings of the analysis by presenting the general characteristics of the considered literature, the research design, context and content. The last part of the paper discusses the major findings and proposes an agenda for future research.

Methodology

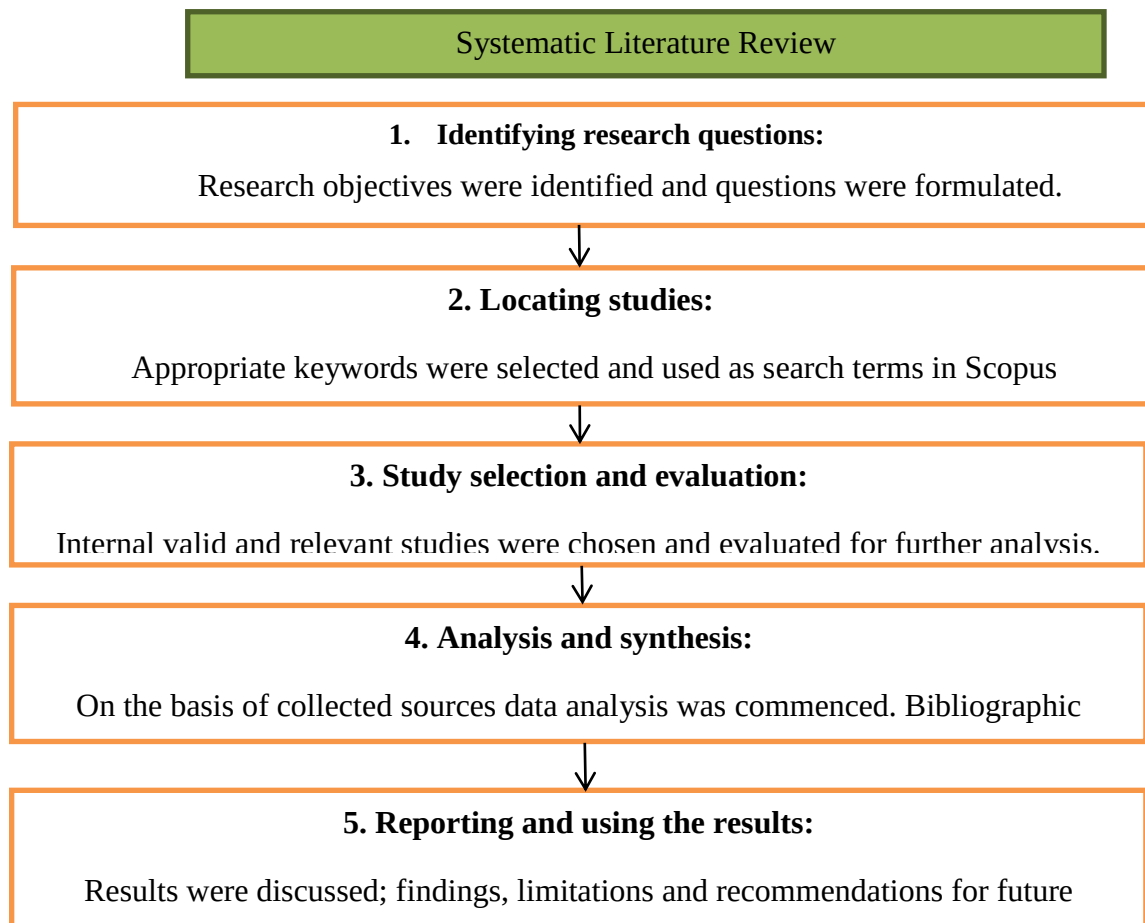
This study adopts systematic literature review proposed by Denyer and Tranfield (2009) because of its “transparency, inclusivity, explanatory and heuristic nature”. Indeed, according to the authors, this type of review is well suited for management and organizational studies. Current paper follows the guidelines recommended by the authors and the Figure 1 describes the proposed steps of systematic literature review.

Question formulation

This study sets out to investigate the concept of TI from empirical point of view. As it was stated in the introduction part the practical nature of TI remains unclear in contemporary literature and this paper purposes to mitigate this gap. On the first stage of systematic literature review we identified research objectives through outlining the protocol of the study based on the theoretical background of the investigated topic. Then research questions were formulated

and tested using Denyer and Tranfield's (2008) CIMO (Context, Intervention, Mechanism and Outcome) logic for validity and preciseness.

Figure 1

Locating the studies

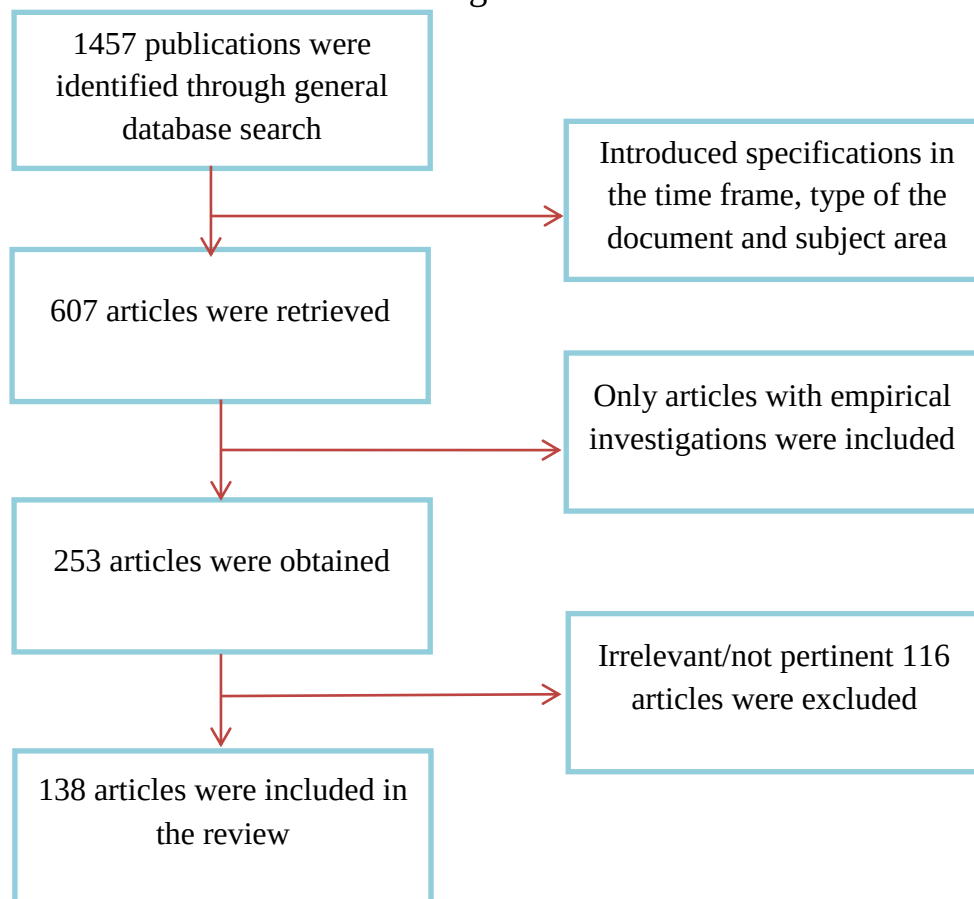
On the next stage we identified appropriate keywords for bibliometric search in Scopus database, the largest source of high-quality publications. As the term "Technology Intelligence" has different synonyms in the literature, such as "Technology foresight", "Technology scouting", "Technology scanning", "Technology forecasting", "Technology monitoring", all of them were included in search query. The search in the database was conducted in late March of 2017. At first the database provided 1457 publications which have aforementioned terms their title, abstract and/or keywords. Then we decided to introduce some specifications and restrictions in our search query. For instance, we aimed to search only peer-reviewed journal articles as they are usually considered as the most reliable sources. We restricted the timeframe to published articles from 1987 to onwards in order to see a 40 year trend. Moreover, articles only in business; management, accounting and economics; engineering; economics, econometrics and finance; social sciences and decision-sciences subject areas were included to avoid irrelevant results. As an outcome we retrieved 607 documents from the database. Since our primary concern was

to analyze the literature with empirical investigations in TI, we refined our search query and introduced terms such as “empirical”, “survey”, “case-study”, “practice” and “quantitative” to be appeared within the fields of title, abstract or/and keywords. The search result gave us 253 documents and they were considered for further analysis.

Study selection and evaluation

Selected 253 articles were assessed according to following criteria: (i) if the paper treat TI or concept close to this area as a major source; (ii) if the paper includes an empirical investigation. For fulfilling these criteria we screened the abstracts of the papers. In cases where the abstracts were very restricted, difficult to understand or too ambiguous we referred to the entire articles. Finally 138 articles were chosen as “key studies” to be investigated in-depth in this systematic literature review. Figure 2 describes second and third steps in the form of flowchart:

Figure 2

Analysis and synthesis

The selected literature was analyzed in following steps. Initially, we provided general overview of the articles by their publication journals, geography and trend. Then we went on with synthesis of research design (methodology) of papers by grouping them according to categorization schema of Orlikowski and

Baroudi (1991) of conceptual and empirical literature. Meanwhile, findings in terms of level of analysis and number of cases studied in the literature were provided in this step. Afterwards we explored the research context by identifying the countries where the data was collected and technology or industries on what the studies were focused. We applied non-statistical methods to track all of these aforementioned steps. Then in order to investigate the research content we applied citation network analysis using software Pajek. Louvain method of community detection retrieved six clusters and each of them was analyzed in-depth. In order to identify the dynamic perspective and to investigate the key studies thoroughly we conducted a main path analysis.

Reporting and using results

The final stage of the literature review provides discussion of the main results. Then we outline academic and managerial implications of the study and limitations. We conclude the study with the agenda for future research.

Results

General characteristics of the included studies

As we have mentioned in the methodology part, this systematic literature review is based on 138 articles. The papers come from different sources, mainly from leading and most influential academic journals of investigated area. Most of the articles are published in journals, such as Technological Forecasting and Social Change (31 occurrences), International Journal of Technology Intelligence and Planning (10), International Journal of Foresight and Innovation Policy (9), Technology Analysis and Strategic Management (7), Foresight (6), R and D Management (5), Expert Systems with Applications (4), Futures (4), International Journal of Technology Management (4) and etc. The table below illustrates top journals with more than two papers:

Table 1

Journals	Number of Occurrences
Technological Forecasting and Social Change	31
International Journal of Technology Intelligence and Planning	10
International Journal of Foresight and Innovation Policy	9
Technology Analysis and Strategic Management	7
Foresight	6
R and D Management	5
Expert Systems with Applications	4
Futures	4

International Journal of Technology Management	4
Journal of Intellectual Property Rights	3
Technovation	3

The reviewed studies clearly indicate that last two decades have seen growing trend towards this strand of research and a considerable amount of literature has grown up around the theme of TI during this years. If 1-5 articles have been published every year before 2000, 10-15 papers have been issued after 2000:

Figure 3

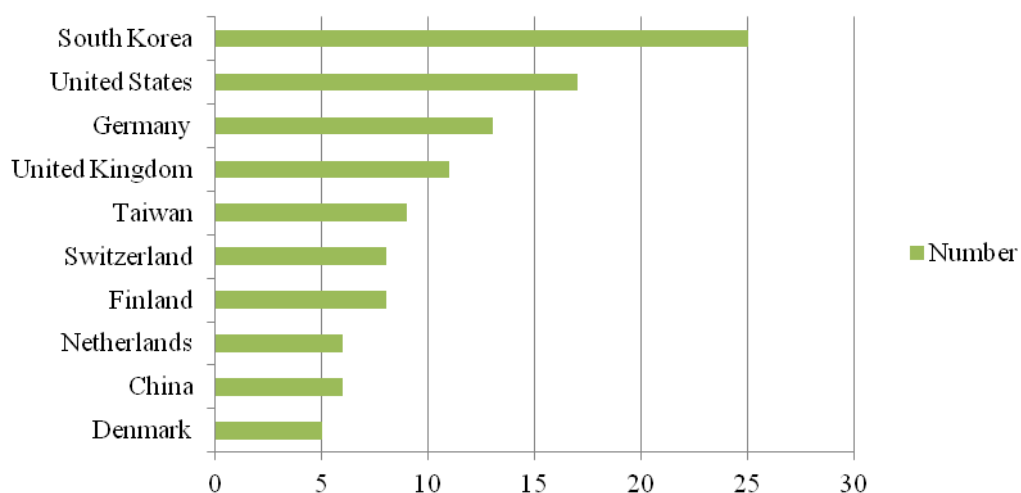
Distribution of articles per year

It is worth noting that geographical spread of these papers is also diverse. Our literature includes contributions of authors from 25 different countries. Interestingly, authors from South Korea, United States, Germany, United Kingdom and Taiwan constituted largest part of our sample. Distribution of authors by their countries can be better understood from the figure below:

Figure 4

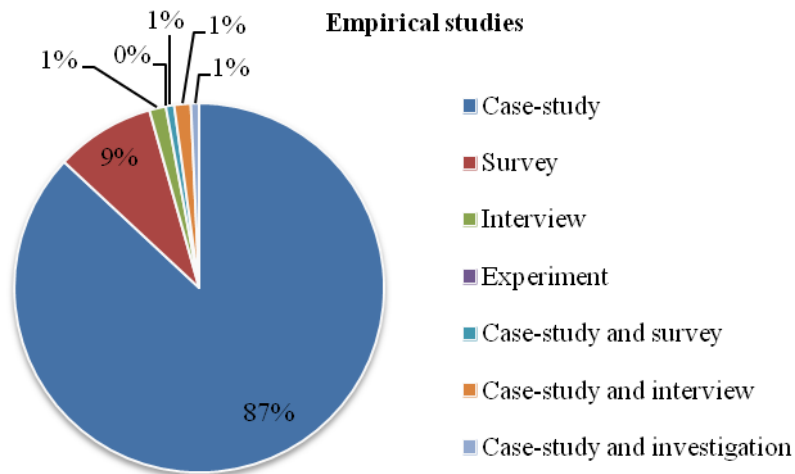
Distribution of authors by countries

Research methodologies adopted in the literature

In order to identify research design exploited in papers we followed a categorization schema of conceptual and empirical research proposed by Orlikowski and Baroudi (1991). According to this study, empirical research refers to (a) surveys, (b) interviews, (c) case studies, (d) experiments or (e) diffusion of one of these methods. 138 papers were grouped in terms of this categorization, and the analysis revealed the following results. Case-studies appeared to be the most frequently used method for empirical study of TI (120 occurrences). Respectively, surveys were conducted in 12 cases, interviews in 2 cases. The review didn't detect any experiment in the sample. Moreover, the mixed method approach was retrieved in following three forms: case-study and interview (2 occurrences), case-study and survey (1 occurrence), case-study and investigation (1 occurrence). The figure below summarizes reviewed empirical literature on TI by research design briefly:

Figure 5

The study has found out that, most of the published empirical studies are with exploratory and explanatory nature. Our thorough analysis led us to assume that greater part of the papers used single type of case studies (89 articles, 72%). 35 articles (28%) respectively chose multiple contexts to be investigated. In terms of level of analysis, country level was employed frequently in the studies than firm level.

Research contexts investigated in the literature

Our findings on research context are built on two characteristics of the papers: the country where the data come from and the technology or industry on what the empirical studies are grounded. With respect to the country, it was found that most of the articles were designed in the single-country case (49 papers, 86%). Other 8 papers (14%) collected data in more than one country or used cross-country comparison in their studies. Lin et al. (2013) collected data related to sustainable energy from strategic foresight reports of Japan, South Korea and

China, and used it as sources for future technology themes analysis. Lichtenthaler (2003; 2004a; 2004b; 2005; 2006) conducted his case-studies in European and North American multinational companies. Breiner et al. (1994) studied replication of Japanese Delphi survey in Germany in order to analyze possible differences and to understand the cultural influences on technology assessment. From our results, China, United Kingdom, Japan, South Korea and Germany emerged as top countries with higher number of empirical research dedicated followed by Turkey, Denmark, India and Russia. The Figure 6 sets out the distribution of articles by investigated countries.

Figure 6

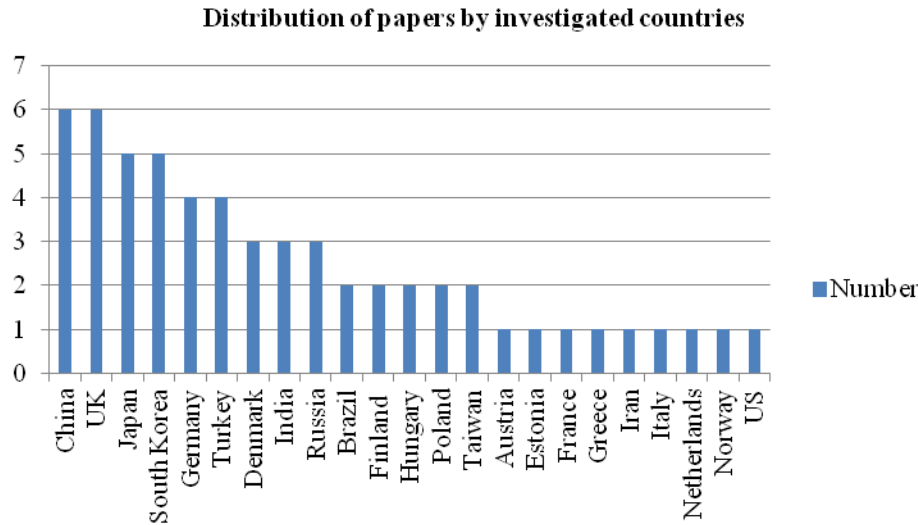
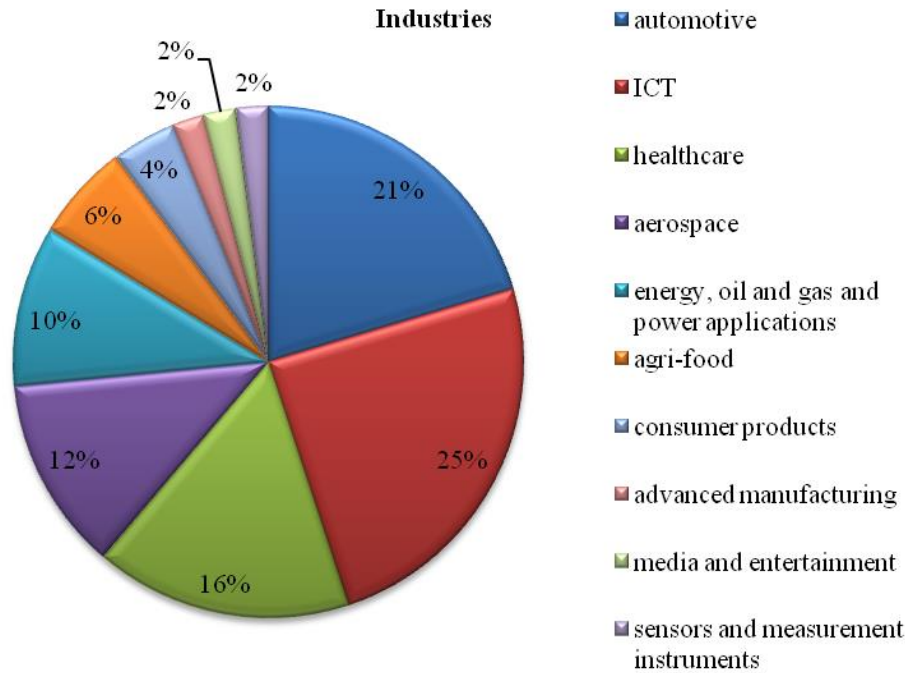
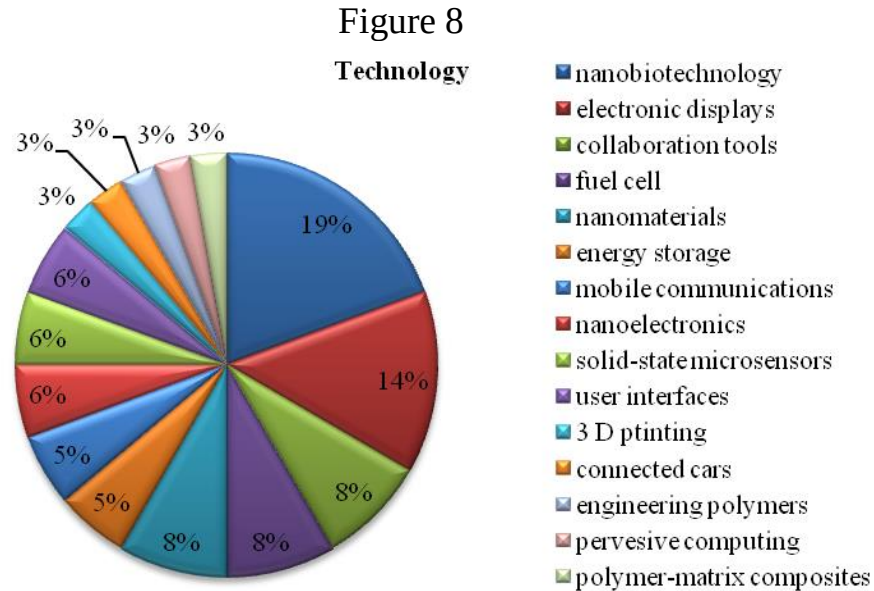

Figure 7

Concerning industries and technologies the results indicated that studies examined diverse sectors and type of technologies. In order to group them we

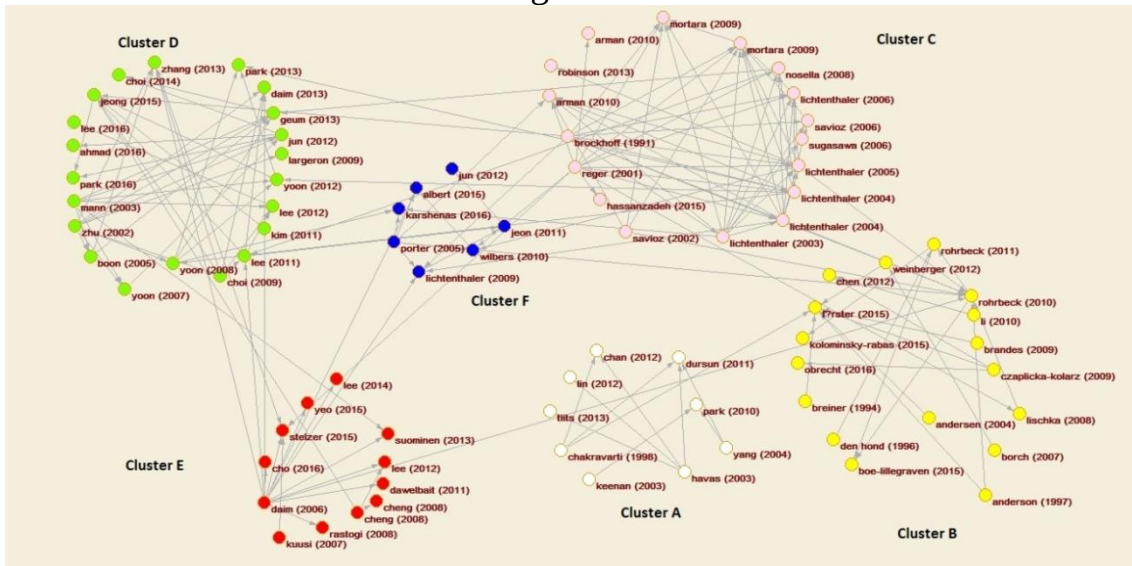
adopted general classification of World Economic Forum, OECD, Horizon 2020 – Societal challenges for industries and classification of Strategic Business Insights (SBI) Research Center for technologies. Results showed that automotive, ICT, healthcare and aerospace industries as well as nanobiotechnology, electronic displays, collaboration tools and fuel cell technologies were put into the most cases (Figure 7 and 8):

Research content investigated in the literature

As it was mentioned earlier, as a part of our systematic literature review we adopted citation network and main path analysis which is reckoned as a comprehensive and novel systematic method for analyzing the literature (Randhawa et al., 2014). Citation network analysis is a network which nodes are articles connected by links indicating citations among them (Strozzi and Colicchia, 2012). The flow of knowledge is represented by arrows that go from cited to citing paper. The primary objective of using citation and keyword network analysis was to observe the diffusion process of the empirical studies in TI and to identify the main streams of the research. One of the advantages of citation network analysis is to provide consolidated view of the thematic areas of papers by dividing them into clusters. As far as our main goal was to analyze the research content we applied this method to our study. We created a network of documents using software Pajek, one of the most used programs for the analysis and visualization of large networks. We found out that some of the papers are not citing other papers (isolated nodes), therefore we focused on the largest connected component with 83 articles. As a result, the following network illustrated in Figure 9 was retrieved.

Figure 10

The papers included in this cluster discuss predominantly the implementation of national foresight programs by governments for science and technology policy making, long-term planning and decision-making. Some papers highlight

the effect of national foresight programs on innovation systems and strategy (Chan and Daim, 2012), priorities of key emerging technology developments (Chakravarti et al., 1998; Keenan, 2003; Yang et al., 2004; Park and Son, 2010) and post-evaluation of technology foresight policies (Dursun et al., 2011). Havas (2003), Tiits and Kalvet (2013) by introducing recent foresight experience of Hungary and Estonia, propose a model for transition, small and catching-up economies. Particularly, Lin et al. (2012) deal with adaptive foresight modular design in the example of Taiwan which may serve as a reference in national technology foresight planning for developing countries with limited resources.

Cluster B: Technology forecasting at firm level

Another significant part of our literature brings into evidence forecasting development paths and trajectories of some technologies and industries, as well as the process of monitoring their evaluation speed, readiness, performance and maturity in the organizational level. The papers which fall under this categorization may provide some valuable insights in terms of technology, area where the technology has been applied and the method how to identify such kind of technologies in practice. For instance, Andersen et al. (2004) investigate future attractiveness of six types of sensor categories. Förster (2015) highlights the role of technology foresight to identify the technologies and processes, which might be relevant for sustainable production in the German automotive industry in the future. Lischka and Gemünden (2008) in the case of Siemens AG emphasize the necessity of holistic methodical support of technology management that could focus on early activities like technology foresight and strategy development as well as controlling of individual projects until their full impact in the company's profitability. They propose technology roadmapping approach that aims to mitigate existing risks and barriers and test it in a manufacturing business unit for Gas Turbine Parts.

Cluster C + Cluster F: implementation of TI in practice

There always has been a spirited debate on organization of TI process in companies. Accordingly, during this systematic literature review it was found that, considerable number of our investigated studies concentrate on the quest how the process of TI is implemented, maintained and how it operates. We discovered that the considered literature comprises two clusters which share similar topics and issues: cluster C with a rather general perspective, cluster F by focusing on specific methods or contexts of application. Therefore, we presented them as one cluster.

As TI is concerned about acquisition, assessment and proliferation of technology-related information, it is necessary to understand how this activity is carried out by companies in practice. In their two works Arman and Foden (2010), Arman et al. (2010) describe ontology-based knowledge management framework structure and application within technology-driven manufacturing

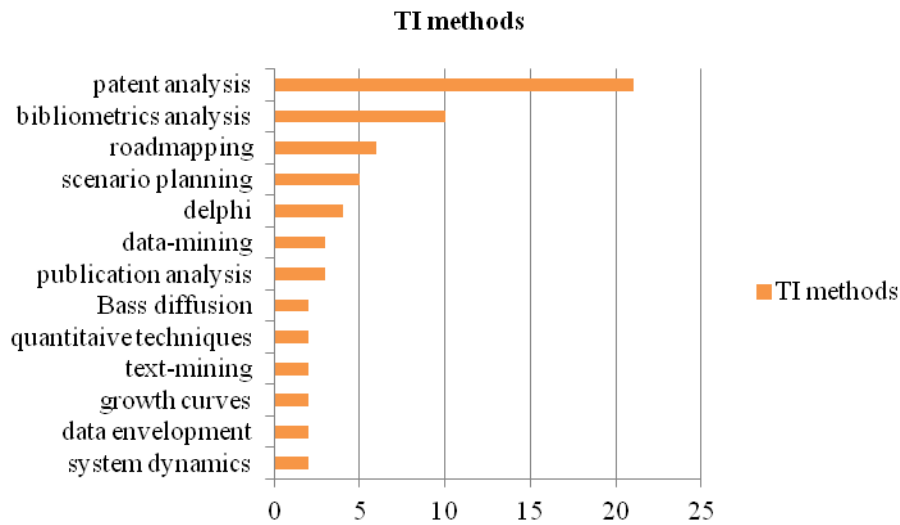
firm. They argue that this tool has been successful because of its continued use and formalization as a technology management tool within the case-study company. Mortara et al. (2008) by analyzing eight UK technology-based companies aim to understand how the TI systems are currently operationalized in industry and to obtain knowledge on implementation of TI. Authors differentiate six steps of TI process: search, filter, analyze, document, disseminate and coordinate. These six phases guide to obtaining and dissemination of the information. In contrast to these phases, Lichtenthaler (2006) identifies three types of TI process in the context of radical technological change: the hierarchical, the participatory, and the hybrid TI processes. One strand of the literature within this cluster stresses on diffusion of TI process in small companies. Savioz and Blum (2002) argue that, due to restricted resources and competences SMEs lack to implement technology planning tools as they usually do not correspond to SME-specific needs. Therefore, it is necessary to model certain type of planning tools that could match expectations and capabilities of SMEs. As a remedy, authors propose a novel concept: the Opportunity Landscape which aims to make relevant technological information available to decision-makers in order to anticipate future developments and to act accordingly. Moreover, Savioz (2006) in his next paper tries to explore organization of a technology intelligence system in general and in particular with regard to differences and similarities resulting from different company sizes. The findings of the explorative case-studies report that, elements of TI system in smaller companies can be very similar to elements found in large companies. These elements need to be carefully selected and adapted to company-specific requirements, which are essentially influenced by the decision-making and planning processes and the company culture as a whole.

Cluster D: patent analysis as TI and TF method

As our analysis revealed, patent analysis was the most frequently used method of TI in investigated literature (see Figure 11). That's why it emerged as a separate cluster in the network. Jun et al. (2012) in the case of bio-industry propose technology forecasting method based on various data mining techniques for analyzing patents and a patent management approach using the result of technology forecasting. Choi and Jun (2014) employ patent clustering for forecasting vacant technologies. Choi and Park (2009) suggest an algorithm that identifies patent development paths from a large patent citation network by evaluating the weight of citations between patents. Park et al. (2013) propose a Subject-Action-Object (SAO)-based patent intelligence system by exemplifying patent analysis of 3D printing technology. Yoon (2008) and Yoon and Kim (2012) describe two different tools for identifying technological opportunities- Techpioneer and TrendPercepter. The former by using textual information from databases and by applying morphology analysis, depicts promising alternatives

and conjoint analysis to evaluate their priority. The latter identifies trends from patents and evaluates them.

Figure 11

Cluster E: bibliometric method for technology forecasting

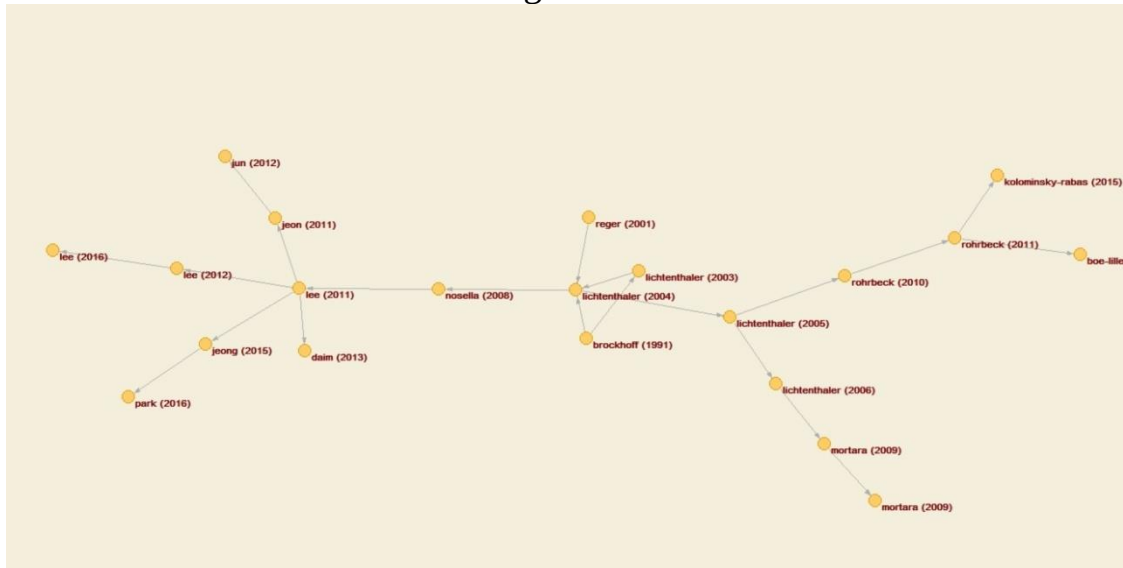
As it is shown in Figure 11, bibliometric method is in second rank after patent analysis according to the occurrence in the studied literatures. Daim et al. (2006) present forecasting fuel cell, food safety and optical storage technologies integrating patent and bibliometric method to well-known growth curves, scenario planning and system dynamics analysis. Stelzer et al. (2015) combine scenario technique with bibliometric method for the sake of conducting technology foresight in personalized medicine. Cheng and Chen (2008) posit that in rare historical data available fields, such as the new materials fields, bibliometric analysis can be used as the simple and efficient tools to link the science and technology activities, and to obtain quantitative and historical data for helping researchers in technology forecasting. Technology performances of nanosized ceramic powders are analyzed in this study using bibliometric method. In the case of mobile phones, Yeo et al. (2015) measure uncertainty of technological innovation applying bibliometric analysis using research papers. Kuusi and Meyer (2007) pinpoint “leitbilder” - a 'guiding images' role of bibliographic coupling for different professions and disciplines to work in the same direction in the case of carbon nanotube.

Key studies in the literature

In order to identify main streams of the considered literature and to gain dynamic perspective, main path analysis was performed. This technique helps to understand the most relevant papers at different moments that constitute the backbone of a research tradition, ‘walk’ from the present to the past (that is back in time) in a ‘field’ of papers (Colicchia and Strozzi, 2012; Medina and Noyons, 2008). Main path analysis provides connectivity of nodes in a given time and it

is calculated on the basis of centrality degree of the node by outlining the path from the node with the highest degree. As Lucio- Arias and Leydesdorff (2008) have asserted, in citation network, this degree measure considers the number of citations a document receives (indegree) as well as the number of cited references in the documents (outdegree). Applying main path analysis in our citation network gave us an opportunity to investigate the key studies thoroughly. After quantifying the citation traversal weights we obtained representation of the following main path:

Figure 12

The articles in our component range from 1991 to 2016. The oldest paper of path is Brockhoff (1991). The article discusses the organizational aspects of the competitive intelligence, showing the process of setting technological information about competitors into a framework of corporate information systems on external data. The paper stresses the argument that, competitor intelligence should not be developed and handled in isolation. Then the author highlights requirements and institutionalization process of this system. The next step in the path which contributes to the development of further concepts is a paper by Reger (2001). The article presents evolution of three generations of Technology foresight by interviewing 26 multinational companies. The paper can be considered as fundamental, as many concepts related to Technology forecasting, Technology foresight and TI take root from it. It also proposes a model of Technology foresight which includes five core elements: activities, science and technology as the main field of observation, actors under search and investigation, the storage and distribution of information within the corporation and recommendations and decisions.

Following these ideas, Lichtenthaler (2003) in his paper questions the historical development of TI in 26 pharmaceutical, telecommunication and automotive industries located in North America and Europe. As an outcome of this research he puts forward three generations of TI. The first generation is

characterized by lack of a long-term strategic framework for R&D management. In the second generation strategic framework for projects and a strengthened link between the company and R&D management are created. The third generation determines integration of the technology and R&D strategies in the corporate, or respectively, the business unit strategies. Furthermore, the study identifies contingency factors for the location of technology intelligence activities within technology intensive companies. Furthermore, Lichtenthaler (2004) underlines the knowledge gap on coordination process of TI in multinationals. Structural, hybrid and informal forms of coordination of TI are distinguished. Author also describes different forms of integration of these forms of coordination of TI and communication media used in this process.

Mortara et al. (2009) present a toolbox of system elements to structure TI in the case of 14 UK based companies. They group different choices of elements into the four modes of searching (Mine, Trawl, Target and Scan) of a model developed by Kerr et al. (2006). These categories include two additional features: nature of the elements and their functions. At this point we can distinguish two different streams of the research path. The former stream derives from Rohrbeck (2010). On the basis of three case studies and 43 interviews, the study demonstrates the benefits of building technology foresight system through network of scouts. Not being limited with this goal, the study explores the process, design of technology scouting and characteristics of technology scouts. The author in his second paper (Rohrbeck and Gemünden, 2011) delineates three roles of corporate foresight in enhancing the innovation capacity of a firm: a strategist role for identifying new business fields, an initiator role for establishing new innovative projects and an opponent role for challenging towards better quality of products. The second stream of the research passes through the study by Nosella et al. (2008) where authors identify four main factors that may influence on company's conducting way of Technology monitoring: type of industry the company refers to, business model it uses, significance of technology in its corporate culture and the level of R&D resources. The last constituent of the path is composed of the articles on methods of TI, more precisely, on patent analysis.

Discussion, conclusions and limitations

From our analysis it becomes apparent that TI is a complex phenomenon and interest in this area of research is increasing among academics and practitioners constantly. Although the literature which concentrates on conceptual aspects of the TI is rich, our review found that studies envisaging practical facets of TI are limited. Primarily this can be explained with evolving state of the TI. Even though there were some attempts to conceptualize TI already from 1970's (Ansoff, 1975; Cooper and Schendel, 1976), as a research stream it became popular among scholars only at the end of 1990's. However, knowledge on implementation process of TI is still in embryonic phase and there is a huge demand for contributions which aims to conduct empirical studies on TI.

The first question in this study sought to determine the characteristics and trends of literature on implementation and operationalization of TI in order to identify research gaps and limitations. While answering this question, we have noticed three distinct geographical areas, primarily defined by the origin of the authors and the topics they are addressing: Asia (South Korea, China and Taiwan), North America (USA) and Europe (Germany, United Kingdom and Switzerland). By locating these areas in our thematic clusters, we found that papers coming from Europe deal predominantly with TI, specifically implementation process of it. Papers from USA are biased towards Technology forecasting in national and organizational level. From analyzed literature it can be assumed that in Asia the research is concentrated more on methods of TI.

Concerning research methodology, another important finding was that case-studies were employed widely by authors for empirical research on TI. Since case-studies analyze contemporary real-life phenomena in-depth (Yin, 1984; Eisenhardt 1989), it is more plausible that, most researchers referred to them. Single cases constituted largest part of the study and we argue that this approach allowed researchers for exploring the phenomenon in its context without sacrificing the richness of the studied incident and its context (Eisenhardt and Graebner, 2007). In terms of the issues what the empirical studies are addressing to, we can delineate the following groups: cases discussing national programs of Technology foresight in the country level (cluster A), cases forecasting emerging technologies in the company level (cluster B), cases highlighting organization of the TI process both in country and company levels (clusters C and F) and cases discussing particular method of TI or Technology forecasting at company level (clusters D and E). However, future research may concentrate on other types of empirical studies, i.e. surveys, interviews or experiments in extensive context.

It is also interesting to note that geographical spread of the investigated countries shows a great deal of variety. Nevertheless, we can observe that most of the grounded studies were conducted in the case of firms located in developed countries where internal R&D considered to be the most valuable component of their innovation strategy (Shi et al., 2016). Taking into account the fact that the operationalization of TI can be expensive, time and competence requiring (Manzini et al, 2016), it would be interesting to study companies in developing countries which do not possess these characteristics and cannot rapidly develop strong R&D capabilities.

We noticed in particular that, majority papers studied big and multinational companies (Arman and Foden, 2010; Brockhoff, 1991; Haghighat et al., 2016; Jones et al, 2015; Keltsch et al, 2011; Lingens et al., 2016; Lichtenhaler, 2003; 2004a; 2004b; 2005; 2006; 2009; Mortara et al., 2008; 2009; Nosella et al., 2008; Rohrbeck et al., 2011) with only two exceptions which investigated small and medium sized firms (Savioz and Blum, 2002; Savioz, 2006). It puts in force

the necessity of further investigations of TI process in SMEs and their corporate culture.

The most relevant finding to emerge from research content analysis was a citation network of papers that enabled us to obtain systematic and holistic view of the investigated literature. Using the software Pajek we generated six main clusters of thematic areas. Main path technique allowed us to analyze the most important papers of our sample and to follow the trend. One unanticipated finding was that patent and bibliometric analysis came out as one of the broadly investigated methods in the literature. A further study with more focus on other TI methods is therefore suggested.

With respect to the second research question, it was found that the studied set of literature is also valuable in terms of practical implications. Particularly, the clusters C and F deal with the successful implementation and organization of TI in companies. For instance, Porter (2005) describes the process of quick TI in the case of solid oxide fuel cells. Wilbers et al. (2010) shed in light the application of standardized TI process on a large scale while maintaining on-time delivery and the quality of results. Karshenas et al. (2016) in their paper suggest a conceptual model for the development of TI in the national innovation ecosystem. Considerable amount of the literature discusses coordination and management issues of the TI process (Lichtenthaler 2003, 2004a, 2004b, 2005, 2006, 2009; Mortara, 2008, 2009; Savioz, 2006; Nosella et al., 2008; Rohrbeck et al., 2011; Arman and Foden, 2010).

Observing a global perspective of the studied literature, we have noticed that the research is fragmented by being divided into three areas: TI, Technology forecasting and Technology foresight. We assume that, the reason of this differentiation can be clear to academics as they are conceptually different. This fragmentation provides high quality of studies on separate aspects of the issue, for example, how to foresight emerging technologies in aerospace industry, how to detect signals of user interface technologies applying patent analysis or how to structure TI process in organizational level. However, managers may find difficult to understand such conceptual differences and therefore to find clear managerial guidelines for investigating the technology environment. Albeit, there is abundant room for further progress in determining general overview of the implementation of the TI which would serve as a guideline for managers.

In very brief synthesis, future interesting areas of research in the field could be: (i) applying other types of empirical studies, i.e. surveys, interviews or experiments in extensive context for the investigation of TI; (ii) studying implementation process of TI in companies located in the developing countries; (iii) investigating TI process in the context of SMEs; (iv) analyzing other TI methods different from patent and bibliometric analysis; (v) determining general overview of the implementation of the TI which would serve as a guideline for managers.

The major limitation of this study is that we collected our literature from a single source. Although Scopus is considered as one of the largest database, future studies are suggested to select the publications from multiple sources. Secondly, as our main goal was to designate wide overview of TI, we selected general keywords in our search query. For the further analysis the process of keyword selection may be validated and improved with experts coming from academia, as well as from companies.

References

- Andersen, P.D., Jørgensen, B.H., Lading, L. and Rasmussen, B. (2004). Sensor foresight - Technology and market. *Technovation*, 24 (4), 311-320.
- Ansoff, H.I. (1975). Managing strategic surprise by response to weak signals. *California Management Review*, 18, 2, 21–33.
- Arman, H. and Foden, J. (2010). Combining methods in the technology intelligence process: application in an aerospace manufacturing firm. *R&D Management*, 40 (2), 181-194.
- Arman, H., Hodgson, A. and Gindy, N.N.Z. (2010). An ontology-based knowledge management system to support technology intelligence. *International Journal of Industrial and Systems Engineering*, 5 (3), 377-389.
- Ashton, W.B. and Klavans, R.A. (1997). An Introduction to Technical Intelligence in Business. In: Ashton, W.B. and Klavans, R.A. (eds), *Keeping Abreast of Science and Technology: Technical Intelligence in Business*. Columbus, OH: Batelle Press, 5–22.
- Breiner, S., Cuhls, K. and Grupp, H. (1994). Technology foresight using a Delphi approach: a Japanese-German cooperation. *R&D Management*, 24 (2), 141-153.
- Brockhoff, K. (1991). Competitor technology intelligence in German companies. *Industrial marketing management*, 20 (2), 91-98.
- Chakravarti, A.K., Vasanta, B., Krishnan, A.S.A. and Dubash, R.K. (1998). Modified delphi methodology for technology forecasting: case study of electronics and information technology in India. *Technological Forecasting and Social Change*, 58 (1-2), 155-165.
- Chan, L. and Daim, T. (2012). Exploring the impact of technology foresight studies on innovation: Case of BRIC countries. *Futures*, 44 (6), 618-630.
- Cheng, A.-C. and Chen, C.-Y. (2008). The technology forecasting of new materials: The example of nanosized ceramic powders. *Romanian Journal of Economic Forecasting*, 9 (4), 88-110.
- Chesbrough, H. (2003). The Era of Open Innovation. *MIT Sloan Management Review*, 44 (3), 35–41.

- Choi, C. and Park, Y. (2009). Monitoring the organic structure of technology based on the patent development paths. *Technological Forecasting and Social Change*, 76 (6), 754-768.
- Choi, S. and Jun, S. (2014). Vacant technology forecasting using new Bayesian patent clustering. *Technology Analysis and Strategic Management*, 26, 3.
- Cooper, A.C. and Schendel, D. (1976). Strategic responses to technological threats. *Business Horizons*, 61–69.
- Daim, T.U., Rueda, G., Martin, H. and Gerdtsri P. (2006). Forecasting emerging technologies: Use of bibliometrics and patent analysis. *Technological Forecasting and Social Change*, 73 (8), 981-1012.
- Daim, T.U., Rueda, G., Martin, H. and Gerdtsri, P. (2006). Forecasting emerging technologies: Use of bibliometrics and patent analysis. *Technological Forecasting and Social Change*, 73 (8), 981-1012.
- Dang, R.J., Mortara, L., Thomson, R. and Minshall, T. (2010). Developing technology intelligence strategy to access knowledge of innovation clusters: The case of KODAK in Cambridge. *Strategies and Communications for Innovations*, SRINGER-Verlag, Chapter 1.4
- Denyer, D., Tranfield, D. (2009). Producing a systematic literature review in Buchanan, D., and Bryman, A. “Eds.”, *The Sage Handbook of Organizational Research Methods*, Sage Publications, London, 671-89.
- Du Preez, G.T. and Pistorius, C.W.I. (1999). Technological Threat and Opportunity Assessment. *Technological Forecasting and Social Change*, 61 (3), 215-234.
- Dursun, O., Türe, T.E. and Daim, T.U. (2011). Post-evaluation of foresight studies: Turkish case. *International Journal of Foresight and Innovation Policy*, 7 (4), 311-337.
- Eisenhardt, K. M. (1989). Building theories from case study research. *Academy of Management Review*, 14(4), 352-550.
- Eisenhardt, K., Graebner, M. (2007). Theory building from cases: opportunities and challenges. *Acad. Manag. J.* 50 (25), 32.
- Förster, B. (2015). Technology foresight for sustainable production in the German automotive supplier industry. *Technological Forecasting and Social Change*, 92, 237-248.
- Haghighat, M., Shahmansoury, A. and Khoorasgani, G.H. (2016). Identifying the effect of technology intelligence on the technological planning of the organization case study: Technical vice president for the raja rail transportation company. *Social Sciences (Pakistan)*, 11 (24), 5981-5987.

- Havas, A. (2003). Evolving foresight in a small transition economy. *Journal of Forecasting*, 22 (2), 179-201.
- Iansiti, M. (2000). How the incumbent can win: managing technological transitions in the semiconductor industry. *Management Science* 46 (2), 169–185.
- Jones, M.B., Webb, P.F., Summers, M.D., Baguley, P. and Valerdi R. (2015). A cost-benefit framework for assessing advanced manufacturing technology development: A case study. *Proceedings of the Institution of Mechanical Engineers, Part B: Journal of Engineering Manufacture*, 229 (9), 1654-1668.
- Jun, S., Park, S.S. and Jang, D.S. (2012). Patent Management for Technology Forecasting: A Case study of the bio-industry. *Journal of Intellectual Property Rights*, 17 (6), 539-546.
- Karshenas, A.A., Chaghooshi, A.J. and Bazzazian, R. (2016). The development of technology intelligence in the National innovation ecosystem. *International Business management*, 10 (11). 2317-2328.
- Keenan, M. (2003). Identifying emerging generic technologies at the national level: The UK experience. *Journal of Forecasting*, 22 (2), 129-160.
- Keltsch, J.-N., Probert, D. and Phaal, R. (2011). A process for configuring technology management tools. *International Journal of Technology Intelligence and Planning*, 7 (3), 181-200.
- Kerr, C.I.V., Mortara, L., Phaal, R. and Probert, D.R. (2006). A conceptual model for technology intelligence. *International Journal of Technology Intelligence and Planning*, 2 (1), 73–93.
- Kuusi, O. and Meyer, M. (2007). Anticipating technological breakthroughs: Using bibliographic coupling to explore the nanotubes paradigm. *Scientometrics*, 70 (3), 759-777.
- Lee, C., Jeon, J. and Park, Y. (2011). Monitoring trends of technological changes based on the dynamic patent lattice: A modified formal concept analysis approach. *Technological Forecasting and Social Change*, 78 (4), 690-702.
- Lichtenthaler, E. (2003). Third generation management of technology intelligence processes. *R&D Management*, 33 (4) 361–375.
- Lichtenthaler, E. (2004). Technological change and the technology intelligence process: A case study. *Journal of Engineering and Technology Management - JET-M*, 21 (4), 331-348.
- Lichtenthaler, E. (2005). The choice of technology intelligence methods in multinationals: Towards a contingency approach. *International Journal of Technology Management*, 32 (3-4), 388-407.

- Lichtenthaler, E. (2006). Technology intelligence: identification of technological opportunities and threats by firms. *International Journal of Technology Intelligence and Planning*, 2 (3), 289-323.
- Lichtenthaler, E. (2007). Managing technology intelligence processes in situations of radical technological change. *Technological Forecasting and Social Change*, 74 (8), 1109-1136.
- Lin, H.-C., Chan, T.-Y. and Ien, C.-H. (2013). Mapping of future technology themes in sustainable energy. *Foresight*, 15 (1), 54-73.
- Lin, H.-C., Luarn, P., Maa, R.-H. and Chen, C.-W. (2012). Adaptive foresight modular design and dynamic adjustment mechanism: Framework and Taiwan case study. *Technological Forecasting and Social Change*, 79 (9), 1583-1591.
- Lingens, B., Winterhalter, S., Krieg, L. and Gassmann, O. (2016). Archetypes and basic strategies of technology decisions. *Research Technology Management*, 59, 2.
- Lischka, J.-M., Gemünden, G.H. (2008). Technology roadmapping in manufacturing: A case study at Siemens AG. *International Journal of Technology Intelligence and Planning*, 4 (2), 201-214. literature review. *Foresight*, 17 (3), 240 – 256.
- Lucio- Arias, D., & Leydesdorff, L. (2008). Main- path analysis and path- dependent transitions in HistCite™- based historiograms. *Journal of the American Society for Information Science and Technology*, 59(12), 1948-1962.
- Manzini, R., Lazzarotti, V., Motta, M. and Fossati, S. (2016). Quick and dirty Technology Intelligence for SMEs, R&D management Conference, July 3-6.
- Maya, N. (2015). Tools to support technology intelligence processes in integrated technology service providers. In “Managing emerging technologies for socio-economic impact”, Edward Elger, 92-114.
- Medina, C. and Noyons, E. (2008). Combining mapping and citation network analysis for a better understanding of the scientific development: The case of the absorptive capacity field. *Journal of Informetrics* 2, 272–279.
- Mortara, L. (2015). *Communicating Technology Intelligence: a practice guide*. University of Cambridge Institute for Manufacturing, 1-28.
- Mortara, L., Kerr, C.I.V., Phaal, R. and Probert, D.R. (2008). Technology Intelligence practice in UK technology-based companies. *International Journal of Technology Management*, 48 (1), 115-135.
- Mortara, L., Kerr, C.I.V., Phaal, R. and Probert D.R. (2009). A toolbox of elements to build Technology Intelligence systems. *International Journal of Technology Management*, 47 (4), 322-345.

- Norling, P.M., Herring, J.P., Rosenkrans, Jr., Stellpflug, M. and Kaufman, S.B. (2000). Putting competitive technology intelligence to work. *Research Technology management*, 43(5), 23-28.
- Nosella, A., Petroni, G. and Salandra, R. (2008). Technological change and technology monitoring process: Evidence from four Italian case studies. *Journal of Engineering and Technology Management - JET-M*, 25(4), 321-337.
- Orlikowski, W.J., Baroudi, J.J. (1991). Studying information technology in organizations: research approaches and assumptions. *Inf. Syst. Res.* 2 (1), 1–28.
- Park, B., Son, S.-H. (2010). Korean Technology Foresight for national S & T planning. *International Journal of Foresight and Innovation Policy*, 6 (1-3), 166-181.
- Park, H., Kim, K., Choi, S. and Yoon J. (2013). A patent intelligence system for strategic technology planning. *Expert Systems with Applications*, 40 (7), 2373-2390.
- Porter, A.L. (2005). QTIP: quick technology intelligence processes. *Technological Forecasting and Social Change*, 72 (9), 1070–1081.
- Ranjbar, M. and Tavakoli, G. (2015). Toward an inclusive understanding of technology intelligence: a research approaches and assumptions. *Inf. Syst. Res.*, 2 (1), 1–28.
- Reger, G. (2001). Technology Foresight in Companies: From an Indicator to a Network and Process Perspective. *Technology Analysis & Strategic Management*, 13 (4), 533-553.
- Robinson, D.K.R., Huang, L., Guo, Y. and Porter, A.L. (2013). Forecasting Innovation Pathways (FIP) for new and emerging science and technologies. *Technological Forecasting and Social Change*, 80 (2), 267-285.
- Rohrbeck, R. (2010). Harnessing a network of experts for competitive advantage: Technology scouting in the ICT industry. *R and D Management*, 40 (2), 169-180.
- Rohrbeck, R. and Gemünden, H.G. (2011). Corporate foresight: Its three roles in enhancing the innovation capacity of a firm. *Technological Forecasting and Social Change*, 78 (2), 231-243.
- Savioz, P. (2004). *Technology Intelligence: Concept Design and Implementation in Technology-Based SMEs*. New York: Palgrave Macmillan.
- Savioz, P. (2006). Technology intelligence systems: practices and models for large, medium-sized and start-up companies. *International Journal of Technology Intelligence and Planning*, 2 (4), 360-379.

- Savioz, P. and Blum, M. (2002). Strategic forecast tool for SMEs: How the opportunity landscape interacts with business strategy to anticipate technological trends. *Technovation*, 22 (2), 91-100.
- Shi, X., Wu, Y. and Dahai, F. (2016). Does University-industry Collaboration Improve Chinese Firms' Innovation Efficiency? R&D Management Conference "From Science to Society: Innovation and Value Creation" 3-6 July 2016, Cambridge, UK.
- Sivarama, Prasad, A.V. and Somasekhara, N. (1990). The analytic hierarchy process for choice of technologies. An application. *Technological Forecasting and Social Change*, 38 (2), 151-158.
- Stelzer, B., Meyer-Brötz, F., Schiebel, E. and Brecht, L. (2015). Combining the scenario technique with bibliometrics for technology foresight: The case of personalized medicine. *Technological Forecasting and Social Change*, 98, 137-156.
- Strozzi, F. and Colicchia, C. (2012). Literature review on complex network methods applied to measure robustness in supply chain design. *Liuc Papers* n. 249, Serie Metodi Quantitativi 20. technological change. *Technological Forecasting and Social Change*, 74 (8), 1109-1136.
- Tiits, M., Kalvet, T. (2013). Intelligent piggybacking: A foresight policy tool for small catching-up economies. *International Journal of Foresight and Innovation Policy*, 9, (2-4), 253-268.
- Tschirky, H. (1994). The role of technology forecasting and assessment in technology management. *R&D Management*, 24 (2), 121-129.
- Utterback, J.M. and Brown, J.W. (1972) Monitoring for technological opportunities. *Business Horizons*, 10, 5-15.
- Wilbers, W., Albert, T. and Walde, P. (2010). Upscaling the Technology Intelligence process. *International Journal of Technology Intelligence and Planning*, 6 (2), 185-203.
- Wissema J.G. (1982). Trends in Technology forecasting. *R&D Management*, 12 (1), 27-36.
- Wolff, M. (1992). Scouting for technology. *Research Technology Management*, 35 (2), 10-12.
- Yang, Q.-Q., Gong, Z.-M., Cheng, J.-Y. and Wang G. (2004). Technology foresight and critical technology selection in China. *International Journal of Foresight and Innovation Policy*, 1 (1-2), 168-180.
- Yeo, W., Kim, S., Park, H. and Kang, J. (2015). A bibliometric method for measuring the degree of technological innovation. *Technological Forecasting and Social Change*, 95, 152-162.

- Yin, R. K. (1984). Case study research: Design and methods. Newbury Park, CA: Sage.
- Yoon, B. (2008). On the development of a technology intelligence tool for identifying technology opportunity. *Expert Systems with Applications*, 35 (1-2), 124-135.
- Yoon, J. and Kim, K. (2012). TrendPerceptor: A property-function based technology intelligence system for identifying technology trends from patents. *Expert Systems with Applications*, 39 (3), 2927-2938.
- Yoon, J., and Kim, K. (2012). Identifying rapidly evolving technological trends for R&D planning using SAO-based semantic patent networks. *Scientometrics*, 88(1), 213-228.

SEMANTICS OF THE WORD IN THE CULTURE MIRROR

Rustamov Dilshodbek Abduvakhidovich

Doctor of Philosophy in Philological sciences (PhD),

assoc. professor

Andizhan State University

Семантика слова в зеркале культуры

Рустамов Дилшодбек

Introduction

This monograph is devoted to the study the unity of culture and national values, investigation of national-cultural aspect of semantic structure and peculiarities of the word. It also discusses and investigates national and cultural components of language units; relations of idea and meaning and the unity of language and culture, linguo-cultural essence and cognitive features of the semantic structure of lexemes.

The author tries to analyze lingua-cognitive and linguo-cultural essence of the verbs compiling the scenario of spiritual processes peculiar to the conduct of the Uzbeks. Here, the verbs compiling this scenario, based on systematic peculiarities in paradigmatic relations, go into syntagmatic relations, in expressing the very reality. The author also says that this condition creates instantaneous condition and this condition put them in order of a new system. In this order, the basis of verbs is stable lingua-cultural value. The author tries to prove that some verbs serve as direct unifiers of the events of a literary work.

Literature review

Learning semantic features, semantic structure of lexemes is contemporary of the history of linguistics. It was especially deeply learned in the later periods of development of linguistics by such scholars as A.A. Potebnya (1999), Yu.D. Apresyan (1995; 2006), A.A. Reformatskiy (2004), E.M. Galkina-Fedoruk

(1941), A. Vejbitskaya (1997), A.I. Yefimov (1961), N.D. Arutyunova (1982; 1985), O.I. Glazunova (2012), M.V.Nikitin (2007), Dj. Serl (1986), Yu.S. Stepanov (2001), R. Jakobson (1998) and others.

In the beginning of the 60s of the XX century several scientific studies were carried out in the framework of the very problem in Uzbek linguistics as well. These researches investigated linguistically semantic structure of Uzbek, the phenomenon of polysemy. Namely T. Alikulov (1963), S. Usmonov (1964), Sh. Rahmatullayev (1965), O. Azizov (1963), M. Mirtojiyev (1973; 1975) learned closely the peculiarities of the phenomenon of polysemy in Uzbek in their researches, textbooks and manuals.

Though a number of works have been written in the field of Semasiology and lexical semantics, lingua-cultural features of nationally-culturally peculiarized sememes are waiting for their turn to be researched.

In the world linguistics *wide* range work has been done in semic classification of sememes, dividing them to denotative, connotative and functional sememes, integral and differential sememes. In the linguistics of the XXI century the speech occurrence of language, differentiating pragmatic, personal and national factors, their place and role have become one of the most important matters. In this situation looking at the language as a form of national cultural value and expression of national-cultural mentality is getting stronger. The leading linguistic schools of the world ascertain the special place of learning national-cultural features of certain language units because acquisition of the very features serves as a basis of rising international communication to a new level.

Nationally and culturally featured sememe of lexemes in none related languages of the world linguistics is characterized by being distinguished with its genetic characteristics as well as in semes of different parts of speech, the main and made up sememes of words. We can also see that primary national-cultural semes of some borrowed lexemes get weaker and the expression of the mentality of the borrowing nation get more distinct. This circumstance makes it necessary learning the semantic structure of lexemes under the principle of language and culture unity. The relation of sign and meaning has been learned as a psychological phenomenon. This can be seen in getting of the human factor more prior and anthropocentric approach stronger. Researches directed to learning of national-cultural aspect of lexemes are being carried out in leading scientific and higher educational institutions of the world. Namely, the University of Oxford (Great Britain), the University of Pisa (Italy), the University of Northern Ossetia (Russia), the University of Languages of Azerbaijan (Azerbaijan), Uzbek State University of World Languages [24;25;26;27;28].

Today, mastering the inner opportunities of the language plays an important role in improving the national culture and penetrating it to the minds of the youth. «...developing scientific research and innovational activity,

thorough support of skilled youth's participation in this process, creative ideas and designs» [16] is paid special attention. Strengthening the role of mother tongue in raising national spirituality imposes several tasks upon the educated people and specialists of the country. That is to say, «As legatees to priceless heritage of our ancestors, we must work hard continuously at taking good care of our mother tongue, enriching it, making it more prestigious [8. 87].» The main part of accumulative function of the language falls to the lot of nominative units (lexemes, phrasemes, expressive devices). This is why expression of mental outlook is expressed more vividly and clearly in them than in other devices. This can be clearly seen in peculiarities of their semantic structure, and features of semic content. Researching in lingua-cultural aspect the semes expressing national-cultural belonging is of special importance in the epoch of globalization.

Discussion

The language is the means of characterizing and differentiating the man. Looking at language culture as a form of national culture is of a special interest in culture learning and learning the people. Inasmuch as the language is the basis and root of any culture. In this respect the language is regarded as a unity of generally excepted conception of people about the universe. The question of the unity of language and culture has been a point of interest for scientists for several centuries.

National difference in seeing, hearing and calling the events of the general reality are marked with national or people's general looking. Of course it would be inappropriate to speak about the notion of *lacuna* here. Because external features of the event can be seen quickly, and notwithstanding what its appearance is, this phenomenon is called somehow. But inner peculiarities of things and events can be named or unnamed according to whether they have been looked at by spiritual glance. As a result a phenomenon being named in one language might be unnamed in another. The condition with no name chooser is estimated as national-mental *lacuna*. This place is filled with another units. For instance, word combinations or set expressions may fulfill such a task. Such alternatives as *Старший брат* in Russian and *ака* in Uzbek (elder brother) and *младший брат* in Russian and *ука* in Uzbek (little brother) can be examples for such phenomena. But in many cases the comparison of these two languages show that such condition may not exist as well. For example such words as *амма*, *холо* in Uzbek have no exact alternatives in Russian, and this shows that this language has *lacuna* based on national-mental values. Verbal description of the universe can be seen in being split to special features of expressive means – semantic and sememe semic structure of the word. In verbal description of reality plays significant role in the category of national-spiritual activeness which has national-mental basis and categorization of the phenomena of the reality, characteristics and conceptualization as well as in the stabilizing the meaning quality.

The language and culture are multi-aspect and colorful phenomena. That is why condition of national-mental culture in the domain of the language while being presented scientifically and given certain conclusions on the basis of the principle of «from form to meaning», cannot be perceived identically. Lexeme differs from other units of verbal expression in higher meaning value and relative independence. This feature of it served for using the word like a language expression according to the principle of part-whole naming (synecdochic naming).

It is known that, the history of learning meaning features of the word dates back to ancient times. The problem/question of naming and the relation between things/objects and words were in the agenda of ancient philosophy. They were in opposition according to recognizing the naturalness or relativity of relations between thing/objects and words. Scientists who acknowledged the natural relation between word meaning and the named object used the term «fyuzey» (natural) as their slogan. Those who denied the natural relation between the name and the named, and considered these relations to be conditional, had the term «tesey» (according to agreement) for their slogan. The first ideas of such thinkers as Heraclites, Ephesus, Alexandrian about the problem became known as «continic conception about the word» [22. 192-193]. In the Renaissance period scientific-idealistic interpretation of word and meaning, language and speech improved a little. Linguistic system of ideas known as «Concept of Verbal Meaning of the Period of Renaissance» are of special attention. In the Renaissance period, namely in its period connected with Enlightenment interpretation of word and verbal meaning received a new form. As linguistics began interpreting the language from the comparative historical point of view, verbal essences began to be learned on the basis of mutually different and similar relations of languages which was base on the principle of relativism. Besides, religious-idealistic core was preserved in the science of language. The direction of learning meanings developed under this principle in perceiving the meanings, understanding and characterizing of the word pays main attention to three aspects of its object of learning:

- a) Historical-cultural aspect of word meaning;
- b) Literal-aesthetic aspect of word meaning;
- c) Philosophical aspect of word meaning.

XIX century linguistics left its footprints in the history of the science with its name of Historical comparative linguistics. Wilhelm Humboldt based on his broad linguistic knowledge, classified the world languages, learned the origin and morphological structure of every language, divided them into language families. [9. 120]» He put forward the idea of the unity of people's language and people's spirit, and created the idea of verbal relativity in linguistics. We have to remember the following words Wilhelm von Humboldt: «We can say the idea that languages are organs of original understanding and original perception is generally excepted truth.» He says that thought is not only connected with

language but also conditioned on with every certain language. Humboldt writes in his «About Difference of Forms of Languages and Their Impact on Spiritual Development of Man» that «The language is an organ which creates thought. Thinking and language make up a single integrity [13. 65]».

We cannot say that the scientist's thoughts about the integrity of language and thought were fully and changelessly acknowledged by his followers. For example A.A. Potebnya considered himself to be Humboldt's follower and apprentice, and formed his own views under the influence of Humboldt's theory of «inner form of the word.» The scientist characterizes the notion of external and inner forms in connection with new words and creating their meaning [17. 176].

Some ideas on the twofold oppositional nature of a verbal sign were given by such scientists as Saussure, B.A. Serebrennikov, A.S. Melnichuk, A.A. Ufimtseva. Saussure marks verbal sign as an ideal phenomenon in the consciousness and does not see the meaning out of it. He gives room to both of them as one unit in social consciousness. Ch. Pirs, R. Jakobson, E.C. Kubryakova, A.A. Ufimtseva and others consider the verbal unit to be material and the meaning to be ideal phenomena [10. 18-28]. We think that differentiating/no differentiating, separating/ not separating language and speech is connected with whether we are speaking about a language peculiarity or speech peculiarity.

Many sidedness of the language is marked with extensiveness of its mutual relations with other phenomena. A linguist R. Jakobson, speaking about some aspects of the language, marked it from the point of view of its relations as «...the basis of intellectual and spiritual life and a means of communication [6. 200].»

In the framework of relations of the language, relations with culture, takes a special place. That is why the relation of the language and culture is marked with several factors:

Firstly, the language is a complex material, and it is made up of language and speech levels connected on the basis of the dialectics of denying mutual denying. The culture is reflected in different qualities and quantities in these levels;

Secondly, language levels are of different nature, and differ according to the degree of reflecting the culture;

Thirdly, not all the levels of the language are at the same extent with the cultural development, and this fact can be the cause of pointing out relative independence among them.;

Fourthly, the fact that the language and culture are not integral in the lexical level which is regarded to be an outstanding means of expression of national culture can be seen in the volume of borrowings as well as existence of universal lexical phenomena;

Fifthly, looking at the results of pointing out the language's feature of expressing the culture as at its form, or strengthening of the idea that the language is a part of many unit culture make the case more complicated.

Categorization and conceptualization of the culture in language is connected with seeing the reality from different angles.

The unity of culture and language results in recognizing the heterogeneousness of its constituent parts (that is culture and language). This situation results in interpreting the relation of the language and culture differently. We can bring the following as the most characteristic examples for our idea:

- 1) Language is independent for the culture;
- 2) Language is continuation of the culture;
- 3) Language is a form of the culture [21.37].

Language is a means of understanding and interpreting stable qualities of man as well as of the society. Language characterizes the reality. At the same time the language is a unique phenomenon to characterize itself.

A linguist V.G. Gak speaking about the national-cultural unity of language units puts forward the idea of differentiating national and cultural elements in this unity. According to him, national peculiarities are disclosed in the process of comparing languages [5. 260.261]. We don't think that it is appropriate to interpret it as «only national peculiarities are disclosed» as cultural peculiarities are also disclosed in the process of comparing languages. So we consider the scientist's idea should be interpreted as «In order to find out national peculiarities, the factor of comparing languages is enough.» Hence it is understood that just comparing languages is not enough in order to clarify cultural peculiarities, cultures also should be compared. As the idea of *Culture* has a broader sense than of *LANGUAGE*, the essence of cultural concepts is revealed as a result of comparison of national language and national culture.

It is true that, for example national phenomena can be seen in natural and cultural forms. There are some national phenomena that are more connected with life and lifestyle of one nation and they are of greater national and geographic importance.

So we can say that pure nationality apart from culture is characterized with its feature of being apart from cultural approach. This circumstance finds its reflection in pure national verbal expression of national phenomena. Theoretical ideas given in the dissertation are grounded by analysis of certain verbal units.

Lexical level takes the central part in language system from the nominal and expressive point of view. The national-cultural peculiarities of the language are found first of all in the word.

The word has an ethnic-cultural root. People perceive, evaluate and classify the reality by the help of words. We can see that a lot of researches in classic and traditional interpretations paid primary attention to the cultural aspects of the word [22; 23; 11; 20].

As the word is interpreted in lingua-cultural aspect, the following phenomena of it are paid special attention and are taken into consideration as the object of investigation of lingua-cultural interpretation of the language:

- units that are only peculiar to one language and which do not have analogues in other languages;
- mythological and legendary expressions peculiar only to some languages;
- nominators of religious images and notions;
- ethnography;
- proverbs;
- saying;
- phraseological units;
- expressions of symbols and figurativeness;
- figurative meanings [1. 645-646].

It is said in the sources that it is necessary to take into consideration the following features of linguistically-culturally peculiarized expressions:

- meaning of a derivation;
- occasional meaning;
- derived word;
- national-conceptual core of the meaning;
- expressiveness;
- usual and occasional connection;
- paradigmatic relations;
- associative features [3. 34].

In general, it is necessary differentiating lexical-semantic phenomena related directly or indirectly to the problem of the unity of language and culture, leveling them according to the feature of relatedness, directing the analysis in accordance with the target of result perceived purposefully and consciously.

Consequently, in lingua-cultural interpretation of lexical there is a necessity of differentiating types with outstanding national peculiarities and reflecting the unity of national-mental features phenomena.

We can see that there is a problem of choosing a language phenomenon for a lingua-cultural analysis, and the broadness of the object under investigation as well as the unity of language and culture is gone through any language from the beginning to the end in the form of «a red thread» make the problem even complicated.

Cultural features of a word can cover its semantic structure in whole or can find its reflection in one of its sememes, or one of the types of the sememe, that is denotative or connotative or task sememe. These ideas are confirmed with concrete examples in the dissertation.

The problem of the word has been discussed in linguistics since it was formed as a science.

The mirror of language and culture unity in our interpretation reflects the relation of idea and meaning in more actual colors. This actuality is marked by the activeness of the following questions:

1. Is the word an expression of the meaning or is it an idea?
2. Is the meaning national or is it universal?
3. Is nationality peculiar to notion?

The reality is perceived under the national outlook. Different nations see different features in one phenomenon of the reality.

The problem of prior appearance of the word and notion (now we are going to use the term of *notion* in relation with form and meaning because of impotency) has an onthological importance.

The word and notion are connected on the basis of asymmetrical dialectical relation. «Every lexeme as a verbal unit has a content of meaning. «The content of meaning of a lexeme means notions expressing things, motions, signs, quantifiers called denotation or referent. « For example there is a part of the human body which is called face. Thus a man's mind perceives the notion of «face». On the basis of this notion a sememe (a meaning of lexeme) is formed. Notion and meaning are not the same things, they have some different features. For example the people speaking English, Russian, German have a notion of «brother». But the notions of *brother* (English), *брат*(Russian), and *bruder* (German) are united in one and the same meaning (sememe). Or Uzbek lexemes *юз, бет, баушара, чехра, ораз* express one notion, but their meanings differ [19. 49]».

Formation of a notion on the basis of imagination and formation of meaning on the basis of a notion have been mentioned in a number of sources of Uzbek linguistics [14. 18]. In one of the jargon dictionaries of Russian the authors took into account morphologic (the part of speech, grammatical categorial features: transitiveness, intransitiveness of verbs, category of gender of nouns, syntactic (joining) features, nature of usage (in accordance with type of speech: joke-ironical, obscene, funny; social signs: peculiar to youth speech, peculiar to a group of people of one profession, meaning, shade, expressiveness, derivational features, origin, form and meaning system. For example: **Лопохнуться**[4. 98-99].

This condition is marked with the diversity of attitude of national-cultural atmosphere to jargons which are an objective language phenomenon.

Ethnic thinking is clearly seen in metaphoric expressions. For example in Uzbek beautiful eyes of a person is compared to the eyes of the young deer, the Kirgiz people chose for the object of comparison the eyes of the cow. The Uzbek people compare little kids to the lamb and the Russians call their babies as piglets. On the basis of these expression there is the difference of ideas.

Learning lexemes of the category of verb takes a special place in linguistics. They can be classified according to their morphologic, semantic,

stylistic and valency. The dissertation brings light to the ideas given in this direction and we give our idea upon the matter.

The units of knowledge undermining in language expressions usually exist in so called frame which is a peculiar conscious unity, knowledge or cognitive system. Every unit belonging to an independent part of speech have peculiarities of expressing a meaning and being related to a notion, and at the same time can be seen as a concept. In this respect the words belonging to the part of speech of verb are characterized by their specialty as they have cognitive content from main part units. Let's take the verb «to work» as an example:

- 1) To be busy working, labor.
- 2) To occupy some position, serve.
- 3) To process something.
- 4) To create something.
- 5) To act, walk, obey.
- 6) To serve, carry on an activity.
- 7) To fulfill one's task properly.
- 8) To earn working [15. 256].

The verb *to work* serves for organizing and disclosing the essence of the concept sphere of «activity». That is why it stays in the line of concepts of «labor», «action», «deed». In our opinion as concept is realized through the frame of knowledge on the basis of notion united in sememes, the essence of these frames is reflected in the form of semantic «small parts» of cognitive content in semes of sememes.

In general, a complex many sided cognitive content is reflected in verb semantic.

From the point of view of nationally peculiarizedness of the semantic structure of verbs, they can be divided into the following groups:

- Verbs whose semantic structure is wholly formed;
- Verbs whose some sememes are nationally peculiarized;
- Verbs whose one sememe is nationally peculiarized.

Various different forms of verbal expression of knowing reality and relation to it are encoded. They are means of expressing spiritual condition and mood. These words are distinguished as a result and means of seeing reality and its reflection in mind. For example, expressing hatred or love in a certain language is not merely a collection or combination of words. They can be defined as a presentation of people's model of cognition the objective reality codes formed during a long period of time and as semantic codes combined great life experience and relations.

Love and hatred are not feelings which arise just for the sake of it. It consists of a whole scenario and each phase of it and human factor play great role here. A condition bringing from an event to hatred is a continuous process: an event causing hatred, hatred, attempt to hold back the hatred, losing control, punishment. There is an attitude on the basis of each of them, and there is

national character and spirit expressing these relations. In other words, people do not get hatred or love, kindness from nowhere. They comprise a whole scenario, and so the role of every phase of it, every person involved have a great significance.

First of all, it is necessary to find out if the attitude (relation) is of national, personal or ethnic character, and spiritual condition is expressed by verbs with *archi* - seme of “holding back oneself.” Verbs with *archi* - seme of “holding back oneself” can be divided into three groups:

1. Verbs expressing the behavior of attitude towards oneself in condition of hatred (*ўзини йўқотиб қўймоқ* – to lose oneself, *қотиб қолмоқ* – to stop dead, *ўзини тутолмаслик* – not to be able to keep oneself, *оғир бўлмоқ* – to be heavy (to hold back anger), *кайфити тушмоқ* – to have bad mood, *тушкунликка тушмоқ* – to be depressed, *руҳи тушмоқ* – to be out of spirit, *руҳсизланмоқ* – to be spiritless, *синмоқ* – to be broken, *адо бўлмоқ* – to be finished, *адои тамом бўлмоқ* – to be fully finished *аламини ичига ютмоқ* – to hold the evil inside, *ғамга ботмоқ* – to be full with sorrow, *гезармоқ* – to stare, *дами ичига тушиб кетмоқ* – not to say a word, *жахлини босмоқ* – to hold back one’s anger, *ирганмоқ* – to be irritated, *иркилмоқ* – to be irritated, *қайғурмоқ* – to worry, *карахтланмоқ* – to become senseless, *қийналмоқ* – to suffer, *кўнгли узмоқ* – to end up with the ties, *кўнгли бузилмоқ* – to lose senses, *кўнгли қолмоқ* – to be out of senses, *кўнгли оғримок* – to have broken heart, *кўнглига олмоқ* – to receive to the bottom of one’s heart, *маъюсланмоқ* – to become sad, *обдирамоқ* – to be shivery, *озорланмоқ* – to be offended, *ранги ўчмоқ* – to become pale, *сўкинмоқ* – to scold, *талвасаланмоқ* – , *тамом бўлмоқ* – to be finished up, *таъсирланмоқ* – to be impressed, *тийилмоқ* – to abstain, *ўзини босмоқ* – to do with smth., *ўзини тутмоқ* – to abstain, *ўксимоқ* – to be wounded to the soul, *ўтақаси ёрилмоқ* – to be very much afraid, *шумшаймоқ* – to be spiritless, *эзилмоқ* – to be pressed, *юз ўғирмоқ* – to look aside from someone’s face (to forget someone));

2. Attitude towards another person in condition of hatred (*ўқраймоқ* – stare, *ўшқирмоқ* – bowling, *бақирмоқ* – shout at, *ёвқараш қилмоқ* – to look with evil eyes, *хезланмоқ* – to be about to strike, *тикилмоқ* – stare, *ёб қўйгудек бўлмоқ* – to look at someone as if to be ready to eat up him, *нафратланмоқ* – to hate, *оғринмоқ* – to be hurt, *инжиқлик қилмоқ* – to act up, *ранжимок* – to be offended, *адабини бермоқ* – punish someone, *аламини олмоқ* – revenge, *аламдан чиқмоқ* – to revenge and be happy, *буйдаламоқ* – to scold, *ғашланмоқ* – to be irritated, *ғижинмоқ* – to be ready to fight, *гўрига ғишт қаламоқ* – to bring bricks to someone’s grave (to speak badly about someone), *дабдала қилмоқ* – to destroy, *ижирғанмоқ* – to be irritated, *Исони аламини Мусодан олмоқ* – to have Jesus’ revenge upon Moses, *қизаришмоқ* – to blush, *қонсирамоқ* – to be bloody, *кўзи олаланмоқ* – to roll one’s eyes, *кўнгли совумок* – to have a cold heart to, *ола қарамоқ* – to look at someone with evil

eyes, олаймоқ - stare, сўкмоқ – strip off, терсаймоқ – to be arrogant, тескарилашмоқ – to be against, хўмраймоқ – to frown).

3. Verbs expressing behavior of attitude of a person towards society in the condition of hatred (бемаънилик қилмоқ – todo nonsense, издан чикмоқ – to lose one's way, безорилик қилмоқ – to become a hooligan, ружу қуймоқ – to become an addict, совимоқ – to become cold for, бузилмоқ – to be corrupted, бош кутармоқ – to revolt, вахшийлашмоқ – to become wild, тарки дунё қилмоқ – to forget the world) [2. 152-153].

An afford of holding back hatred is marked with such personal and moral characteristics as will, behavior, character, outlook and such social relations and national and ethic principles as ethics and *andisha*-sense (the Uzbek noun **andisha** means a feeling of shame to tell the truth to someone who is guilty for not wanting to hurt him). That is why the seme of “holding oneself back from” prevails and on the basis of holding oneself back there is **andisha**.

On the basis Uzbek mentality **andisha** has a prevailing importance. This is why the essence – place, role of **andisha** in the national concept sphere and its relations with other concepts are very complicated; it comes across with such other concepts as fear, shame, dignity, conscious, *iyman* (Islamic believe) in many cases.

The above mentioned verbs of group one prevail the verbs of other two groups in number, and majority of them might be connected with the concept of **andisha** and this fact has some basis of connection with national mentality atmosphere.

The features of the national concept of **Andisha** which is marked as “acting keeping in mind possible consequences or idea expressed with **yuz-hotir** – face-respect (trying not to hurt others while speaking), feelings of **sharm-hayo** – shame (being bashful) and dignity, are peculiar to the verbs of group one as *қотиб қолмоқ – to stop dead, оғир бўлмоқ – to be heavy (to hold back anger), аламини ичига ютмоқ – to hold the evil inside, жахлини босмоқ – to hold back one's anger, обдўрамоқ – to be shivery, озорланмоқ – to be offended, тийилмоқ – to abstain, ўзини босмоқ – to do with smth., ўзини тутмоқ – to abstain*. A man who has **andisha** can hold himself back even in the condition of hatred, can control himself patiently.

Andisha (holding oneself back) is the basis of the quality will-power. This condition is not only peculiar feature of a person formed within the individuality. Here environment is connected with the degree of development of outlook, patience which is the possibility of taming inner reaction, national upbringing, and religious believe.

Patience – one of the principles of Islam. Islam teaches that being patient, having beautiful morals, being soft (polite) natured and being a good man is not an easy thing to do. This demands a good deal of effort and will. Avoiding a difficult task means being impatient. That is why asking Allah for patience is the aim of a Mumin (real Muslim man). Happy and unhappy days, success and

misfortune accompany a man throughout his life. There is no full happiness or unhappiness; there are only happy and unhappy moments in life. “Restraining oneself” applies to both conditions of life equally. When a man is very happy he may be over proud or when he is extremely unhappy he may not behave properly and it is needed to keep one’s temper. Keeping one’s temper is measured by the level of **andisha**.

Patience, first of all, keeps the tongue from complaints, bad words and phrases. Not concluding hurriedly, and not expressing the final conclusion however hurt a man is and however his soul is destroyed is the fruit of **andisha**. A man, even if his hatred to his wife is so strong, holds himself back from saying the word “Talaq” (Muslim divorce), the phrasal verb “to give talaq” is used much less than other verbs in our national language, and this is the demonstration of that great patience and high **andisha**. “Family is a holy, sacred institute; it is not a joke or a toy. That is why Allah put forward very hard conditions for talaq. If the word “Talaq” is pronounced by a man, only after fulfilling these conditions, living together might be allowed. A wise man holds himself back from saying the word “Talaq” when he remembers those conditions [18. 234].”

The verbs of the group of “Controlling one’s temper” are divided into three:

1. Verbs describing higher point of patience - “Controlling one’s temper”: *to be heavy (to hold back anger, аламини ичига ютмоқ – to hold the evil (revenge) inside, жахлини босмоқ – to hold back one’s anger, тийилмоқ – to abstain, ўзини босмоқ – to do with smth., ўзини тутмоқ – to abstain;*
2. Verbs describing middle point of patience - “Controlling one’s temper”: *ўзини йўқотиб қўймоқ – to lose oneself, қотиб қолмоқ – to stop dead, кайфити тушмоқ – to have bad mood, тушкунликка тушмоқ – to be depressed, руҳи тушмоқ – to be out of spirit, руҳсизланмоқ – to be spiritless, синмоқ – to be broken, адобўлмоқ – to be finished, ғамга ботмоқ – to be full with sorrow, дами ичига тушиб кетмоқ – not to say a word, қайғурмоқ – to worry, қарахтланмоқ – to become senseless, қийналмоқ – to suffer, қўнғил узмоқ – to end up with the ties, қўнғили бузилмоқ – to lose senses, қўнғили қолмоқ – to be out of senses, қўнғили оғримоқ – to have broken heart, қўнғилига олмоқ – to receive to the bottom of one’s heart, маъюсланмоқ – to become sad, обдирамоқ – to be shivery, озорланмоқ – to be offended, талвасаланмоқ – , тамом бўлмоқ – to be finished up, таъсирланмоқ – to be impressed, ўксимоқ – to be wounded to the soul, ўтақаси ёрилмоқ – to be very much afraid, шумшаймоқ – to be spiritless, эзилмоқ – to be pressed, юз ўғирмоқ – to look aside from someone’s face (to forget someone);*
3. Verbs describing lower point of patience - “Controlling one’s temper”: *ўзини тутолмаслик – not to be able to control oneself, қзини боса олмаслик – not to be able to calm down, гезармоқ – to stare, ирганмоқ –*

to be irritated, иркилмоқ – not to pay attention, ранги ўчмоқ – to become pale, сўкинмоқ – to scold.

We can see that the verbs of group expressing meaning of “controlling one’s temper” can be seen among the verbs of group expressing “patience”. United they can express the concept of **andisha**. And **andisha** is one of the central traditional features of Uzbek national psychology.

The man has great potential. This is the power gifted to him by the Creator. But this potential can be enriched or not used in full by every personality taking into consideration his individual characteristics and circumstances. Those who have limited patience, have limited borders of “self control”, and they may not hold back themselves while attitude towards others in situations of “explosive effect”. In such situations behavior finds its reflection in the following verbal and non-verbal means (levels):

1. Verbs expressing non-verbal attitude of hatred towards others: *ўқраймоқ – stare, ёвқараи қилмоқ – to look with evil eyes, хезланмоқ – to be about to strike, тикилмоқ - stare, еб қўйгудек бўлмоқ – to look at someone as if to be ready to eat him up, нафратланмоқ – to hate, гижинмоқ – to be ready to fight, ижирганмоқ – to be irritated, қонсирамоқ – to be bloody, кўзи олаланмоқ – to roll one’s eyes, кўнгли совумоқ – to have a cold heart to, ола қарамоқ – to look at someone with evil eyes, олаймоқ - stare, сўкмоқ – strip off, терсаймоқ – to be arrogant, тескарилашмоқ – to be against, хўмраймоқ – to frown;*

2. Verbs expressing verbal attitude of hatred towards others: *ўшқирмоқ - bowling, бақирмоқ – shout at, инжиқлик қилмоқ – to act up, гўрига ғишт қаламоқ – to bring bricks to someone’s grave (to speak badly about someone), дабдала қилмоқ – to destroy, Исони аламини Мусодан олмоқ – to have Jesus’ revenge upon Moses , қизаришмоқ – to blush, сўкмоқ –to strip off.*

Non-verbal expression of hatred towards others can be noticed in face expressions and body movement. But in this case one avoids using verbal means of expression of hatred; is able to hold back his tongue even at the edge of his anger. Again we can see the expression of patience and **andisha**.

In the second case, the verbs show that the person using them is beyond the limit of patience, as he is not able to hold back his tongue.

We can see the opposition of patience and impatience in the actions expressed by these verbs. They are the continuation of the verbs of “patience”. We also can see that in the second group of they express the lowest degree of patience.

The structure of the concept of **andisha**, as above said, is complex and its frames are formed on the basis of other concepts:

1. Andisha – as expression of shame
2. Andisha – as a result of patience
3. Andisha – as a mark of iman

The first frame of the concept of **andisha** is mainly characterized by national features. The following Uzbek verbs serve as presenters of this frame: *кайфияти тушмоқ* – to have bad mood, *тушкунликка тушмоқ* – to be depressed, *руҳи тушмоқ* – to be out of spirit, *руҳсизланмоқ* – to be spiritless, *синмоқ* – to be broken, *замга ботмоқ* – to be full with sorrow, *даму ичига тушиб кетмоқ* – not to say a word, *қайғурмоқ* – to worry, *карахтланмоқ* – to become senseless, *ўқсимоқ* – to be wounded to the soul, *эзилмоқ* – to be pressed etc.

The second frame of the concept of **andisha** is characterized by less national features than the first frame, and it has more private categories than national categories. Patience based on the power of will of a person cannot be differentiated by nationality. The following verbs maybe included into the verbs expressing it: *жаҳлини босмоқ* – to hold back one's anger, *тийилмоқ* – to abstain, *ўзини босмоқ* – to keep one's temper, *ўзини тугатмоқ* – to control oneself etc.

Andisha used as a mark of iman is connected with religious believe. A vivid example of it can be seen in “Past Days” (a famous novel by a well known Uzbek writer Abdulla Kodiriy) in the episode of poisoning Kumush by Zaynab when Yusufbek Khodji (two of the main personages of the novel) controls himself in this perilous moment:

...Kumush swiftly opened and closed again her eyes when she heard the word “Talaq”... Khodji had heard the news from the healer, that is why he was not amazed.

“Go out, Zaynab, go out!,” he also said, “May such a woman as you be cursed.”

Zaynab went aside and left the room... Khodji sat down at the Kumush's head. Otabek and his mother were standing, Kumush's eyes were closed; her hair was lying on her face disorderly. Khodji himself smoothed her hair; saw her face which had turned blue and pressed her forehead...

The situation was so perilous and the event was so disastrous that it was impossible to expect more patience from Khodji who was a man of great iman. The author describes this situation with **he was not amazed**, and loads this phrase with burden of tragedy together with some shades of patience. We can see from the plot that the words “Go out, Zaynab, go out! ...May such a woman as you be cursed.” can be regarded as quit a mercifulness for what Zaynab had done. And andisha did not leave Kumush who was nearly at death's door: Kumush who was lying after vomiting, opened her eyes widely and looked around impatiently:

“Mom... dad,” then moaned, “begin,” (my bek- (bek-noble title)) put her face on her own face, closed her eyes with a little smile...

... “with a little shame” Kumush was a good example for a person gifted with shame and andisha. Otabek (husband of Kumush and Zaynab) couldn't

control himself and this is normal for the situation. But his speech is connected with his being in passion:

Otabek moved away from Kumush and took the atala (porridge) from the floor, "Eat it, eat bitch!" Zaynab stepped back... Otabek threw the bowl at her... Zaynab's dress got stained with the atala. At that very moment Yusufbek Khodji entered the room. "Go out bitch, go out!" I grant you talaq, talaq!

Otabek's throwing the bowl, using the phrase *go out* with vulgar intonation, were like the last arrow of the tensely tied bow.

Exposition of andisha and andishlessness, patience and impatience in national and personal means finds its great reflection in this little episode.

Verbs are presenters connected with systematic attitude expressing the scenario of growing from andisha to andishlessness and from patience to impatience. The verbs of the latter episode express this growing succession of events: *stepped back, threw, got stained*. Both catharsis (threw) and sapsens (got stained) are organized on the basis of unity of meaningful features of verbs. These verbs do not express spiritual condition directly. But there is a strong logic on the basis of organizing them as constituent parts of an integral system. The verb expressing sapsens (got stained) resembles embers which is stronger than flames – flames of Otabek's hatred which go down. Otabek's whole essence was like burning embers...

Verbs constituting the scenario of fluctuation in human spirit come to a syntagmatic relation while expressing present reality on the basis of systematic features of paradigmatic relations and make up instantaneous state. Here, the state puts them in order in the structure of a new system. Even in this new system, instable linguo-cultural value of verbs serve as a basis; some verbs participate in the vortex of events as indirect constituents.

Andisha is the basis of strong will quality of «holding oneself». **Sabr** (patience) is one of the main notions of Islam. **Sabr** mainly holds the tongue from complaints, bad words and phrases.

1) The following are the verb expressing the idea of «holding oneself» in the higher level of sabr: *оғир бўлмоқ* – to be heavy (to hold back anger), *аламини ичига ютмоқ* – to hold the evil inside, *жахлини босмоқ* – to hold back one's anger, *тийилмоқ* – to abstain, *ўзини босмоқ* – to do with oneself, *ўзини тутмоқ* – to abstain *ўзини тутмоқ* – to abstain.

2) The following are the verb expressing the idea of «holding oneself» in the medium level of sabr: *ўзини йўқотиб қўймоқ* – to lose oneself, *қотиб қолмоқ* – to stop dead, *кайфити тушмоқ* – to have bad mood, *тушкунликка тушмоқ* – to be depressed, *руҳи тушмоқ* – to be out of spirit, *руҳсизланмоқ* – to be spiritless, *синмоқ* – to be broken, *адо бўлмоқ* – to be finished, *адои тамом бўлмоқ* – to be fully finished, *замга ботмоқ* – to be full with sorrow, *дами ичига тушиб кетмоқ* – not to say a word, *қайғурмоқ* – to worry, *карахтланмоқ* – to become senseless, *қийналмоқ* – to suffer, *кўнгли узмоқ* – to end up with the ties, *кўнгли бузилмоқ* – to lose senses, *кўнгли қолмоқ* – to be

out of senses, *кўнгли оғримоқ* – to have broken heart, *кўнглига олмақ* – to receive to the bottom of one's heart, *маъюсланмоқ* – to become sad, *обдирамоқ* – to be shivery, *озорланмоқ* – to be offended, *талвасаланмоқ* – to be fevered, *тамом бўлмоқ* – to be finished up, *таъсирланмоқ* – to be impressed, *ўксимоқ* – to be wounded to the soul, *шумшаймоқ* – to be spiritless, *эзилмоқ* – to be pressed, *юз ўғирмоқ* – to look aside from someone's face (to forget someone)

3) The following are the verb expressing the idea of «holding oneself» in the medium level of *sabr*: *ўзини тутолмаслик* – not to be able to keep oneself, *ўзини боса олмаслик* – not to do with oneself, *гезармоқ* – to stare, *ирганмоқ* – to be irritated, *иркилмоқ* – to be irritated, *ранги ўчмоқ* – to become pale, *сўкинмоқ* – to scold.

We can see that verbs meaning group of «holding oneself» takes place in the semantic group of verb of «*sabr*». As a unit they express the concept of «*andisha*». And *andisha* is one of the core components of Uzbek national psychology. Those people whose *sabr* features are limited have narrow (little) «holding oneself» characteristics, and in explosive situations a person's behavior of attitude towards others may come out of control. In this situation the behavior finds its reflection in verbal or none verbal means:

1) Verbs expressing none verbal attitude of hatred towards others: *ўқраймоқ* - stare, *ёвқараш қилмоқ* – to look with evil eyes, *хезланмоқ* – to be about to strike, *тикилмоқ* - stare, *еб қўйгудек бўлмоқ* – to look at someone as if to be ready to eat up him, *нафратланмоқ* – to hate, *ғижинмоқ* – to be ready to fight, *ижирғанмоқ* – to be irritated, *қонсирамоқ* – to be bloody, *кўзи олаланмоқ* – to roll one's eyes, *кўнгли совумоқ* – to have a cold heart to, *ола қарамоқ* – to look at someone with evil eyes, *олаймоқ* - stare, *сўкмоқ* – strip off, *терсаймоқ* – to be arrogant, *тескарилашмоқ* – to be against, *хўмраймоқ* – to frown

2) Verbs expressing verbal attitude of hatred towards others: *ўшқирмоқ* - bowling, *бақирмоқ* – shout at, *инжиқлик қилмоқ* – to act up, *гўрига ғишт қаламоқ* – to bring bricks to someone's grave (to speak badly about someone), *дабдала қилмоқ* – to destroy, *Исони аламини Мусодан олмақ* – to have Jesus' revenge upon Moses, *қизаришмоқ* – to blush, *сўкмоқ* – strip off.

The structure of concept *andisha* is complex as it was said above, and its frame is erected in the course of other concepts:

- 1) *Andisha* – expression of shame
- 2) *Andisha* – result of patience
- 3) *Andisha* – a sign of *Iyman*

Verbs forming the scenario of fluctuations in person's spirituality, make up momentary situation in expressing the very reality on the basis of systematic features in paradigmatic relations begin syntagmatic relation, and the circumstance bring them into the content of a new system. In this formation too

lingua-cultural value of verbs serve as a basis, some verbs act as direct means of the course of events.

Semantic structure of any word is very complex from the cognitive point of view, and this complexity is connected with peculiar features of paradigmatic and syntagmatic semantic scenario. The process of cognition in the word and cognitive condition are explained in integrity with synchronic and diachronic features.

Word meaning has universal, national, ethnical, and personal peculiarities, and this reflects the general and private dialectics. As J. Lakoff, one of the founders of cognitive linguistics which put forward the idea that the word meaning expresses the scenario of formation of knowledge and the structure of existence, states that the meaningful aspect of language expressions expresses systematically an ensemble of knowledge structured in accordance with complex cognitive model [12. 127]. The word meaning is very abstract in relation with its complex knowledge. It is like a code or model bearing the essence of the concept. Like the phonetic structure is the model of its meaningful aspect, meaningful aspect itself is a model of the collection of knowledge. The prototype of knowledge scenario is a semantic scenario.

The members of the meaning group of «holding oneself» are mutually distinguished from the point of view of attitude towards the essence of this group. The phrase «to hold oneself» is in the center of units comprising this group, and more fully reflects the essence of general archi-seme than other units. The phraseological unit *to lose control* takes one of the last places in this system. The dissertation is grounded with certain examples on theoretical basis.

Conclusion

Verbal and cultural differences have been criteria of evaluating relations between nations and people. Because in the verbal depiction of the world, specific features of semantic structure of the expressive means of the language can be clearly seen. National idea forms national outlook, and national notion is more reflected in lexical structure.

Meaningful value of lexeme is displayed more independently and clearly than other language phenomena. It is the main unit in all functions of the language, and this proves that this is the basis of such linguistic researches as the analysis of lexical structure, research, disclosing peculiarities and generalizing.

Addressee is an active subject in hermeneutical analysis, and semasiology learns such aspects of its object as modern and historical, cultural, literal-aesthetic and philosophical in integrity. The problem of modern pragmatic linguistics was also learned by classical hermeneutics; the today's condition of the object was the object of analysis of those times. In general, the linguistics of the past is the historical root of the branches of contemporary linguistics.

Linguistic paradigms multiplied in the twentieth century linguistics, oppositional conclusions appeared in analysis, but we have to deal with it in accordance with the principle of accepting naturally and filling with colorful results. Speech existence, thought, consciousness, language concepts are central ideas for classical semasiology, it has now great methodological value after hermeneutics. In the new era the relations of verbal sign and meaning are described as a psychological phenomenon, and this is connected with growing of anthropocentric approach in these interpretations.

In the national essence of language units verbal and non-verbal features exist integrally, that is why history and period, social-economic outlook, natural geographical features and conditions are the features covered by cognitive concept. This condition demands the integrity of differentiating pure national and national-cultural features in verbal phenomena and separating national-cultural peculiarities.

Learning lexical-semantic phenomena directly connected with the problem of integrity of language and culture and leveling them according to the degree of their relatedness comprises the basis of carrying out the analysis consciously and purposefully. In lingua-cultural analysis of lexical phenomena it is necessary to pay greater attention to the phenomena conveying vivid national peculiarities and reflecting the integrity of national-mental aspects. This is connected with the possibility of determining units with clear lingua-cultural signs and units with abstract lingua-cultural signs. Conceptual approach comprises the basis of interpretation of lingua-cultural peculiarities. There is problem of choosing a language phenomenon for lingua-cultural interpretation. Broadness of the object of investigation as well as the unity of language and culture are the basis of any language and this creates difficulty in the interpretation of the matter.

In order to differentiate notion and meaning, it is necessary to find out how many notions a word has. If this problem is not solved scientifically, different other ways of solving it will not stop having problems. As any notion is created in certain national-cultural environment and then it gets universal, the peculiarities of the national-cultural environment will be preserved in its universal essence in some respect.

Lexical meaning in verb lexemes, its content and development, quality and quantity types of the lexical meaning have been learned in some extent. Semantics of verbs is complex, many-sided and cognitive. Bringing them into a system, checking structural relations among the units forming this system and coming to necessary conclusions are important in evaluating lingua-cognitive value of verbal phenomena.

Verbs describing man's spiritual world have syntagmatic interaction expressing some situation based on their systematic features, and make it instantaneous, and here transitional situation brings them a new system. In this

transitive situation the content of dictionary meaning of verbs serve as the markers of stable lingua-cultural value.

National knowledge on the basis of semantic model of verbs have broad aspects and a lot of types. Researching this brings to systematic approach in lingua-cognitive interpretation. And the conclusions of investigating knowledge formed as a result of encoded national psychology in this or that lexical semantic system can be theoretical basis for comparative lingua-cognitive researches.

References:

1. Apresjan Ju.D. Izbrannye trudy, T.2. Integral'noe opisanie jazyka i sistemnaja leksikografija. – M.: Shkola, 1995. – C. 645-646. (in Russian)
2. Apresjan Ju.D. Osnovaniya sistemnoj leksikografii. // Jazykovaja kartina mira i sistemnaja leksikografija / Otv. red. Ju. D. Apresjan. M., 2006. – C.152-153. (in Russian)
3. Berezovich E.L. Russkaja toponimija v jetnolingvisticheskom aspekte. – Ekaterinburg, 2000. – S. 34. (in Russian)
4. Ermakova O.P., Zemskaja E.A., Rozina R.I. Slova, s kotorymi my vse vstrechalis': Tolkovyj slovar' russkogo obschego djargona: Ok. 450 slov / Pod obschim rukovodstvom R.I. Rozinoj. – M.: Azbukovnik, 1999. – S. 98-99. (in Russian)
5. Gak V.G. Nacional'no jazykovaja specifika meronimicheskikh frazeologizmov // Frazeologija v kontekste kul'tury. – M.: Jazyki russkoj kul'tury, 1999. – S. 260-261. (in Russian)
6. Jakobson R. Izbrannye raboty po lingvistike. – Blagoveschensk: BGK im. I.A.Bodujena de Kurtene, 1998. – S. 306. (in Russian)
7. Kabakchi V.V. Osnovy anglojazydnoj medjkul'turnoj kommunikacii. – SPb.: RGPU im. A.I.Gercena, 1998. (in Russian)
8. Karimov I.A. Juksak manavijat – engilmas kuch. – Toshkent: Manavijat, 2007. – B.87. (in Uzbek)
9. Komilov N. Tafakkur karvonlari: sharq garbning civilizacijavij aloqalari. – Toshkent: Sharq, 2011. – B. 229. (in Uzbek)
10. Kubrjakova E.S. Vozvraschajas' k opredeleniju znaka // Voprosy jazykoznaniya. 1993. № 4. – S. 18-28. (in Russian)
11. Lado R. Lingvistika poverh granic kul'tur // Novoe v zarubednoj lingvistike. Vypusk XXV. – M.: Progress, 1989. S. 32-62. (in Russian)
12. Lakoff Dj. djenschiny, ogon' i opasnye veschi: chto kategorii jazyka govorjat nam o myshlenii. – M., 2004. – S. 527. (in Russian)
13. Maxmudov N. Tilimizning tilla sandigi. – Toshkent: Gafur Gulom, 2012. – B.65. (in Uzbek)
14. Nematov X., Bozorov O. Til va nutq. – Toshkent: Oqituvchi, 1989. – B.18. (in Uzbek)
15. Ozbek tilining izohli lugati. 2– djild. – Toshkent: Ozbekiston millij jenciklopedijasi, 2006. – B. 256. (in Uzbek)

16. Ozbekiston Respublikasi Prezidenti Shavkat Mirzijo'evning Oliy Madjlisga Murodjaatnomasi /prezident.uz/uz/lists/view/137). (in Uzbek)
17. Potebnja A.A. Jestetika i pojetika. – M.: Iskustvo, 1976. – S. 176. (in Russian)
18. Rumij Jaloliddin. Commentaries on Masnaviy stories. Naynoma. Masnaviy Wise Stories/Jaloliddin Rumiy: Preparatory work for publishing by A. Tailov. – Tashkent: Navroz, 2016. – 404 pp. (in Uzbek)
19. Sajfullaeva R., Mengliev B, Boqieva G. Hozirgi ozbek adabij tili. – Toshkent: Fan va tehnologijalar, 2010. – B. 49. (in Uzbek)
20. Sepir Je. Izbrannye trudy po jazykoznaniju i kul'turologii. – M., 1992. – 319 s. (in Russian)
21. Shvejcer A.D., Nikol'skij L.B. Vvedenie v sociolingvistiku. – M.: Vysshaja shkola, 1978. – S. 37. (in Russian)
22. Vereschagin E.M., Kostomarov V.G. Lingvostranovedcheskaja teorija slova – M.: Russkij jazyk, 1980. – S. 192–193. (in Russian)
23. Vorob'ev V.V. O ponjatii lingvokul'turologii i ee komponentah //Jazyk i kul'tura: Vtoraja medjdunarodnaja konferencija. Kiev, 1993. – S. 42-48. (in Russian)

Internet resources:

24. <http://www.filologia.su>
25. http://www.philjournal.nosu.ru/images/nomera/arxiv2009_2014
26. <http://www.ccsenet.org/journal/index.php/ijel/article/viewFile/42630/23311>
27. <http://www.dissercat.com>
28. <http://www.unipi.it>

НАЗВАНИЯ УЗБЕКСКИХ НАЦИОНАЛЬНЫХ БЛЮД КАК ОТРАЖЕНИЕ УЗБЕКСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ САМОБЫТНОСТИ

Раджабова Азима Темуровна
Бухарский государственный
медицинский институт

Names of Uzbek national dishes as reflection of Uzbek national identity

Azima Radjabova

Введение

Все ученые, занимающиеся теоретическими и практическими вопросами языкознания, не исключают функции языка (его накопительной функции), который передает человеческий опыт и знания многим

последующим поколениям. Ибо с древних времен до настоящего времени человечество было постоянным спутником человечества, единственным партнером на всех этапах развития и явным надежным свидетелем своей социальной жизни. Это одно из доказательств того, что язык отражается в зеркале каждой детали человеческой жизни. Это особенно заметно в лексиконе областей, где рассматриваются определенные области человеческой жизни. Названия блюд, которые мы изучаем, стали продуктом этого исторического развития, социальной эволюции, прошли определенные этапы и стали частью настоящего. Можно проследить следы исторического развития, которые изучали народы региона, связи и влияния этой нации с другими народами, а также духовность и образ жизни людей. Хотя известно, что узбекский язык имеет турецкое происхождение, в прошлом он был социально-политическим, экономическим, культурным и духовным со многими народами и их языками. Естественно, что его яркие следы и искры исторического развития могут быть сохранены в словах, которые описывают название блюда. Это законный факт, что названия блюд отражают взаимодействие населения района исследования с хорезмским, согдийским и персидоязычным населением. В связи с этим целесообразно изучить основы названий блюд, изученных в связи с этими отношениями и социально-историческими причинами. Это связано с тем, что, изучая названия блюд, можно выявить уникальность, этнопсихологию и различия узбекского народа. Не только чисто языковые явления, но и неязыковые события были основой для именования. Согласно содержанию и значению названий блюд, которые собираются, большинство из них происходит от национального языка. Некоторые из основных значений - слова, которые являются нечеткими, денотативными значениями, которые могут быть изучены только посредством этимологического анализа. Это имеет большое значение как языковой фактор, который помогает восстановить отношения изучаемого языкового населения к другим народам и языкам. Следовательно, названия таких блюд сохранили черты фольклора во время его появления. Это исследование опиралось на теорию номинаций, которая имеет широкое и глубокое научное обоснование в лингвистике для изучения названий исследуемой пищи. Исходя из этого, к объекту исследования были привлечены названия простых и составных блюд. Поскольку эти события языковых единиц лексикализации, а еда стала реальными именами, используемыми для лексических единиц, которые были приняты во внимание Г.В.Колшанский отмечает, что «лексические формы именования языков (все типы слов или грамматических структур) имеют все признаки, необходимые для представления конкретного объекта». Это подразумевает, что термин «единицы измерения» следует относить к объекту исследования как к единицам питания. Из этого можно сделать вывод, что принцип именования во все времена основан на вовлечении национального языка и

его средств в определенные сферы жизни, и этот принцип составляет основу теории номинации. В нем одинаково важны как лингвистические, так и языковые явления. Имена, слова, фразы и номинативные продукты в форме сложных соединений, которые мы изучаем, соответствуют основным требованиям теории номинаций, которая является результатом их языкового, образа жизни и различных языковых отношений. При изучении словарного запаса языка как системы важно опираться на гипогиперономические отношения лексем: оно позволяет обобщать и дифференцировать значения предметов и явлений в природе и обществе, лексемы, которые являются языковыми названиями событий, и через эти значения понимать сами события. Поэтому желательно изучить названия блюд на узбекском языке как систему и мы разделили их на следующие лексико-семантические группы.

1. Названия блюд, связанные с названиями продуктов;
2. Названия блюд, связанные с народными ритуалами;
3. Названия блюд, связанные с названиями районов;
4. Названия блюд, связанные с методом приготовлением пищи;

И в этой статье мы поговорим о названиях первой группы блюд. Названия блюд этой группы далее подразделяются на более мелкие группы.

1. Названия блюд, связанные с названиями продуктов;

Названия блюд, которые изготавливаются из разных ингредиентов и, соответственно, разные имена, их особенности и язык жителей каждого региона имеют существенную разницу. Это результат образа жизни жителей района, влияния местных растений и животных, сельскохозяйственных культур на жизнь людей, их язык и, в конечном счете, в результате воздействует на наименование блюд. Большинство названий узбекской кухни произведены в честь продуктов, которые они производят. Хотя в каждой языковой области система названий продуктов содержит различные типы блюд, большинство из них основаны на названии продукта. Мы разделили их на 9 основных и 13 малых групп:

а) Названия блюд, приготовленных из муки или теста

- Названия блюд, приготовленных из муки (10)
- Названия, приготовленных из теста для первых блюд(53)
- Названия, приготовленных из теста для вторых блюд (22)

б) Названия блюд, приготовленных из зерновых культур(48)

с) Названия блюд, приготовленных из мяса

- Названия блюда, приготовленные из говядины (52)
- Названия блюда, приготовленные из баранины(34)
- Названия блюда, приготовленные из конины (5)

д) Названия блюд, приготовленных из мяса птицы

- Названия блюда, приготовленные из курятины(16)
- Названия блюда, приготовленные из перепелиного мяса(5)

- Названия блюда , приготовленные из индюшатини (3)
- Названия блюда , приготовленные из мяса кеклика(4)
- Названия блюда , приготовленные из утятины(1)
- Названия блюда , приготовленные из гусятины (2)
- Названия блюда , приготовленные из воробьиного мяса (1)
- е) Названия блюд, приготовленных из рыбных культур (9)
- ф) Названия блюд, приготовленных из яиц (10)
- г) Названия блюд, приготовленных из молочных культур (19)
- h) Названия блюд, приготовленных из овощных культур (52)
- і) Названия блюд, приготовленных из фруктов (10)

Названия блюд, приготовленных из муки или теста. Узбекские блюда, подразумевают различные тестовые изделия (вариации, используемых культур, таких как пшеница, кукурузные зерна, семенные культуры и т.д.) занимают первое место по количеству употребления, которые могут быть применены к другим типам блюд. Среди названий блюд анализ мучных блюд имеет наибольшее значение. Названия анализируемых узбекских блюд дано на узбекском, а описаний приведены на английском языке.

Названия блюд, приготовленных из муки

Ардоб- is a kind of meal combined with cooking wheat and flour and usually eaten without oil.

Атала is a kind of meal combined with frying the flour in the fat of the sheep's tail and adding the water and egg.

Атала-умоч is a kind of meal combined with frying flour in the fat of sheep's tail, adding the water, and egg, rice, pastry, beans.

Ёғли атала is a kind of meal combined with cooking firstly frying the flour in the fat of the sheep's tail, then adding some water and beaten egg, salt and pepper to taste.

Мошатаала is a kind of meal combined with cubed, boneless meat, chopped onions, grated carrot, beans, green pepper, red bell pepper, minced garlic, salt and pepper to taste.

Мунчок атала is a kind meal combined with frying the flour in butter or the fat of sheep's tail and adding boiled milk, rice, salt and pepper to taste.

Сутли атала is a kind of meal combined with frying flour in butter and adding milk instead of water, egg, salt to taste.

По территории Караколпакстана вместо молока в данное блюдо добавляют воду, соль во время приготовления и называется **сутли атала** . Это блюдо носит данное название повсеместно на территории Узбекистана.

Қиймали атала is a kind of meal combined with flour fried in fat of sheep's tail, and gravy that made of meat cut into small pieces, chopped onions, salt and pepper to taste.

Буламық (быламық) is a kind of liquid meal eaten by children combined with cooking flour with milk and usually eaten with butter and sugar.

Данное блюдо зависит от количества некоторых ингредиентов и имеет различные вариации такие как :майбиламық, кўкбиламық, жиғилдиқ биламық.

Соответственно региона Караколпакстана Мангит, Хўжайли, Кўнгирот употребляются следующие блюда : шпинат, (люцерна, рукола, щавель) измельчаются , тесто готовится из муки молочной кукурузы и лепятся изделия , которые называются в последствии кўкбиламық. В районе Тўтркўл данное блюдо называют **илдирма (илдырмә)** и употребляется в пищу с хлебом.В Хорезмском диалекте данное блюдо называют как илдирма .

Шопирма is kind of meal combined with frying onions and flour in the butter and add some water, eaten with kefir.

Название блюд, приготовленные из различных начинок и теста.

Манти is a kind of meal combined with putting the gravy that made of minced meat chopped onions, salt and pepper into the thin pastry made of egg, salt, water and flour.

Картошка манти is a kind of meal combined with putting the gravy that made of peeled and cubed potatoes, chopped large yellow onions, fat, salt and pepper into the pastry.

Карт думба манти is a kind of meal combined with putting the gravy that made of minced meat, the fat of sheep's tail, chopped onion, salt and pepper into the pastry.

Коваток манти is a kind of steamed meal combined with putting the gravy that made of minced meat, chopped onions, green pepper, diced and skinless tomatoes into the leaf of green grapes.

Мошли манти is a kind of meal combined with putting the gravy that made of boiled beans, chopped onions, salt and pepper into the pastry that made of egg, salt, water and flour.

Ошқовок манти is a kind of meal combined with putting the gravy that made of peeled and cubed pumpkin, chopped onions, salt and pepper into the thin pastry made of egg, salt, water and flour.

Очиқ манти is a kind of meal combined with putting the gravy that made of minced meat chopped onions, salt and pepper into the thin pastry made of egg, salt, water and flour.

Палов манти is a kind of meal combined with putting manti that prepared with putting the gravy made of minced meat, chopped onion, salt and pepper into pastry in pilaf.

Ромидор манти is a kind of meal combined with putting the gravy that made of cubed tomatoes without seed, chopped onions, salt and pepper into the thin pastry made of egg, salt, water and flour.

Қовурма манти is a kind of fried meal combined with pastry that made of eggs, salt, flour, water and boneless meat cut into small pieces, chopped onion, peeled and cubed potatoes and pepper.

Сув манти is a kind of soup combined with manti prepared with putting the gravy that made of minced meat chopped onions, salt and pepper into the thin pastry made of egg, salt, water and flour.

Турпли манти is a kind of meal combined with putting gravy that made of grated radish, chopped large yellow onions, salt and pepper to taste into the pastry that made of eggs, salt, water and flour.

Яхлит манти is a kind of meal combined with putting meat into vinegar added with some water, garlic, red bell pepper, greens, and chopped onions, fatty part of meat, salt and pepper to taste, and pastry that made of egg, salt, water, flour, and steam for 40 minutes.

Картошкали чучвара is a kind of meal combined with putting the gravy that made of fried, peeled and cubed potatoes, chopped large yellow onions, salt and pepper into the pastry.

Кўк чучвара is a kind of boiled meal combined with putting the gravy that made of fried, cut into small pieces spinach, chopped large yellow onion, salt and pepper into the pastry.

Помидор чучвара is a kind of meal combined with pastry that made of egg, salt, water, flour and gravy that made of frying dried tomatoes, chopped large yellow onion, salt and pepper to taste.

Тухум чучвара is a kind of meal combined with putting gravy that made of boiled, cut into small pieces eggs, fried chopped onions, salt and pepper to taste into the pastry.

Барак is a kind of meal combined with pastry that made of egg, salt, water, flour and gravy that made of minced meat, chopped large yellow onion, salt and pepper to taste

Гуруч лағмон is a kind of meal combined with adding the gravy that made of minced meat, chopped onions, diced, skinless tomatoes, green pepper with boiled rice, salt and pepper to taste.

Димлама лағмон is a kind of meal combined with steaming macaroni made in hand with gravy that made of minced meat, chopped large yellow onions, green pepper, diced tomatoes, salt and pepper to taste.

Ипак лағмон is a kind of meal combined with thin, cut pastry that made of egg, salt, water and flour and gravy that made of minced meat, chopped onion, diced tomatoes, salt and pepper to taste.

Кесма лағмон is a kind of meal combined with macaroni that made in hand and gravy that made of minced meat, chopped onions, diced and skinless tomatoes, salt and pepper to taste.

Макарон жаркоп is a kind of meal combined with boiling macaroni made in hand independently in salty water, and adding with gravy that made of frying minced meat, chopped large yellow onions, salt and pepper to taste.

Манпар is a kind of meal combined with boiling the pastry made in the shape of coin, and adding with the gravy made of fried minced meat, chopped onions, diced tomatoes.

Манчиза is a kind of meal combined with meat, chopped yellow onions, the bone and fat, peeled large baking potatoes, carrot, and pumpkin, cut pastry that made of egg, salt, water and flour into triangle form

Норин is a kind of steamed meal combined with putting the gravy that made of minced meat, chopped onions, diced tomatoes into pastry that made of egg, salt, water and flour.

Қиймали хунон is a kind of meal combined with pastry that made of eggs, salt, water, flour and gravy made of minced boneless meat, green pepper, chopped onion and diced tomatoes.

Қорин норин is a kind of meal combined with boiling stomach, radish, chopped onions and eaten with sauce.

Қовок хунон is a kind of steamed meal combined with pumpkin and pastry that made of eggs, salt, water and flour.

Қурук норин is a kind of meal combined with a mixture of horse's meat, like qazi that made horse's meat, and pastry that made of egg, flour, water and salt.

Турп норин is a kind of meal combined with fried and grated radish, pastry, made of flour, egg, salt, water, chopped onion, peeled carrot and potatoes, cut into two pieces, skinless tomatoes, garlic and red pepper.

Тухум барак I. is a kind of boiled meal combined with beaten eggs, milk, cotton or vegetable oil, salt, and pastry that made of egg, salt, water, flour.

Тухум барак II. is a meal eaten in Khorezm, prepared with putting a gravy that made of frying chopped large yellow onions with beaten eggs, into the pastry that made of egg, salt, water and flour.

Тухум барак III. is a kind of meal combined with putting a boiled, cut into small pieces eggs into the pastry.

Угра is a kind of meal combined with boiling pastry that made of egg, salt, water, and flour in salty water or soup.

Угра палов is a kind of pilaf combined with 4 normal pieces of boneless meat, chopped onion, peeled and cut into small pieces of carrot, caraway, salt, water and macaroni prepared in hand that made of egg, salt, water and flour.

Угра қуймоқ is a kind of steamed meal combined with pastry that made of only egg, salt and boiled in salty water, eaten with fried eggs.

Узмантой is a kind of meal combined with pastry made in the shape of coin that made of egg, salt, water and flour.

Вермишел жаркоп is a kind of meal combined with adding the gravy made of minced meat, chopped onions, diced and skinless tomatoes, salt and pepper with macaroni made in hand.

Вермишел лағмон is a kind of meal combined with steaming the gravy made of minced meat, chopped onions, diced and skinless tomatoes, salt and pepper with macaroni made in hand.

Вермишел палов is a kind of pilaf combined with 4 normal pieces of boneless meat, chopped large yellow onion, peeled and cut into small pieces of carrot, caraway, macaroni made in hand with milk, egg, salt and flour, instead of rice, salt and boiled water.

Хоним is a kind of meal combined with putting gravy that made of cubed meat, chopped onions, cubed potatoes, diced skinless tomatoes, salt and pepper to taste in thin pastry.

Хунон is a kind of meal combined with putting gravy made of minced meat, chopped large yellow onion, and green pepper, peeled and cubed potatoes, in pastry made of egg, salt, water and flour.

Ўрама is a kind of meal combined with frying pastry that made of egg, salt, water, flour, some sugar, butter, in the cotton oil.

Ютангза is a kind of steamed meal combined with pastry that made of egg, flour, salt, and water and eaten with sugar.

Ғалмана is a kind of fried meal combined with butter and green chopped onion, pastry made of egg, flour, water and salt.

Ғилминди is a kind of fried meal combined with pastry that made of egg, salt, flour, water and a mixture of fried flour, milk and sugar.

Шима is a kind of meal combined with boiling thick cut pastry that made of egg, salt, water, flour, and eaten with gravy that made of minced meat, chopped onions, diced tomatoes, salt and pepper to taste.

Ширин ютангза is a kind of meal combined with pastry that made of egg, salt, water, flour and eaten with adding sugar.

Чалпак is a kind of meal combined with frying pastry that made of egg, salt, water, flour in the vegetable oil.

Гўштқуйди is a kind of patty combined with putting the meaty into the thin, cubed pastry that made of egg, salt, water and flour.

Сиқмон is a kind of meal combined with boiling beans and meat, grated pastry made of egg, salt, water and flour.

Названия блюд, приготовленные из теста с жидкостью.

Бешбармоқ is a kind of liquid combined with gravy that made of minced meat, chopped large yellow onions, and thin, cubed pastry that made of egg, salt water and flour.

Боварти барак (in Khorazm) is a kind of soup combined with boiling chuchvara that made of putting gravy into the pastry in the soup made of chopped onions, green pepper, peeled potatoes, salt and pepper.

Қовурма чучвара is a kind of fried meal combined with mixture of minced boneless meat and chopped onion and pastry that made of eggs, flour, water and salt.

Угра чучвара is a kind of soup combined with meat, chopped onion, carrot, peeled potatoes, and macaroni with gravy that made of minced meat, chopped onion, diced tomatoes, salt and pepper to taste.

Чучвара is a kind of meal combined with pastry that made of egg, salt, water, flour and gravy that made of minced meat, chopped large yellow onion, salt and pepper to taste.

Чучвара шўрва is a kind of soup combined with meat, chopped onion, carrot, green pepper, peeled potatoes, and chuchvara that made of pastry made of egg, salt, flour, water and gravy made of minced meat, chopped onion, pepper and salt to taste. Same with bovarti barak.

Макарон шўрва is a kind of meal combined with meat with the bone and fat, chopped yellow onions, peeled large baking potatoes, carrot, and pumpkin, macaroni made in hand.

Норин шўрва is a kind of soup combined with norin made of putting the gravy that made of minced meat, chopped onions, diced tomatoes into pastry that made of egg, salt, water and flour.

Шипилдоқ is a kind of soup combined with meat, chopped onions, carrot, diced tomatoes, peeled potatoes, and thin cube pastry that made of egg, salt, water and flour.

Хўл норин is a kind of soup combined with meet, pastry, made of flour, egg, salt, water, chopped onion, peeled carrot and potatoes, cut into two pieces, skinless tomatoes, garlic and red pepper.

Қайиш оши is a kind of meal combined with pastry, made of egg, salt, water, flour, cut into larger form and eaten with butter, kefir or gravy made of boneless meat, large chopped yellow onions and diced tomatoes.

Қиймали угра оши is a kind of meal combined with macaroni and making the gravy in the form of circle, that made of minced meat, chopped onions, and diced tomatoes.

Қурдук is a kind of soup combined with meat, chopped onions, carrot, turnip, greens, and red bell pepper, peeled potatoes, skinless tomatoes, and making the pastry that made of flour of white maize egg, salt, water, in the shape of nut.

Сутли макарон оши is a kind of meal combined with cooking macaroni made in hand with egg, salt, milk, and flour and eaten with gravy made of chopped onions and skinless tomatoes, salt and pepper to taste.

Сутли угра оши is a kind of meal combined with cooking macaroni made in hand prepared with egg, salt, milk, and flour and eaten with boiled milk and butter, salt and pepper to taste.

Туппа оши is a kind of meal combined with boiling thin, cubed pastry that made of eggs, salt, water, flour and eaten with green apricot and fried chopped yellow onions;

Товуқ гўштли угра оши is a kind of meal combined with cooking chicken, chopped green onion, green pepper, diced tomatoes and macaroni that made in hand.

Угра чучвара is a kind of soup combined with meat, chopped onion, carrot, peeled potatoes, and macaroni with gravy that made of minced meat, chopped onion, diced tomatoes, salt and pepper to taste.

Узма is a kind of soup combined with meat, chopped large yellow onions, carrot, peeled potatoes and macaroni made in hand.

Вермишел шўрва is a kind of soup combined with macaroni made in hand, meat, chopped large yellow onion, peeled potatoes, tomatoes, carrot, turnip, green pepper, pumpkin, salt and pepper to taste.

Хамир чалов is a kind of soup combined with meat, chopped onion, and cubed thin pastry that made of egg, salt, water, and flour and usually eaten with adding butter.

Гўрали угра оши is a kind of meal combined with meat, chopped green onion, carrot, diced tomatoes, large baking potatoes, peeled and cubed, green apricot and macaroni.

Названия блюд, приготовленные из зерновых культур.

Бордоқ is a kind of meal combined with cooking the maize in the hot sand.

Бугдой палов is a kind of pilaf combined with 4 normal pieces of boneless meat, chopped large yellow onion, peeled and cut into small pieces of carrot, caraway, wheat instead of rice, salt and water.

Бўтқа is a kind of meal combined with boiling rice in water for 20 minutes and eaten with butter and sugar.

Гўжа (Гўжа оши) is a kind of meal combined with cooking boneless and skinless chicken in summer and eaten in cold form with chopped green onion putting it in vinegar added with water and greens.

Гўжа бўтқа is a kind of meal combined with boneless and skinless chicken, white maize, chopped onions, green pepper, diced, skinless tomatoes, salt and pepper to taste.

Сариёғли бўтқа I. is a kind of meal combined with boiling rice in salty water and eaten with fried chopped large yellow onion in butter, salt and pepper to taste.

Сариёғли бўтқа II. is a kind of meal combined with boiling rice, chopped large yellow onions, butter in salty water, salt and pepper to taste.

Сиқмон is a kind of meal combined with boiling beans and meat, grated pastry made of egg, salt, water and flour.

Ёрма is a kind of meal combined with boiling ground wheat, salt and pepper to taste.

Ёрма жўжа is a kind of meal combined with boiling ground wheat, boneless and skinless chicken, salt and pepper to taste.

Девзира палов is a kind of pilaf combined with four pieces of boneless meat, chopped large yellow onions, carrot, water, caraway, rice in big shape called “devzira” without putting it in boiled water.

Гуруч ҳаси is a kind of meal boiled with the following products as sheep’s or cow’s small and large intestine, filling with gravy made of rice, boiled, cut into small pieces repudiation, salt, black and red pepper.

Гуруч лағмон is a kind of meal combined with adding the gravy that made of minced meat, chopped onions, diced, skinless tomatoes, green pepper with boiled rice, salt and pepper to taste.

Ҳалим is a meal combined with wheat, boiled in water, meat, cut into pieces, salt, pepper and garlic.

Ивитма палов is a kind of meal combined with 4 normal pieces of boneless meat, chopped large yellow onion, peeled and cut into small pieces of carrot, caraway, and putting rice into boiled hot water, salt and water.

Ичакли шавла is a kind of meal combined with sheep’ or cow’s intestine, chopped large yellow onions, grated carrot, rice, the fat of sheep’s tail, salt and pepper to taste.

Кўк гуруч палов is a kind of pilaf combined with 4 normal pieces of meat, chopped large yellow onion, peeled and cut into small pieces of carrot, caraway, “blue rice” that is earliest harvest of rice, salt and boiled water.

Ловия оши I. is a kind of meal combined with frying minced meat, chopped onions, diced tomatoes, red beans, green pepper, red bell pepper, salt and pepper to taste.

Ловия оши II. is a kind of meal combined with frying minced mutton, chopped onions, diced tomatoes, red beans, green pepper, red bell pepper in the fat of sheep’s tail salt and pepper to taste.

Ловия оши III. is a kind of meal combined with frying minced meat, chopped onions, diced tomatoes, red beans, green pepper, red bell pepper, macaroni made in hand, salt and pepper to taste.

Ловия хўрак is a kind of meal combined with boiling the red-beans in salty water, and eaten with butter or fried chopped large yellow onions with greens, salt and pepper to taste.

Ловияли палов is a kind of pilaf combined with red-beans, 4 normal pieces of boneless meat, chopped large yellow onion, peeled and cut into small pieces of carrot, caraway, rice, water, salt and pepper to taste.

Ловияли шавла is a kind of meal combined with boneless meat, grated carrot or pumpkin, red-beans, chopped large yellow onion, vegetable or cotton oil, rice, salt and pepper to taste.

Мастава is a kind of meal combined with minced meat, chopped onions, green pepper, carrot, peeled potatoes, diced and skinless tomatoes, salt and pepper to taste.

Мошгуруч мастава is a kind of meal combined with boiling rice, beans in milk, salt and pepper to taste and eaten with butter.

Мошкичири is a kind meal combined with minced meat, chopped onions, grated carrot, peeled potatoes, rice, beans, salt and pepper to taste.

Мошкичири-мухашир is a kind meal combined with minced meat, chopped onions, grated carrot, peeled potatoes, rice, beans cleaned from cortex, salt and pepper to taste.

Мошова I. is a kind of meal combined with minced meat, chopped onions, grated carrot, peeled potatoes, diced tomatoes, rice, beans, peeled and grated pumpkin, salt and pepper to taste.

Мошова II. . is a kind of meal combined with minced meat, chopped onions, grated carrot, peeled potatoes, diced tomatoes, rice, beans, peeled and grated pumpkin, salt and pepper to taste.

Мошхўрда I. is a kind of meal combined with gravy that made of minced meat, chopped onions, grated carrot, peeled potatoes, diced tomatoes, rice, beans, salt and pepper to taste.

Мошхўрда II. is a kind of meal combined with frying minced meat, chopped onions, grated carrot, peeled potatoes, diced tomatoes in the fat of sheep's tail, rice, beans, salt and pepper to taste.

Мошхўрда III. is a kind of meal combined with minced meat, chopped onions, grated carrot, peeled potatoes, diced tomatoes, rice, beans, salt and pepper to taste.

Мошқовок is a kind of meal combined with minced meat, chopped onions, grated carrot, peeled potatoes, diced tomatoes, rice, beans, peeled and grated pumpkin, salt and pepper to taste. It is the same meal with moshova.

Мошли палов is a kind of pilaf combined with frying 4 normal pieces of boneless meat, chopped large yellow onion, peeled and cut into small pieces of carrot in cotton oil, caraway, mixing the rice and beans, boiled water, salt and pepper to taste.

Нўхат шўрва is a kind of soup combined with pea, meat, chopped large yellow onion, peeled potatoes, tomatoes, carrot, turnip, green pepper, pumpkin, salt and pepper to taste.

Нўхат шўрва-мухашир is a kind of meal combined with boiling pea independently in another pot, meat, chopped large yellow onion, peeled potatoes, tomatoes, carrot, turnip, green pepper, pumpkin, salt and pepper to taste.

Нўхат сомса is a kind of patty combined with putting the gravy that made of minced meat, chopped onion, pea, salt and pepper into little circle pastry that made of milk, salt and flour.

Нўхатли мастава is a kind of meal combined with minced meat, chopped onions, green pepper, carrot, peeled potatoes, pea, diced and skinless tomatoes, salt and pepper to taste.

Нўхатли палов is a kind of pilaf combined with frying 4 normal pieces of boneless meat, chopped large yellow onion, peeled and cut into small pieces of carrot in cotton oil, caraway, pea, rice, water, salt and pepper to taste.

Нұхатшұрак is a kind of steamed meal combined with boiling meat and pea, chopped onions, green pepper, peeled potatoes, diced tomatoes, salt and pepper to taste.

Қайнатма гуруч is a kind of meal combined with boiled rice, and eaten with adding salt, and sugar, sometimes with gravy that made of boneless meat cut into small pieces, chopped onions, chopped red bell pepper, medium green pepper and diced tomatoes.

Құғирмоч is a kind of meal combined with frying wheat in vegetable oil and eaten in cold form.

Росмана мастава is a kind of meal combined with boiling rice in whey, minced, boneless meat, chopped large yellow onions, peeled carrot and potatoes, green pepper, vegetable or cotton oil

Сариёғли мастава I. is a kind of meal combined with boiling rice in salty water and eaten with fried chopped large yellow onion in butter, salt and pepper to taste.

Сариёғли мастава II. is a kind of meal combined with boiling rice, chopped large yellow onions, butter in salty water, salt and pepper to taste.

Сўк бўтқа I. is a kind of meal combined with boiling comb instead of rice and eaten with butter.

Сўк бўтқа II. is a kind of meal combined with boiling comb in milk instead of rice and eaten with butter and sugar.

Шавла is a kind of meal combined with boneless meat, grated carrot or pumpkin, chopped large yellow onion, vegetable or cotton oil, rice, salt and pepper to taste.

Названия блюд,приготовленных из говядины.

Ажабсанда is a kind of meal combined with putting the products such as minced meat, the fat of sheep's tail, peeled potatoes, diced, skinless tomatoes, carrot, chopped onion, red bell pepper, minced garlic, salt and pepper in another pot boiling in water.

Бир гуручу, бир гўшт палов is a kind of pilaf combined with mixing cut into small pieces, boneless meat, and chopped large yellow onion, peeled and cut into small pieces of carrot, caraway, rice, salt and water.

Бостирма кабоб is a kind of meal combined with cooking meat, chopped onions, and red bell pepper, peeled and cubed potatoes, grated and skinless tomatoes, and putting the bread on it.

Буғлама кабоб is a kind of meal combined with putting minced meat, chopped large yellow onions, green pepper, peeled carrot and potatoes, diced, skinless tomatoes, and cabbage in another pot filled with water.

Дўндирма кабоб is a kind of meal combined with spit the meat with the gravy that prepared with minced meat, chopped large yellow onions, diced tomatoes, salt and pepper to taste.

Гўшт кулча is a kind of meal combined with making the gravy in the shape of circle that made of minced meat, chopped onions, butter, and green pepper, and steam the gravy with bread.

Гўштли бўтқа is a kind of meal combined with boiling meat and rice, salt and pepper to taste.

Гўштнута I is a kind of soup combined with boiling, pea, meat, chopped large yellow onion, peeled potatoes, tomatoes, carrot, turnip, green pepper, pumpkin, salt and pepper to taste.

Гўштнута II is a kind of meal combined with frying boneless and cubed meat, chopped large yellow onion, peeled potatoes, diced and skinless tomatoes, carrot and pea.

Ижжан кабоб is a kind of meal combined with grating boneless meat, chopped large yellow onions, egg, salt and pepper to taste.

Жаркоп is a kind of meal combined with frying boneless meat and peeled potatoes, and eaten with chopped onion, putting it in vinegar added with water and greens.

Кабоб is a kind of meal combined with spitting the pieces of boneless meat and eaten with chopped green onion, putting it in vinegar with greens.

Лиқ-лиқ is a kind of meal combined with boiling leg of sheep and cow and eaten in cold form, with chopped green onion putting it in vinegar added with water and greens.

Майиз палов is a kind of meal cooked in Bukhara region combined with frying 4 normal pieces of boneless meat, chopped large yellow onion, peeled and cut into small pieces of carrot, raisins, caraway, rice, boiled water, salt and pepper to taste.

Қайла I. is a kind of meal made of boneless meat, cut into small pieces, chopped green onion, carrot, large baking potatoes, peeled and cubed, diced tomatoes, chopped red bell pepper, salt and pepper to taste and usually eaten with macaroni.

Қайлали мастава is a kind of meal combined with boneless meat, cut into small pieces, large chopped yellow onions, carrot, peeled and cubed potatoes, and beans.

Қайлали ширгуруч is a kind of meal combined with milk, rice, butter, salt and pepper to taste, and eaten with gravy made of boneless meat, chopped red bell pepper, medium green pepper, chopped, cut into small pieces, chopped green onions and diced tomatoes.

Қиймали димлама is a kind of steamed meal combined with meat cut into small pieces, carrot, chopped onions, peeled and cubed potatoes, a glove of garlic, a small green chopped pepper.

Қиймали кабоб is a kind of fried meal combined with minced meat, and gravy that made of chopped onion, peeled and cubed potatoes, diced tomatoes, salt and pepper to taste.

Қиймали мастава is a kind of meal combined with rice boneless beef, chopped onions, peeled, cubed carrot and potatoes, diced tomatoes, pepper and gravy made of minced meat, chopped onion and tomatoes.

Қиймали мошкичири is a kind of meal combined with beans, rice and gravy that made of minced meat, chopped onions, and diced tomatoes.

Қиймали палов is a kind of pilaf made of 4 normal pieces of boneless meat, chopped onion, peeled and cut carrot, rice, salt, water and making the gravy in the form of circle.

Қиймали шўрва is a kind of soup combined with meat, chopped onion, peeled carrot and potatoes, skinless tomatoes and making the gravy in the form of circle that made of minced boneless meat, chopped onions, green pepper and diced tomatoes.

Қорин ўрамаси is a kind of steamed meal combined with putting gravy that made of lung, beans, rice, beaten eggs, salt and pepper to taste, in the sheep's or cow's stomach.

Қорин шўрва is a kind of soup combined with putting a gravy that made of liver, chopped large yellow onions, rice, in sheep's or cow's stomach and boiling prepared thing in the soup.

Қорма палов is a kind of pilaf cooked in Qashkadarya, combined with mixing all products such as 4 normal boneless meat, chopped large yellow onions, cut carrot, caraway, rice and water.

Қовурилган гўшт is a kind of fried mutton and eaten with chopped onion, putting it in vinegar and greens.

Қовурма буйрак is a kind of fried meal combined with sheep's or cow's kidney and eaten with chopped onion, putting it in vinegar added with water and greens.

Қовурма I- is a kind of meal combined with peeled potatoes, chopped onions, meat, green pepper, carrot, turnip, pumpkin, tomatoes frying a little then some water is added; qovurdoq.

II.adjective. It is a kind of fried meal; all the products are fried in vegetable oil; qovurilgan.

Қовурма жигар is a kind of fried meal combined with sheep's or cow's liver and eaten with chopped green onion putting it in vinegar added with water and greens;

Қовурма мастава is a kind of liquid meal combined with meat, chopped onion, carrot, potatoes, turnip and the other products first fried in the fat of sheep's tail and adding rice.

Қовурма палов is a kind of pilaf combined with frying four pieces of boneless meat, chopped onion, carrot, water caraway, rice without putting it in boiled water.

Қовурма шавла is a kind of fried meal combined with cubed boneless meat, chopped green or yellow onion, rice, grated carrot or pumpkin, pepper and salt to taste.

Қовурма шўрва is a kind of soup combined with cut meat, chopped onion, peeled and cubed carrot, potatoes, pumpkin and other products first fried, then boiled with water.

Қозон кабоб is a kind of meal first fried and then steamed combined with boneless beef and usually eaten with chopped green onion putting it in vinegar added with water and greens.

Қуймоққа ўралган гўшт is a kind of meal combined with boiling boneless beef in soup and before frying it put boiled beef into beaten eggs, and eaten with vinegary onions.

Сих кабоб буғламаси is a kind of meal combined with spitting meat and cook it with the help of steam and eaten with chopped green onions put into vinegar with greens.

Сих кабоб is a kind of meal combined with spitting meat and eaten with chopped green onions put into vinegar with greens.

Софаки палов is a kind of pilaf cooked in Samarqand combined with boiling meat, carrot and rice independently, raisins, pea, caraway, rice, boiled water, salt and pepper to taste.

Титрама кабоб is a kind of meal combined with spitting big cut meat and rib part of meat in spit and eaten with chopped large yellow onions putting them into vinegar added with some water.

Тўграма палов is a kind of pilaf combined with cooking one fourth of products and the others are put on prepared meal chopped form.

Тўнтарма палов is a kind of pilaf combined with frying rice in butter, 4 normal pieces of boneless meat, chopped onion, peeled and cut into small pieces of carrot, caraway, salt and water.

Халта палов is a kind of pilaf combined with cooked with 4 normal pieces of boneless meat, chopped large yellow onion, peeled and cut into small pieces of carrot, caraway and boiling rice independently in another material bag, salt and water to taste.

Хом дўлма is a kind of meal combined with putting cooked meat, butter and cheese in uncooked green pepper, diced tomatoes, peeled potatoes, salt and pepper to taste.

Хўрда is a kind of meal combined with cubed boneless meat, chopped onion, green pepper, cubed carrot, peeled potatoes and rice.

Яхна гўшт is a kind of meal combined with boiling meat in the water or soup and eaten in cold form with chopped green onions, put into the vinegar added with some water.

Шўрва is a kind of soup combined with meat, chopped large yellow onion, peeled potatoes, tomatoes, carrot, turnip, green pepper, pumpkin, salt and pepper to taste.

Шўрва-шўлти is a kind of soup generally called for all liquid meal.

Шчи is a kind of meal combined with cabbage, greens, meat, chopped onions, peeled potatoes, diced tomatoes, salt and pepper to taste.

Чўп кабоб is a kind of meal combined with putting all products such as meat, onion, green pepper, carrot, turnip, red bell pepper in splinter.

Чўп оши is a similar meal with Tuppa oshi.

Чўпон кабоб is a kind of meal combined with spitting meat in each spit with peeled potatoes and skinless tomatoes.

Названия блюд, приготовленных из баранины.

Барра гўшт is a kind of meal combined with boiling, boneless mutton, and vegetables and eaten in cold form, with chopped green onion put into vinegar, added with some water.

Буғлама барра is a kind of meal combined with putting all products into the mutton in the steam and eaten with chopped large yellow onions putting them into vinegar added with some water.

Буйрак кабоб is a kind of meal combined with frying the kidney of sheep or cow and eaten with chopped green onion put into vinegar, added with some water and greens.

Димлама ҳасип is a kind of meal combined with steaming the following products as sheep's or cow's small and large intestine, filling with gravy made of rice, lung, boiled, cut into small pieces salt, black and red pepper.

Думба-жигар is a kind of meal combined with frying liver in the fat of sheep's tail, and eaten with chopped onion, putting it in vinegar added with water and greens.

Думба-жигар кабоб is a kind of meal combined with spitting the liver with the fat of the sheep's tail, and eaten with chopped onion, putting it in vinegar added with water and greens.

Жигар-буғир is a kind of meal combined with frying liver in the fat of sheep's tail, and eaten with chopped onion, putting it in vinegar added with water and greens.

Жигар дўлма is a kind of boiled meal combined with filling the sheep's repudiation with the fat of sheep's tail, egg, salt and pepper to taste and eaten with chopped onion, putting it in vinegar added with water and greens.

Жигар кабоб is a kind of meal combined with spitting cubed liver of sheep or cow and eaten with chopped onion, putting it in vinegar added with water and greens.

Жигар тандирий is a kind of meal combined with cooking the liver of sheep or cow in earthen stove and eaten with chopped onion, putting it in vinegar added with water and greens.

Жиз-биз is a kind of meal combined with frying boneless beef, mutton, or chicken and eaten with chopped onion, putting it in vinegar added with water and greens.

Жизза is a kind of meal combined with frying cubed fat of sheep's tail, salt and pepper to taste.

Карт думба палов is a kind of pilaf combined with the fat of sheep's tail, 4 normal pieces of boneless meat, chopped large yellow onion, peeled and cut into small pieces of carrot, caraway, rice, salt and boiled water.

Кўмма қорин is a kind of meal cooked in earthen stove combined with putting lung, liver, kidney, heart, fatty intestine and other products into the stomach of sheep, and eaten with chopped green onion, putting it in vinegar with greens.

Кўмма ширвоз is a kind of meal combined with cooking the lamb filled with meat, chopped onions, intestine, head, leg and offal of lamb, green pepper, peeled potatoes and carrot, salt, pepper in the charcoal burning.

Пешноб жиззаси is a kind of meal combined with frying mutton in its fat and eaten with chopped green onions put into vinegar with greens.

Пўстдумба is a kind of meal combined with boiling the skin of sheep with its fat, salt and pepper to taste and eaten in cold form.

Пўстдумбали мошкичири is a kind meal combined with boiled skin of sheep with its fat, minced meat, chopped onions, and grated carrot, peeled potatoes, rice, beans, salt and pepper to taste.

Пўстдумба палов is a kind of pilaf combined with boiled skin of sheep with its fat, 4 normal pieces of boneless meat, chopped large yellow onion, peeled and cut into small pieces of carrot, raisins, caraway, rice, boiled water, salt and pepper to taste.

Пўстдумба шўрва is a kind of soup combined with meat, boiled skin of sheep with its fat, chopped large yellow onion, peeled potatoes, tomatoes, carrot, turnip, green pepper, pumpkin, salt and pepper to taste.

Пўстдумба ўрамаси is a kind of meal combined with putting the gravy that made of minced meat, chopped onion, salt and pepper into boiled skin of sheep with its fat.

Тандир барра I. is a kind of meal cooked in earthen stove, hanging mutton in wire and eaten with chopped large yellow onions putting them into vinegar added with some water.

Тандир барра II. is a kind of meal combined with cooking mutton on iron fence and eaten with chopped large yellow onions putting them into vinegar added with some water.

Тандир барра III. is a kind of meal combined with cooking the mutton in the steam and eaten with chopped large yellow onions putting them into vinegar added with some water.

Тандир кабоб is a kind of meal combined with cooking the meat in earthen stove and eaten with chopped large yellow onions putting them into vinegar added with some water.

Тўш is a kind of meal combined with cooking the breast of sheep in the fat of sheep's tail and eaten with chopped large yellow onions putting them into vinegar added with some water.

Тўй палови is a kind of pilaf combined with boiling 4 normal pieces of boneless meat in soup, chopped onion, peeled and cut into small pieces of carrot, caraway, rice, salt and use soup instead of water.

Яхна барра is a kind of meal combined with boiling mutton in the water or soup and eaten in cold form with chopped green onions, put into the vinegar added with some water. Shirvoz go'shti.

Ширвоз гўшти is a kind of meal combined with boiling lamb in water or soup and eaten in cold form eaten with chopped large yellow onions putting them into vinegar.

Чарви дўлма is a kind of meal combined with putting gravy that made of minced meat, chopped large yellow onions, diced tomatoes in the fat of the sheep or cow.

Чарви кабоб is a kind of meal combined with spitting the sheep's and cow's fat.

Чарви-гўшт кабоб is a kind of meal combined with putting meat in vinegar added with some water.

Чарви-жигар кабоб is a kind of meal combined with putting liver in the fat of the sheep or cow, and spit it, usually eaten with chopped onion putting it in vinegar prepared with some water.

Чарви-қийма кабоб is a kind of meal combined with putting gravy that made of minced meat, chopped large yellow onion, diced tomatoes, in the sheep's or cow's fat.

Названия блюд,приготовленных из конины.

Қарта is a kind of boiled meal made with the following products as horse's large and fat intestine, its meat, rice, beans, salt and pepper to taste and eaten in cold form.

Қаз is a kind of boiled meal having the form of sausage with the following products as horse's large intestine and boneless meat of horse and eaten in cold form. *Yangi qazi*.

Қаз қарта is a kind of meal as qazi having the form of sausage, combined with horse's large and fat intestine and boneless meat of horse, rice, beans, salt and pepper to taste, eaten in cold form.

Қазили палов is a kind of pilaf, which prepared with the help of meat, chopped yellow onion, carrot, rice, salt, water and qazi that prepared with the horse's large intestine and its boneless meat.

Қовурға қаз is a kind of boiled meal having the form of sausage with the following products as horse's or herd's intestine and herd's rib and eaten with chopped green onion putting it in vinegar added with water and greens.

Названия блюд, приготовленных из курятины.

Дармон қовурма is a kind of meal combined with boneless meat, chopped onions, green pepper, green apricot, mushroom, peeled and cubed potatoes, vegetable oil, salt and pepper to taste.

Дармон шўрва is a kind of soup combined with chicken, chopped large yellow onions, green pepper, mushroom, bay leaf, peeled potatoes, skinless tomatoes, green apricot, salt and pepper to taste.

Парранда гўштидан қозон кабоб is a kind of meal combined with frying chicken, duck, and goose in its fat and eaten with chopped green onions put into vinegar with greens.

Қиймали бийрон is a kind of meal combined with boneless and skinless chicken or mutton, carrot, a large glove of garlic and these products are fried in vegetable oil.

Титрама кабоб is a kind of meal combined with spitting big cut meat and rib part of meat in spit and eaten with chopped large yellow onions putting them into vinegar added with some water.

Товакий is a kind of meal combined with frying boneless chicken in the fair and eaten with chopped large yellow onions putting them into vinegar added with some water.

Товуқ дим-дим is a kind of meal combined with cooking the whole chicken with caraway, minced garlic, and the juice of lemon, grated cheese in oven and eaten with chopped large yellow onions putting them into vinegar added with some water.

Товуқ гўштининг яхнаси is a kind of meal combined with boiling chicken in the water and then frying it, eaten in cold form, with chopped large yellow onions putting them into vinegar added with some water.

Товуқ гўштли угра оши is a kind of meal combined with cooking chicken, chopped green onion, green pepper, diced tomatoes and macaroni that made in hand.

Товуқ гўштли хамир чалов is a kind of meal combined with minced boneless chicken, chopped onions, green pepper, juice of lemon, salt and pepper to taste, and pastry made of eggs, salt, water and flour.

Товуқ кабоб is a kind of meal combined with cooking spitted chicken in fair and eaten with chopped large yellow onions putting them into vinegar added with some water.

Товуқ палов is a kind of pilaf combined with boneless chicken, chopped large yellow onions, cut carrot, caraway, rice and water.

Товуқ қовурма is a kind of steamed meal combined with cooking the pieces of chicken, with peeled and cubed potatoes and chopped onions, salt and pepper to taste.

Товуқ шўрва is a kind of soup combined with chicken, chopped large yellow or green onions, carrot, peeled potatoes, skinless tomatoes, green pepper, salt and pepper to taste.

Ёрма жўжа is a kind of meal combined with boiling ground wheat, boneless and skinless chicken, salt and pepper to taste.

Ўз ёғига қовурилган товук is a kind of meal combined with frying chicken into its fat and eaten with chopped large yellow onions putting them into vinegar.

Названия блюд, приготовленных из перепелиного мяса.

Бедана дим-дим is a kind of steamed meal combined with putting quail into the leaf of pumpkin, chopped onion, green pepper, and cubed potatoes, diced tomatoes, salt and pepper to taste.

Бедана дўлма is a kind of steamed meal combined with putting the gravy into the whole quail, chopped large yellow onion, green pepper, peeled and cubed potatoes, diced and skinless tomatoes.

Бедана кабоб is a kind of meal combined with spitting the whole quail and eaten with chopped green onion put into vinegar, added with some water.

Бедана палов is a kind of pilaf combined with quail instead of meat, chopped large yellow onion, peeled and cut into small pieces of carrot, caraway, rice, water, salt and pepper to taste.

Бедана шўрва is a kind of soup combined with quail instead of meat, chopped large yellow onion, peeled potatoes, tomatoes, carrot, turnip, green pepper, pumpkin, salt and pepper to taste.

Названия блюд, приготовленных из индейки.

Илвасин палов is a kind of pilaf combined with the meat of duck, goose, mountain partridge, is a kind of meal combined with 4 normal pieces of boneless meat, chopped large yellow onion, peeled and cut into small pieces of carrot, caraway, and boiling rice independently in another material bag, salt and water.

Курка гўштининг яхнаси is a kind of meal combined with boiling the turkey and eaten in cold form, with chopped green onion, putting it in vinegar with greens.

Ўз ёғига қовурилган курка is a kind of meal combined with frying turkey into its fat and eaten with chopped large yellow onions putting them into vinegar.

Названия блюд, приготовленных из мяса кеклика.

Каклик дўлма is a kind of steamed meal combined with putting the gravy that made of minced meat, chopped onion, diced tomatoes into the whole mountain partridge.

Каклик кабоб is a kind of meal combined with spitting the whole mountain partridge and eaten with chopped green onion and green pepper putting them in vinegar with greens.

Каклик қовурма is a kind of meal combined with mountain partridge, chopped onions, carrot, peeled potatoes, green pepper, diced and skinless tomatoes, salt and pepper to taste.

Каклик шўрва is a kind of soup combined with mountain partridge, meat, chopped large yellow onion, peeled potatoes, tomatoes, carrot, turnip, green pepper, pumpkin, salt and pepper to taste.

Названия блюд, приготовленных из утятинны.

Ўз ёғига қовурилган ўрдак is a kind of meal combined with frying duck into its fat and eaten with chopped large yellow onions putting them into vinegar.

Названия блюд, приготовленных из гусятинны.

Ўз ёғига қовурилган ғоз is a kind of meal combined with frying goose into its fat and eaten with chopped large yellow onions putting them into vinegar.

Ғоз гўштининг яхнаси is a kind of meal made of boiled duck, chopped medium green pepper, and vegetable oil and eaten in a cold form with chopped green onions, putting them into the vinegar.

Названия блюд, приготовленных из мяса воробья.

Чумчук шўрва is a kind of soup combined with sparrow, chopped large yellow onions, carrot, peeled potatoes, tomatoes, green pepper, salt and pepper to taste.

Названия блюд, приготовленных из рыбы.

Балиқ димлама is a kind of steamed meal combined with frying fish in vegetable or cotton oil, and eaten with souse made of diced and skinless tomatoes, minced garlic, greens, red bell pepper, salt and pepper to taste.

Балиқ кабоб is a kind of meal combined with frying boneless fish in vegetable or cotton oil, and eaten with souse made of diced and skinless tomatoes, minced garlic, greens, red bell pepper, salt and pepper to taste.

Балиқ шўрва is a kind of soup combined with meat, chopped large yellow onion, peeled potatoes, tomatoes, carrot, turnip, fish, green pepper, pumpkin, salt and pepper to taste.

Балиқ тамадди I. is a kind of meal combined with frying salty fish in vegetable oil, chopped yellow onion, salt and pepper to taste and eaten with peeled and boiled potatoes.

Балиқ тамадди II. is a kind of meal combined with smoking fish and eaten with souse made of diced and skinless tomatoes, minced garlic, greens, red bell pepper, salt and pepper to taste.

Димлама балиқ is a kind of meal combined with steaming fish with chopped onions, green pepper, a large glove of garlic, peeled carrot and potatoes, diced and skinless tomatoes.

Қовурилган балиқ I. is a kind of fried meal combined with fish cut into small pieces, put these pieces into salty water, and eaten with souse made of tomatoes, pepper green pepper and garlic.

Қовурилган балиқ II. is a kind of fried meal combined with fish cut into small pieces and 1st put these pieces into beaten eggs, and then into flour, then fry it into vegetable oil and eaten with souse made of tomatoes, pepper, green pepper and garlic.

Ёпма балиқ is a meal cooked by putting fish into salty water before frying it, and then it will be steamed with the prepared products as minced garlic, green pepper, vinegar, and eaten with sauce.

Названия блюд, приготовленных из яиц.

Кўк бийрон is a kind of meal combined with frying chopped large yellow onion and cut into small pieces spinach in the fat of sheep's tail with eggs, salt and pepper to taste.

Кўмма тухум is a kind of meal combined with cooking the egg by burying in the charcoal burning.

Тухум дўлма I. is a kind of soup combined with meat, chopped onions, carrot, peeled potatoes, diced, skinless tomatoes, and adding fried, minced meat with eggs, salt and pepper to taste.

Тухум дўлма II. is a kind of meal combined with putting boiled egg into the cabbage, and then boiling it in soup made of meat, chopped onions, carrot, peeled potatoes, diced, skinless tomatoes, salt and pepper to taste.

Тухум ҳасиш is a kind of boiled meal with the following products as sheep's or cow's small and large intestine, filling with gravy made of rice, boiled, cut into small pieces eggs, salt, black and red pepper.

Тухум қовурма is a kind of meal combined with frying boiled eggs with chopped large yellow onions, salt and pepper to taste.

Тухумли жўхори is a kind of meal combined with frying boiled maize with chopped large yellow onion and eaten with fried egg.

Тухумли жўхори шавла is a kind of meal combined with boiled maize, boiled egg instead of meat, chopped onions, grated carrot or pumpkin, rice, salt and pepper to taste.

Зиғир ёғли тухум палов is a kind of pilaf combined with olive or sesame oil, 4 normal pieces of boneless meat, chopped large yellow onion, peeled and cut into small pieces of carrot, egg, rice, caraway, salt and boiled water

Зўраки тухум is a kind of meal combined with cooking egg using the intestine of sheep or cow, and eaten with chopped green onion putting it in vinegar added with water and greens.

Названия блюд, приготовленных из молока

Қатикли гўжа оши is a kind of meal combined with boneless and skinless chicken, chopped onion, grated tomatoes, and eaten with kefir instead of cream and milk.

Қатикли мошхўрда is a kind of meal combined with boneless meat, chopped onions, cubed potatoes, rice, beans and kefir is added before the meal becomes cold.

Қатикли шолғомхўрда is a kind of meal combined with cut into small pieces meat, chopped onions, carrots, cubed potatoes, green pepper, minced garlic, turnip and kefir.

Қаймоқ шўрва is a kind of soup combined with cream, maize, large chopped yellow onions, meat with the bone and fat, peeled large baking potatoes, carrot, and pumpkin.

Қимиз қоқирим is a kind of meal combined with camel's milk, chopped onions, pepper and salt.

Қоқирим is a kind of soup combined with no products except red bell pepper and used as recovering sore throat.

Сутли атала is a kind of meal combined with frying flour in butter and adding milk instead of water, egg, salt to taste.

Сутли думбул is a kind of meal combined with coking milk, maize, butter or sour cream, salt and pepper to taste.

Сутли гўжа оши is a kind of meal combined with cooking boneless and skinless chicken in summer, maize, and pumpkin and eaten in cold form with chopped green onion putting it in vinegar added with water and greens

Сутли макарон оши is a kind of meal combined with cooking macaroni made in hand with egg, salt, milk, and flour and eaten with gravy made of chopped onions and skinless tomatoes, salt and pepper to taste.

Сутли мошхўрда is a kind of meal combined with minced meat, chopped onions, grated carrot, peeled potatoes, diced tomatoes, rice, beans, milk, salt and pepper to taste.

Сутли ўпка is a kind of meal combined with boiling lung in milk, and eaten in cold form with chopped green onions put into vinegar with greens.

Сутли сўк оши is a kind of meal combined with millet instead of rice, milk, butter, salt and pepper to taste.

Сутли угра оши is a kind of meal combined with cooking macaroni made in hand prepared with egg, salt, milk, and flour and eaten with boiled milk and butter, salt and pepper to taste.

Сутли умоч is a kind of meal combined with boiling rice and beans in milk, boneless meat, chopped onion, cubed carrot and potatoes, and cut into small pieces pastry, salt and pepper to taste.

Ширгуруч is a kind of meal combined with boiling rice in milk and eaten with sugar and butter.

Ширқовок is a kind of meal combined with milk, pumpkin, rice and vegetable oil

Ширхўрда is a kind of meal combined with rice, milk, butter, salt and pepper to taste.

Ширхўрда яхнаси is a kind of meal combined with milk, rice butter, salt and pepper to taste and eaten in cold form.

Названия блюд, приготовленных из овощей

Аччик чучук is a kind of meal combined with frying chopped large yellow onion with diced and skinless tomatoes in vegetable or cotton oil.

Боршч is a liquid food combined with cooking meat, chopped onions, green pepper, red-beet, carrot, peeled potatoes, diced and skinless tomatoes, cabbage, salt and pepper to taste.

Булғори дўлма is a kind of meal, come from Russian cookery, and combined with putting the gravy made of minced meat, chopped onion, diced, skinless tomatoes, salt and pepper into green pepper.

Дўлма is a kind of meal combined with putting the gravy that made of minced meat, chopped onions, diced tomatoes into the leaf of cabbage or grapes, vegetable oil.

Думбил шўрва is a kind of soup cooked in summer and autumn, combined with meat, skinless tomatoes, peeled potatoes, chopped large yellow onions, green pepper, salt and pepper to taste.

Дўлмали палов is a kind of pilaf combined with green pepper, four pieces of boneless meat, chopped large yellow onions, cut carrot, caraway, rice, water, salt and pepper to taste.

Дўлмали шўрва is a kind of soup combined with meat, skinless tomatoes, peeled potatoes, chopped large yellow onions, green pepper filled with gravy, salt and pepper to taste.

Гулкарам бийрон is a kind of meal eaten in spring and combined with frying cauliflower, chopped large yellow onions, and green pepper in the fat of sheep's tail.

Гулкарам қовурма is a kind of meal combined with frying boiled cauliflower, chopped large yellow onion, and green pepper in the fat of sheep's tail.

Гулкарам шўрва is a kind of soup combined with meat, chopped large yellow onion, peeled potatoes, tomatoes, carrot, turnip, green pepper, cauliflower, salt and pepper to taste.

Ҳўплама is a kind of fried meal made of following products as peeled, cut carrot and potatoes, chopped onion, beef or mutton, garlic, skinless tomatoes, fat of the sheep (or mutton) and radish.

Исмалоқ дўлма is a kind of meal combined with putting the gravy that made of minced meat, chopped onion, diced tomatoes, into the spinach salt and pepper to taste.

Кади бийрон is a kind of meal combined with frying peeled and cubed pumpkin in vegetable or cotton oil, sour cream, salt and pepper to taste.

Кади яхнаси I is a kind of meal combined with boiling the pumpkin in milk and eaten in cold form, vegetable oil, salt and pepper to taste.

Кади яхнаси II. is a kind of meal combined with steaming peeled and cubed pumpkin in the pot and eaten in cold form with butter or sour cream, salt and pepper to taste.

Кади-гуруч is a kind of meal combined with pumpkin, rice, vegetable oil, salt and pepper to taste.

Карам дўлма is a kind of meal combined with putting the gravy that made of minced meat, chopped large yellow onions and green pepper, diced tomatoes into the leaf of cabbage.

Карам шўрва is a kind of soup combined with cabbage, meat, chopped large yellow onion, peeled potatoes, tomatoes, carrot, red-beet, green pepper, salt and pepper to taste.

Картошка бийрон I is a kind of meal combined with frying peeled and cubed potatoes in vegetable oil and adding cooked meat to it, eaten with chopped green onion, putting it in vinegar with greens

Картошка бийрон II is a kind of steamed meal combined with frying peeled potatoes with chopped large yellow onions in cotton oil and eaten with chopped green onion, putting it in vinegar with greens.

Картошка палов is a kind of pilaf combined with 4 normal pieces of boneless meat, chopped large yellow onion, peeled and cut into small pieces of potatoes instead of carrot, caraway, rice, salt and boiled water.

Картошка қуймоқ is a kind of steamed meal combined with frying peeled potatoes, chopped large yellow onions, salt and pepper and usually eaten with beaten eggs.

Картошка шавла is a kind of meal combined with boiling the peeled potatoes and eaten with butter or sour cream.

Коваток буғлама is a kind of meal combined with putting the gravy that made of minced meat, chopped onions, green pepper, diced tomatoes, salt and pepper into the stuffed vine-roll.

Коваток дўлма is a kind of meal combined with putting the gravy that made of minced meat, chopped onions, green pepper, diced and skinless tomatoes into the leaf of green grapes.

Коватокли палов is a kind of pilaf combined with putting the gravy that made of minced meat, chopped onion, diced tomatoes, into the leaf of green grapes instead of meat, chopped large yellow onion, peeled and cut into small pieces of carrot, caraway, rice, salt and boiled water.

Ошқовок палов is a kind of pilaf combined with pumpkin, chopped large yellow onion, peeled and cut into small pieces of carrot, raisins, caraway, rice, boiled water, salt and pepper to taste.

Пиёва is a kind of meal combined with frying chopped large yellow onion, water, salt and pepper to taste.

Пиёздоғ is a kind of meal combined with frying chopped large yellow onions into the fat of sheep's tail, salt and pepper to taste.

Пиёз дўлма is a kind of meal combined with frying chopped onions, cubed liver, egg, salt and pepper to taste.

Пиёзли мошкичири is a kind meal combined with minced meat, chopped onions, grated carrot, peeled potatoes, rice, beans, salt and pepper to taste and adding fried onion.

Помидор димлама is a kind of steamed meal combined with minced meat, chopped onions and green pepper, diced and skinless tomatoes, minced garlic, salt and pepper to taste.

Помидор кабоб is a kind of meal combined with spitting meat with tomatoes and eaten with chopped green onions put into vinegar with greens.

Помидор шўрва is a kind of soup combined with meat, chopped large yellow onion, peeled potatoes, skinless tomatoes, carrot, turnip, green pepper, pumpkin, salt and pepper to taste.

Помидор қўймоқ is a kind of steamed meal combined with putting beaten egg into the middle of tomatoes.

Помидор қўймоқли палов is a kind of pilaf combined with putting beaten egg into the middle of tomatoes, 4 normal pieces of boneless meat, chopped onion, peeled and cut into small pieces of carrot, caraway, rice, boiled water, salt and water.

Қалампир дўлма is a kind of meal combined with large green pepper and putting gravy in it that made of minced meat, onion and diced tomatoes, salt and pepper to taste. Same with bulg'ori do'lma.

Қўзиқоринли қовурма is a kind of meal combined with frying mushroom, boneless meat, chopped green onions, green pepper, in the fat of the sheep's tail and drew it.

Қўзиқоринли шўрва is a kind of soup combined with mushroom, rice, butter or sheep's fat, eggs, peeled potatoes, chopped large yellow onions, diced tomatoes, salt and pepper to taste.

Қўзирорин кабоб is a kind of fried meal combined with mushroom and butter; usually it is eaten with the green onions, chopped radish, putting all in vinegar.

Сабзавот ва мева димламаси is a kind of meal combined with cubed meat, carrot, skinless tomatoes, potatoes, chopped onions and green pepper, quince, green apple, salt and pepper to taste.

Сабзавотли мошкичири is a kind meal combined with minced meat, chopped onions, red-beet, red-bell pepper, grated carrot, peeled potatoes, rice, beans, salt and pepper to taste.

Саримсоқли палов is a kind of pilaf combined with 4 normal pieces of boneless meat, chopped large yellow onion, peeled and cut into small pieces of carrots, 4 or 5 large glove of garlic, pea, caraway, rice, boiled water, salt and pepper to taste.

Сазби-пиёз бийрон is a kind of steamed meal combined with frying chopped large yellow onions and green pepper, carrot, grated and skinless tomatoes, salt and pepper to taste.

Турп димламаси is a kind of meal combined with boiling radish with the other products.

Шолғом димлама is a kind of steamed meal combined with turnip, minced meat, chopped onions, carrot, peeled potatoes, red bell pepper, salt and pepper to taste.

Шолғом дўлма is a kind of meal combined with making turnip in the form of cosa, and filling it gravy that made of minced meat, chopped onions, diced tomatoes, salt and pepper to taste.

Шолғом қовурма is a kind of meal combined with frying turnip and liver in the fat of sheep's tail and then brews it, eaten with chopped large yellow onions putting them into vinegar.

Шолғом шўрва is a kind of soup combined with turnip, meat, chopped large yellow onions, peeled potatoes, carrot, green pepper, red bell pepper, salt and pepper to taste.

Шолғом яхнаси is a kind of meal combined with steamed turnip in pot with butter, salt, pepper and eaten in cold form.

Шолғомли палов is a kind of pilaf combined with turnip, 4 normal pieces of boneless meat, chopped onion, peeled and cut into small pieces of carrot, caraway, rice, salt and water.

Шовул шўрва is a kind of soup combined with spinach, chopped onion, peeled potatoes, skinless chicken, green pepper, diced and skinless tomatoes, salt and pepper to taste.

Названия блюд, приготовленных из фруктов

Олчали мастава is a kind of meal combined with cherry, minced meat, chopped onions, green pepper, carrot, peeled potatoes, diced and skinless tomatoes, salt and pepper to taste.

Олмали ўрдак is a kind of steamed meal combined with filling the whole duck with peeled and cubed apple, salt and pepper to taste.

Олхўри дўлма is a kind of meal combined with putting the gravy that made of minced meat, chopped onions, green pepper, diced and skinless tomatoes, into the plum.

Ўрикли (туршакли) палов is a kind of pilaf combined with green apricot dried in the sun, 4 normal pieces of boneless meat, chopped onion, peeled and cut into small pieces of carrot, caraway, rice, salt and water.

Ўрикли (туршакли) шавла is a kind of meal combined with green apricot dried in the sun, boneless meat, chopped large yellow onions, grated carrot or pumpkin, rice, salt and pepper to taste.

Беҳи димлама is a kind of steamed meal combined with quince, boneless meat, chopped onions, green pepper, red bell pepper, peeled and cubed

potatoes, diced and skinless tomatoes, salt and pepper to taste.

Беҳи дўлма is a kind of steamed meal combined with putting gravy that made of minced meat, chopped onions, diced and skinless tomatoes in the middle of quince, carrot, cubed potatoes, salt and pepper to taste.

Беҳили жаркоп is a kind of fried meal combined with quince, boneless meat, chopped large yellow onion, green pepper, minced a large glove of garlic, pumpkin, carrot, peeled and cubed potatoes, vegetable oil, salt and pepper to taste.

Беҳили палов is a kind of pilaf combined with quince, 4 normal pieces of boneless meat, chopped large yellow onion, peeled and cut into small pieces of carrot, caraway, rice, salt and water.

Беҳили товук гўшти is a kind of steamed meal combined with putting the cubed quince into the whole chicken, chopped large yellow onions, green pepper, diced tomatoes, salt and pepper to taste.

Список литературы

1. Маслова В.А. Лингвокультурология. – М.: Академия, 2001. – 208 с.
2. Маслова В.А. Лингвокультурология. - М.: Академия, 2001.-208 с.
3. Мезенцева Е.С. Пословичный фонд языка как фрагмент языкового сознания этноса // Вестник КазНУ. -№2. 2005. - с. 23-26.
4. Снегирев И.М. Русские в своих пословицах. - Новгород. 1997.
5. Шведова И.Ю. Теоретические результаты, полученные в работе над «Русским систематическим словарем» //Русский язык. -№1. 1999.с . 3-16.

EUPHEMIZATION AS A LINGUA-CULTURAL PHENOMENON

Rustamova Dilrabokhon Abdurahimovna

Doctor of Philosophy in Philological sciences (PhD)

Andizhan State University

Эвфемизация как лингво-культурное явление

Introduction

This monograph is dedicated to the analysis of ethnic-cultural values in connection with taboo and euphemism. Some ideas on Lingua-cognitive, social and pragmatic aspect of metaphorical euphemism are analyzed as well.

The author tries to investigate lingua-cognitive research of metaphoric euphemisms. Here the author asserts that metaphors are lingua-cognitive means of expressing and perceiving the reality. He also shows giving some examples that perceiving the meaning of metaphoric euphemisms as well as play of words created by the help of euphemistic means is connected with the environment the

personality belongs to and thought. The article gives scientific substantiation for creation of complex lingua-cognitive and logical mixture of objective metaphoric legality in subjective relation and speech condition.

The world linguistics has always been interested in the problem of reflecting people's imagination and outlook in language. That is why in each phase of our science a number of scientific investigations were carried out, and certain branches of linguistics dealt with it. Scientists of different fields have acknowledged that Globalization, which is one of the peculiar features of the contemporary world, as a factor having certain influence on national peculiarities of nations of the world. In this respect, scientists and politicians are paying more attention to the peculiarities of the value of the cultural-civilized differences among nations. Investigating the language units from social-pragmatic and lingua-cultural point of view of has become one of the main directions of contemporary linguistics.

Paying greater attention to language and culture, language and spirituality, language and communication relations in the world linguistics in general shows that the question of investigation of metaphorical euphemisms reflecting these relations is also very important. One of the peculiar features of the language is euphemistic use of its units. Euphemistic phenomena reflect the unity of language and culture. They are closely connected with the coming into being and growing of national-cultural peculiarities. As linguistics has turned to investigation of speech peculiarities of verbal opportunities on anthropocentric basis, here, it is pointed out that scientific investigation of euphemisation in close connection with metaphorisation which is characterized by one more very national nature has very important importance.

In linguistics of our country the problems of reserving and showing national culture and spirituality in language units occupies one of the central places. Here language, national culture, national mentality, national outlook and enlightenment are interpreted in unity. Nowadays, special attention is being paid to «...developing scientific research and innovational activity, thorough support of skilled youth's participation in this process, creative ideas and designs» [21]. This condition shows that mastering the inner potentials of the language, improving the national culture and inculcate in the minds of the youth have special importance.

Discussion

The category of value is considered to be in the same level with national freedom, liberty, independence, eternal traditions and national understanding, especially in the important phases of national growth. Such very important notions, events and occurrences for the society, nation and person as liberty, virtue, equality, piece, truth, enlightenment, culture, material and spiritual values, historical monuments, beauty, moral characteristics and qualities, traditions and customs and others make up the system of values [22. 476]. Ethnical-cultural values serve for preserving, national self, protecting, being free

from the threat of ethnical and national convergence and developing on the basis of ethnic independence, to keep ethnical consciousness and outlook free from dependence. If the language has anything in common with universal and worldwide value, national language, national value, variants and dialects of the language exist as expressers of ethnic values. Relation of language with the value system is one of the most complex knots in the field of lingua-cultural studies. Putting forward such questions as whether the language is a value or value expresser, and answering these questions in different ways and opposite nature of the answers to each other are also connected with these conditions. We can understand the connection of the language with values in several forms:

- 1) information is obtained on the basis of the language and values;
- 2) the language keeps knowledge about values in its essence.

We live in a country of complex composition. Existence of different nations, ethnos, religion and religious confessions, thoughts and movements determine marginality of our motherland. This situation sets up certain claims of the culture of communication, demands being very careful with ethnic-cultural and ethnic-psychological principles in mutual communication.

Euphemistic expression is one of the indicators of the level of communication culture, degree of speech culture. Using euphemism in many cases is connected with the phenomenon of taboo. And taboo is a representative and reflection of national spirituality. The word «taboo» (Polynesian - *prohibit*) in appeared in Polynesia [20. 134]. In ethnic circumstance of Polynesia breaking this ethnic rule brought hard consequences for a person. Taboos served for the policy of stratification of the society and fulfilled the task of peculiar political weapon of magical ideology. The dissertation gave all sided characteristics of the periods of formation and types of taboo.

Communication is a complex anthropocentric process; human factor is the leading factor in it. Conservativeness is peculiar to the culture of communication as its peculiar to all cultures and values. The Uzbeks greet by the help of parallel «Қандайсиз?» – «Яхши», while the French use the pair of «Ga va» – «Ga va». In Uzbek mental environment people have a custom of standing up before greeting an elderly person in restaurants or tea houses. But, for Europeans it is enough to nod one's head. And, the quality of communication is marked with being familiar with other ethnic traditions and following them. Researches of the process of communication are analyzed in the dissertation and the investigation of euphemism as the main object of the research and peculiar feature of conversation began to be analyzed.

Euphemism can be characterized in two ways:

- 1) The process of expressing an idea in soft hidden way;
- 2) Imposing euphemistic tasks on verbal units.

The following serve as determining factors of occurrence of euphemism:

Firstly, general phenomena which are customized to be used euphemically by the members of society. Besides, phenomena prohibited only by the inner culture of the speaker lead to euphemization;

Secondly, euphemisms are not only the way of making more polite some rude and hard expressions from the point of view of «set» demands, but also the basis of primeval taboo kept in social sub consciousness up to nowadays – the factor of fright is totally different thing; as a result of reanimation in artificial essences the real nature of the occurrence is «falsified», colored with polite expressions – the essence is covered.

Thirdly, social control, excepted traditions and customs result in euphemism.

Fourthly, speech condition also serves as a factor of displaying euphemisms. For example the word «a human being» is a euphemism in one language while it is an ordinary expression in the other.

We can come to a conclusion from the above said that euphemism can be evaluated differently in connection with its product. A process seen as a euphemism in one instance can be regarded as normal utterance in another. Euphemic expression in one psychological circumstance acts as a language means with a mark of abstention. So if an environment of communication, communication situation serve as external factors of forming euphemisms, the process of communication culture and cultural degree of the speaker is internal factor. The process of euphemism takes place when two of all three factors – communication environment, communication situation and culture of communication participate in conversation.

Usage of euphemisms are also characterized with their social-political peculiarisedness. The phenomenon of euphemization in every social system goes on in connection with the ideological picture of the period and social-political processes.

Two tendencies are clearly seen in every speech:

- a) Euphemism;
- b) Dysphemism.

Personal or social relationship can be clearly seen in both phenomena.

In society as well in verbal activity of a person strong euphemism results in weakening of dysphemism at the same time strong dysphemism results in weakening of euphemism. In general euphemism and dysphemism are situated in two sides of zero in coordinate line.

In lexical level dysphemism is strengthening of figurative meaning of expressions peculiar to common speech (*эшишак, ит, қанжық, мол, хўкиз, ишқирт, ифлос*); it is widely tried to be avoided not only in oral conversation but also in writing and radio and television. This circumstance can especially be seen in western culture under the musk of freedom of speech.

The following situations are peculiar to speech euphemisms:

1) Getting old of the new; opposition between the new and old serves as a basic factor under the characterization of euphemization. This getting old is differs from archaism and historicism and marked with cultural purpose of moral base and communication environment. Getting old is not in the semes of naming or semes of task but in the semes of expression. This getting old is not in the full sence of the word of old; it is getting used to euphemism and should be regarded as getting stable and social of the relations of coloring and denotation. Stabilization of the relation between form and meaning and assuming social character – unity of new form and meaning was not achieved , in other words there is a need for «fragile» events in relation of expression and meaning.

2) The notion of «shame» is the beginning of hiding. In general, the difference between the animal and human being is in the notion of shame which is the fruit of consciousness and environment. Shame is of broad sense and exists in Uzbek in the conceptual sphere consisting of such units as «андиша, тортиниш, ибo, ҳаё, номус». Shame is trying to hide some organs and shameful acts and this endeavour results if trying not to verbalize these phenomena. For example Mahmud Koshgariy in his «Devonu Lugattu Turk» gave precise definition and to the terms of sexual organs sexual activity and biological processes. This is marked with the cultural environment and spiritual basis of those remote times. But in contemporary life when education matters are regarded as the primary direction of social process, dictionaries do not provide space for such words.

3) The feeling of fear is also one of the factors of creating euphemization. Indirect naming of illnesses, death, dangerous things and occurrences can be example of this idea. It is known that a person's behavior has a peculiarity of impacting and reflecting himself and others. While in fear this situation is characterized with its much weakness.

4) Social prohibitions also serve as one of the principle basis of euphemization. In a strongly controlled environment (family circle, lessons, meeting, ceremonies and public transport) euphemism is seen as cultural effect and degree. Here other's control and self control create euphemization as external and internal factors [9. 358].

5) Being irritated is one of the bases of euphemization. Trying of a person to avoid evil things and evil deeds create their euphemization.

Being dissatisfied with existing expressions in the degree of his mentality comprises all situations above mentioned. Being dissatisfied makes the new old and creates the following new things. So, we can say that the heritage relation of the old and new in the language in the unity with the factors of satisfaction and none satisfaction. The above mentioned situations are the directions of euphemic situation between these two last points.

We can watch the objects of the circle of euphemization in several groups, lets have a look at the main parts of them:

1. Physiological processes and situations. Euphemisms expressing this process and situation can be divided into two:

1.1. Euphemisms which show shameful physiological processes and situations: қўшилмоқ, ўйнамоқ; ҳомиладор бўлмоқ, оғир оёқли.

1.2. Euphemisms expressing vile physiological processes and situations: бавл қилмоқ; ахлат, нажас, каттаси; какаси; пешоб, кичиги;

1.3. Blameful physiological processes and situations: бурни; сассиғи.

2. Names of some body organs. They can be divided into two groups:

2.1. Names of sexual organs: асбоб, уят жой, аппарат, дастмоя, ҳалиги калбаса, иссиқ жой, банан, бодринг;

2.2. Names of none sexual organs: аврат, сийна, кўкрак, mamma, орқа [15. 156; 4. 314].

3. Relations between opposite sexes. It can be seen in two ways and they are provided with due euphemisms:

3.1. Euphemism means expressing voluntary sexual relation: ўйнашмоқ, интим алоқада бўлмоқ, яқин алоқада бўлмоқ, дон олишмоқ, искашмоқ, ҳидлашмоқ; жисмоний яқинлик, юрмоқ, бўлмоқ;

3.2. Euphemism means expressing forced sexual relations: бошини айлантирмоқ, зўрламоқ, номусига тегмоқ; итлик қилмоқ, нафсини қолдирмоқ.

4. Euphemisms connected with death and diseases go together with senses expressing fear, and specialists say that there are a lot of types of them. H. Kodirova who investigated euphemisms used by Abdulla Kodiriy says «16 out of 22 euphemism and dysphemism expressions of «death» used in the works of the author are euphemisms (бу дунёи фанийдан видоъ қилмоқ, дунё билан видолашмоқ, дунёдан кетмоқ, дунёдан кўчмоқ, дунёдан ўтган, жойи жаннатда бўлмоқ, жон бермоқ, қазо қилмоқ, қаро тупроққа қўшилмоқ, қон бермоқ, қулоғи остида қолмоқ, мангулик уйкуга кетмоқ, саодат қучоғига кирмоқ, сўнгги соати етмоқ, тобутга олинмоқ, ёшини яшаб ошири ошмоқ). [7. 13]» Namely a linguist A. Omonturdiyev says that there are more than 100 euphemisms expressing «death» and confirms his idea with examples [16. 98].

The phenomena of euphemism and dysphemism and the factor of their development in the frame of euphemisms «the human being is biologic concept» and in the frame of «the person is a social concept» are analyzed in different examples taken from different languages. Euphemization, along with being a means of expressing self on the one hand helps to avoid an unpleasant communication situation for the listener [6. 18-19].

For example using instead of the words кўр-кўзи ожиз, пакана-паст(роқ), бўйли, новча- баланд бўйли, чўлоқ-оқсаброқ юрадиган, қар-қулоғи оғир can confirm our idea. The dissertation also discusses the ideas of metaphor and metaphoric expressions. In ideas given about metaphor, whether they are traditional or untraditional, it is a means of expression for the speaker and a

means of perceiving the reality for the listener is generally accepted. Whether we want or not a verbal person with intention of naming/calling/expressing a phenomenon of the reality first makes comparison, fulfillment of this function begins the process of naming/calling/expressing and comes to its relative end with continuity of the process of naming/calling/expressing in written or oral forms. In the process of perception this chain of continuity and closeness moves in the reverse direction: to hear/to read – to compare/to paragon/to match. So any theory or concept of mutual suitability or unsuitability cannot leave the practice of to compare/to paragon/to match – the concept of ancient comparison remains as the foundation of any metaphorical school.

We consider that H. Ortega-i-Gasset wanted to say that scientific thought is comparative analysis, and metaphoric thought is the process of comparative dialectic thinking in his utterance «метафора – незаменимое орудие разума, форма научного мышления... метафора – это перенесение имени [17. 90].» We think that semantic instability in metaphoric meaning is its basis of existing and developing. As metaphorical meaning gets stable and as a result the unity of form and meaning is achieved, metaphoric essence becomes historical for this socially conditioned unity. Since it is difficult to ground that formation of such expressions as *одам-а human being*, *хотин-а woman*, *эркак- а man* has metaphorical basis.

When we speak about metaphor, we should keep in mind that it is a mechanism of secondary nomination. As we told in the previous part, it is necessary to state that the secondary nomination appears as a result of the demand of the primary expression. Among secondary nomination means euphemisms which are the objects of our investigation take the central place. Euphemization is reflecting of cultural values in the language, the fruit of cultural activity.

It is known from the researches done in the field of euphemization that theme and from-meaning types are more differentiated among them. But there are few based on socio-cultural shift according the methods of formation. The scientists who made researches on the phenomenon of euphemism tried to investigate its characteristics based on different qualities in some respect. «As this phenomenon is many sided like other verbal units, these characterizations paid attention to different sides of euphemisms, and the achieved results are diverse. Though this diversity seems, we have to mention that they feel each other [7. 36]»

We can divide metaphoric expressions into naming and expressing types, and this division is relative like any decision. Since on the basis of any naming there is expression, any expression forms naming. For example the snake is given a quality of being a *rope*, and this formed as a result of making the animal taboo as a result of euphemization. It fulfills the task of principle nominative and at the same time defines, gives characteristics of the phenomenon, that is the snake resembles the rope in its form and it does not have legs. Characterizing

metaphor also has an intention of naming/calling in some respect. For example, «Аввалабор, бубетамизодамнинг, худомияўрнигасуяксизтил, илмўрнига гап берган **булбулигўё**нинг баландпарвоз гаплприб аравани куруқ олиб қочишлари ёвшига тегди (О Yokubov).» In this example metaphorical euphemization of **булбулигўё** is a characterizing expression used to replace such expressions as *маҳмадона*, *лаққи*. But the words *маҳмадона* and *лаққи* are characterizing and naming expressions, and the word **булбулигўё** replacing it first of all carries out the task of description as well as naming.

Any metaphorical expression in the beginning of its usage carries out the task of characterizing. But in the course of time and as a result of getting socialized of the unity of form and meaning the task of naming acquires the primary character. Metaphor, namely euphemic metaphor is one of the important means of language development. Euphemic metaphors or metaphoric euphemisms enrich synonymous ranges, poly meaningfulness and colorful words continuously. Especially in verbalizing the inner feelings of a man the role of euphemic metaphors is incomparable. Euphemistic type of the metaphor carries out a gnosiological function. Perception of a metaphoric euphemism and meaning of word play done by the help of euphemistic means is connected with person's belonging to this or that mental environment and thought activity. This is connected with the fact that metaphor is one of the bases of cognition of the reality. Since metaphor is verbal-cognitive method of cognition of the reality. In the 70s and 80 of the last century this problem was investigated by such scientist as A. Hili, R. Harris, A. Ortoni, R. Reynolde on the basis of the material in English. It is not without reason that J. Lakoff and M. Jonson defined metaphor as the concept of cognition [13. 387]. They interpreted metaphor as the third conceptual sphere emerging as a result of crossing two conceptual environments.

None of the languages is the precise reflection of national peculiarity. Otherwise there would not be even a word about inter-language impact, language nutrition from each other, or at least word borrowing from other languages. But in a certain language national peculiarity can be fully described. Verbal description of the reality, drawing verbally the social picture of the world depends on the degree of the unity of the «artist» with the world he belongs to, how well he absorbed ethnical values and the degree of its stability, presence or none presence of ideological gap in his outlook and thought. The verbal picture of the reality is very complex and many phased process; it has got an algorithm which is solid and continuous. This algorithm is a peculiar universal, and it is characterized by being one and the same postulate for any languages.

Metaphoric euphemistic device consists of main information content and connotative meaning is set upon it in layers. In fact information gets complicated with euphemistic connotative meaning, and one of the positive or negative meanings which served as a basis of a metaphoric image in the pile of connotative meanings plays the leading role, and maintains the direction of

connotative task. Metaphoric object in the role of connotative image is its denotative or connotative basis having euphemic meaning. For example let's have a look at the following sentence; «Арғамчига эҳтиёт бўл, унинг ишни бажариб , қочиб кетаётганлигини билиб қоласан холос» – (Be careful with the rope, you can only notice how it has done its job and is running away). In this sentence a metaphoric image is the *rope*. This image is a conditional sign. It is chosen as a metaphorical image because it looks like a snake. But is this sufficient to be chosen as an image? The form is primary and basic element for our sight. But as assistants always obey the primary source and cannot exist without it, the primary source cannot show in full its essence without its assistants. This is why there are a number of signs realizing and assisting the main quality form expressed by a euphemistic expression. They are such qualities of the rope as inanimateness as an object, safeness, usefulness for people and that people desire its destiny. If we pay attention the euphemistic expression in fact based on formative image cannot be explained and interpreted in isolation without qualities we have mentioned just now. Metaphorical image seemed to be only based on form in fact cannot describe the undermined meaning and task in isolation of additional signs in our subconsciousness. Besides, a euphemistic expression formed on the basis of a metaphoric image also has a functional value of «hiding the fear» moving these main and additional meanings in integrity. If these meanings do not work for this task, their existence will be spoiled. A word cannot convey a euphemic task unless it has one of such euphemistic bases as fear, shame, irritation and respect. Speech situation and condition also show euphemic power of an expression. If the word *арғамчи*- *rope* stays in language as a shifted expression of the *snake* on the new metaphoric basis and if it forms up some social peculiarities, become equal to the word of snake from the point of view of hiding fear, then the euphemistic task get weaker. Or if the expression shifts to speech in the areas where there are a lot of snakes, the taboo of the word *snake* and euphemization of the word *rope* gets stronger. So we can say that a certain circumstance and situation is one of the factors showing the degree of euphemization, in general a factor depicting pure euphemistic essence. For example those people who have taboo thought inclinations use rope or other such expressions when they are in a garden, cave, lake and other places. In such situation metaphoric euphemistic image works with its full strength. Anyway, taboozation of euphemistic metaphoric images in the minds of language speakers, replacing the words which are not proper to say, keeping their denotative meanings, giving new connotative colors are shown as new illustrational basis replacing the old expression. In using metaphorical euphemic expression the degree of activeness and workability of taboo maintains the degree of predicative content of euphemism. Metaphoric euphemic image can have the essence of multi meaningfulness it turned out that every occasional metaphoric euphemistic expression two layer task is fulfilled

and they are in mutual external and internal relations. Externally euphemistic meaning is expressed and internally predicative meaning is understood.

The reality is many sided and the world is three-dimensional. The world around us consists of the complex of quantity and quality signs and peculiarities. These signs and peculiarities cannot be expressed and imagined in separation with the objects they describe. Many sidedness of an object in the process of metaphorization, infinity of quality and quantity signs and peculiarities, conceptualization in the «??? field» show that they have free directions. Here working of only cognitive mechanisms correctly on the basis of certain conformity determine idealness of metaphoric scenario. Contemporary science ties all thought activity, creativeness and imaginary thought to metaphoric thought and metaphoric knowledge. During cognition a subject of thought uses his memories, in majority of cases find two items logically remote from one another, connects them with conditional, invisible ties – forms a metaphor. Ultimately, the result of thought transfers to real communication process: the speaker creates a metaphoric image on the basis of metaphrization, and this image of course is formed on existing and stable knowledge.

The language is one of the main means created by the process of cognition. It makes conditional and uses more human quality and peculiarities than other species, more perception, more memory, more problem solving, consciousness and skills.

From the cognitive point of view information contents of a unit with metaphoric meaning (for example: гул қизи (daughter of the flower)) consists of an interplay of a conclusion sign of a pile of connotative meanings of inner predicate which serves as its basis (У гулнинг қизидир (she is a daughter of the flower)) and subject (in order to strengthen beauty). And the most important of connotative meaning is a seme which shows whether positive (гул қизи- a daughter of the flower) or negative (ғилоф бандаси –a man of form) relation. Learning language facts together with people, ethnos, society values of the people speaking this language is getting more strength in the modern linguistics. Learning stable cultural-national images taking special place among interpretations of national-cultural values and stereotypes plays important role in the revealing and interpreting factors of formation of verbal depiction of the reality. Ethnic stereotypes are formed on the basis of knowledge and values connected with this nation. Ethnic values are characterized with their priority and stability to national values. When we say ethnic stereotype we mean «standard imagination and dimensions peculiar to the majority of people belonging to this or that ethnic group [9. 458].» For example the word *уй*– house which is the euphemic expression of *қабр*– grave can be an example for such an ethnic stereotype. In fact, we can say comparing the grave to the house is peculiar to all Turkic nations:

*У нимадир, дарвозасиз қалъадир,
У нимадир, деразасиз бинодир,*

*У нимадир, бир-биридан аълодир,
Шоир бўлсанг, шундан бизга хабар бер!*

(Махтумкули, «Савол-жавоб»)

What is it which is a fortress with no gates?

What is it which is a building windowless?

What is it that from each other is the best?

If you're poet tell us quickly what is that.

(Makhtumkuli, «Question-answer»)

Southern and central parts of Uzbekistan are characterized with more popularity of this stereotype.

House – a euphemic expression. It unites the stereotype of imaginations about afterlife. The notion of «grave» is seen in the unity with imaginations of the house. Secondary nomination of *house* enriches its original denotative content of subject matter with the notion of «grave», thus can convey twice as meaningful content, and this is its characteristic feature. Ideas about characteristic features of Nations and ethnic groups, metaphoric euphemic expressions formed on the basis of stereotypes can often be met in our language.

People of the world will not forget World War II when millions of innocent people got killed and the Fascist Germany invaders' massacres. As a result nations' consciousness formed a new form of mercilessness, ruthlessness, bloodthirstiness. Today we can meet a lot of examples of people's using the word *fascist* to qualify merciless people.

A number of euphemistic devices are formed on the basis of stereotypes unified ethnical and national peculiarities.

Human consciousness uses effectively the methods of analyzing generalness perceptively, relating analytically, networking synthetic generalness, breaking into pieces the essence of objects and events through going along the way of deductive analysis and thus forming full idea about process and structure. Here ideas of the theory of cognitive Gestalt fulfill the task of methodological support.

The central category of lingua-cognitology is concept. The thought unit of concept, idea is a philosophical phenomenon, meaning is the kernel of concept and idea, and this fact is recognized by all the specialists, and we think that it is not necessary to look through sources to prove this condition which has risen to the level of axiom. Lingua-cognitology which is being regarded to be one of the directions of semantic-cognitive analysis by the linguists also deals with such other cognitive categories as Script, Scenario, Gestalt and Frame. But they have a peculiar feature of working on the basis of the principle of «language - concept».

Personification is one of the peculiar forms of metaphoric shift. Alongside with this, in the essence of expressing a person or group of persons, social layer or social amalgamation there is euphemization. We can observe two forms of personification:

1) Forming sensitive expression about a thing through uniting animate object to inanimate one;

2) Forming less sensitive expression about a thing through uniting animate object to inanimate one;

In the latter condition there appear metaphoric euphemization. Personification of names of states, countries, organizations and institutions serve for euphemization. Personification of names of states, countries, organizations and institutions can clearly be seen in frame analysis. Human society has been compared to people from ancient times, and now this stereotype is preserved in the consciousness of people [12. 114]. For example a seme of person is loaded to such expressions as USA, Russia, Foggy Albion, Uzbekistan, Ukraine. Here are some examples 1. *Евросоюз объявил ещё пакет санкций против РФ (АиФ, - № 29, 2014).* 2. *Только на охрану семейка каждого из них [экс-президентов] США тратят ежегодно 500 тыс. долларов (АиФ, -№1. 1999).* 3. *Впервые со времён Второй Мировой войны США, образно выражаясь, «закрыли границ – ввели усиленный досмотр транспорта и грузов. (Изв., -№215, 2001).* Here the compared object and the human being form anthropometrical frame:

STATES, COUNTRIES, ORGANIZATIONS AND INSTITUTIONS = human

As states, countries, organizations and institutions are personified, all human biological and social characteristics are given to them. For example, Ўзбекистон бунга чуқур ҳис қилади, Малайзияга ҳамдардлик билдирилади, Россия қўл қовуштириб тура олмайди (Uzbekistan deeply understands the situation, Malaysia received sympathy, Russia cannot stay folding her arms).

State names in the above said examples imply the government members, state administration or people of this country. But in many cases a moral behavior and sometimes publicistic style demand of not naming directly a person or people's institutions makes it necessary to use other expressions euphemistically.

Every frame gets synthesized from descriptions of big texts. Opening the essence of concept expressed in this text meets the following problems:

- a) Metaphoric degree of expression;
- b) Euphemic degree of expression;
- c) Continuity of constituent parts;
- d) Discreteness of the text.

Regarding these four factors as devices of analysis in integrity gives the expected results from the frame analysis.

The problem of social peculiarisation of the language began to be the target of investigation of socio-linguistics rather than of social linguistics as an integral part of the problem of language and society in the midst of the last century. From this point on socio-linguistics began to be different from social linguistics and began dealing with the problem of language and socium. With

the change of ideas on social structure, social psychological approaches to the language and socium began to be more active. Social psychological researches connected with the questions of vertical - stepped networking of social structures – widening to the width (gender, age) began to bring to the approach to language phenomena as multi aspect phenomena according to this structure. Investigating the language according to the principles of «in the language», «the language is for the language» examined language units out of person and situation as the period's social order, and made it possible to reveal its pure ontological essence. The unity of «static nature and dynamism» of personal social factors is inversely proportional to «dynamism and static nature» of personal pragmatic factors. In other words, is static nature is a marker in a social factor and dynamism is its adjacent phenomenon, dynamism will have primary character in its own and direct meaning in the content of a pragmatic factor, and static nature plays the role of representative of not influencing the essence. In general, dynamism feature for static nature in social factor and static nature feature for dynamism in pragmatic factor serve as representative.

We see that euphemic style of description has a leading character when lexemes are peculiarised to express a metaphoric meaning, especially, social relations of upper and lower classes of the society.

We can see a vivid description of national culture as a nation sees the reality in separated peculiar way, in metaphoric use of language phenomena, especially, in expressing a euphemistic meaning. It is seen that the pragmatic factors in speech use of metaphoric euphemisms play a great role. This is connected with two conditions of their nature:

- a) Shifted meaning;
- b) Euphemic use.

Both of the conditions show that the influence of pragmatic factors, verbal essences on speech existence has a primary character.

In metaphoric euphemic use of lexemes it cannot be isolated from dominant or peripheral senses in stable semantic essence. Otherwise homonymity would appear as a result of semantic discharge.

Place and role of language possibility in verbal units as a result of metaphoric euphemization are peculiarly temperate. We have to pay attention to two conditions here. In one condition use of metaphoric unit with shifted meaning does not get far from the verbal essence of the lexeme. Just getting figurative of stable semantic essence can be observed. In other condition relation between basis and derivative is relatively weakened and derivative meaning of the word cannot be understood without a pure pragmatic factor. For example, a linguist scientist A. Omonturdiyev states that, in order to understand the metaphoric euphemic meaning of «to have intimate relations» by the verb *тоқырмоқ*- to see, we can see that the demand for pragmatic factors is considerably great. But in order the verb *бўлмоқ*- to be might have this meaning

using some verbal factors (for example *with*) is enough and can play the role of modification device.

It is not necessary to state the importance and role of speech situation in using euphemic means. Using them on the assumption of speech situation is displayed in higher level from other factors. Especially such verbs as *сүлмоқ- to die* or *вафот этмоқ- to pass away* are not related directly with the situation of death. In other words, in the situation of death we cannot use these words and this is connected with making taboo. Other alternatives of the occurrence are used in the situation of death and majority of them are characterized by having metaphoric essence. As H. Kodirova states that 16 out of 22 euphemic means expressing death are euphemies: *бу дунёи фониждан видео қилмоқ, дунё билан видолашмоқ, дунёдан кетмоқ, дунёдан кўчмоқ, дунёдан ўтган, жойи жаннатда бўлмоқ, жон бермоқ, қазо қилмоқ, қаро тупроққа қўшилмоқ, қон бермоқ, қулоғи остида қолмоқ, мангулик уйқуга кетмоқ, саодат қучоғига кирмоқ, сўнгги соати етмоқ, тобутга олинмоқ, ёшини яшаб, ошини ошамоқ*[7. 56].

Most of these euphemisms are characterized by being metaphorical. In pragmatic peculiarizing of metaphoric euphemisms the unity and cooperation of none verbal factors are more clearly seen.

We can say as a conclusion that metaphoric euphemic means are characterized by higher degree the feature of pragmatic and social peculiarising. The category of person plays the role of connector between pragmatic and social peculiarisation.

The category of person can be seen in one of the two contents:

- a) Human factor;
- b) Personal factor.

Human factor comprises social peculiarities of the person, and it is regarded as a social realization means.

On the one hand, it seems illogic to differentiate all types of metaphors into cognitive or in-cognitive according to their role of knowledge formation or knowledge expression. But on the other hand, metaphor is considered to be as a phenomenon unifying the paradigms of linguistics formed in the last quarter of the XX century and as a foundation stone for all types of cognitive researches. There are different conclusions, so, there are different ideas and attitudes are contradictory. This fact proves the idea that the object of the research is dialectically many-sided phenomenon.

Metaphoric researches, which began in the times of Aristotle, including the concept of mutual semantic impact, could not go out of the traditional framework of the issue of attitude towards metaphor. It is clear that serious difference between the ancient comparative metaphoric concept and the concept of semantic impact. All of them analyze metaphor from the point of view of linguistics, and were discussed as a semantic phenomenon. We can say that only E. Mac Cormac's "Cognitive Theory of Metaphor" made a turning point in the

field. Only he walked along the path of analyzing metaphor in connection with the process of man's knowing. In spite of this, he also went on the footprints of his predecessors and used comparative concept as a methodological basis. Earl Mac Cormac thinks that comparing external not corresponding semantic concepts in rational process is the main basis for emergence of metaphors. Dialectics of similarity and dissimilarity comprises the foundation of metaphoric process. The listener has to understand the metaphor in some respect in order to perceive it. For this reason, the metaphor must have signs of the old, and it must have some aspects the new as the listener must get a new meaning and content from it. This two-sided proneness to conflict is regarded to be the stem root of the metaphor. And this gives an evidence that conflict and opposition are the forms and contents of existence of the metaphor as well as all language phenomena [14. 358-386].

Euphemistic type of the metaphor in majority of cases has gnoseologic function. Using a metaphor, the speaker opens ever more new aspects of the objects in comparison, and these aspects are evaluated, analyzed, on the basis and by means of existing semantic phenomena on the one hand and on the other widens, deepens, multiplies branches of semantic genealogical trees. In general, secondary nominative units, secondary predicates, secondary qualifying are formed on the basis of the process of comparison that on the basis of all of them there is the system and results of cognitive processes.

Cognitive metaphoric euphemisms create semantic niceties when compared to their traditional alternatives. On the one hand they create delicate differences between euphemistic expressions and traditional expressions, on the other they bring them close to each other. In other words they verbalize cohesion and relatedness of externally entirely different phenomena on the basis of above mentioned principles of similarities and dissimilarities. For example, the idea of "dying" can be expressed by the following metaphoric euphemisms in Uzbek: *қулоғи остида қолди* – he has been left under ears, *ризқи қийилди* – his portion has been cut, *қуни ботди* – his days have come to the end, *умр ботиғизга нуқта қўйди* – a full stop has been put to his life, *кўнга қўшилди* – he has joined the majority etc. All of these expressions are formed on metaphoric basis. They demonstrate themselves as peculiar semantic concepts. Here we don't see any internal proximity to the idea of "dying". Internal connection comes into existence only as a result of cognitive activity of external likeness. Perception of the very euphemistic expressions forms not figurative imagination but none-figurative event. We do not reject figurativeness, it seeps out through subconsciousness and our deliberate cognitive activity do not pay "intentional attention" to it.

Ordinary interpretations in the form of transforming a feature of one object to the other cannot show the cognitive essence of Metaphoric euphemisms. Externally, in such understood euphemisms a feature of an object is compared to an event, process, condition, thought, idea, theory and concept; serves as a basis

of resemblance to so many obstruct ideas, and this forms even more new logical predicates in thought as organicity and continuance, duration and succession, conventionality and conditionality, targetness and intendedness. Let us have a look at a text analyzed by linguists with special attention:

*“There should be a **meaning** in speech,” said Gulshan, “so much giggling for nothing; it is better to go to sleep.”*

*“Can you tell us what **meaning** is, Gulshan opa?”*

*“Don’t ask the meaning of **meaning**, Tuhfa,” said Qumri, “Let Gulshan opa answer, if there is any **meaning** in being imprisoned in this “Qirq Qiz?”*

*“Leave her,” said one of the girls, “Gulshan opa has left her husband alone and she is now a **meaningless** among us – other **meaninglesses**; is there any **meaning** in this?”*

“May your voices go down.”

“There is, there is,” said someone, “She will bring some companions for us.”

“Is there any meaning if she brings some companions for us?”

*“Why there shouldn’t be a **meaning**, there will be more such **meaninglesses** as we are.”*

*“May all of you go to hell! I won’t multiply **meaninglesses** anymore, go to sleep peacefully.”*

*“Well done,” said Nozik, “now you have some **meaning**.[10. 73]”*

Analyzing the text a linguist H. Kodirova, though he has not any cognitive based attitude towards the matter, tries to bring light upon these features of euphemisms.

At the beginning of the text the word *маъни* is used with the meaning of “meaning, content” and performs the function of nominative in its proper meaning. But, at the same time it performs contextual function, i.e. it serves as a fulfillment key of performing the author’s intention. Further in the text it might perform the role of a shade of meaning of ironical hint and other cognitive meanings. It may be just a question of a young girl asked as a result of being playful, or it may be a hint to another thing of a girl who is “very shrewd” or “frivolous.” This must be got by the reader as well. It may also be a rhetoric question as the researcher says. After all, “rhetoric questions deliver conclusions as well as occurrences which are difficult to mention in “hidden”, “closed” poetic style [15 .55].” The very expression which according to the researcher shows that the girls lead meaningless life and they are bored demonstrates its euphemistic coloring. The third sentence of the play of words beginning with: *“Can you tell us what meaning is, Gulshan opa?”* uses the word **meaning** three times. Here this word plays the role of poetic rhyme and makes bigger the impact of the play of words: *“Don’t ask the meaning of meaning...[7. 86-87]”*

The word **meaningless** in *“Gulshan opa has left her husband alone and she is now a meaningless among us – other meaninglessnesses...”* conveys a euphemistic meaning of “without husband”, “manless”. H. Kodirova evaluates it as a euphemic expression of a meaning of “being insulted, outraged, being a toy

before the eyes of others” not of a meaning of “like us whose dreams were outraged” [7. 86-87]. This serves as a stronger euphemic dress for the meaning we supposed. One more meaning of the word “meaningless” is “prostitute” or “a beautiful girl”. This can be reconstituted on the basis of cognitive meaning of the profession of Gulshan opa: “*there will be more such meaninglessnesses as we are.*”; “*I won’t multiply meaninglessnesses any more.*”

If one pays attention, the euphemism of *meaningful* is to be with a proper man appropriate by Islam and *meaningless* formed on the basis of metaphoric meaning of being free from such essence. Generally, as a result of the word play of *meaning* and *meaningful* has a new cognitive function on the basis of paronymic relation. One can understand this cognitive meaning in the text. It is also clear that there is some inner hint at the importance of *meaningful* life.

It is evident that perception of word plays on the basis of metaphoric euphemisms as well as euphemistic means is connected with mental environment of a personality and thinking activity. And this is connected with metaphor’s basis of knowing the reality. Why, the metaphor is lingua-cognitive means of expressing and perception of the reality. In the 70s and 80s of the last century this problem was learned by A.Hilly, R.Harris, A.Ortony, R.Reynolde and others on the basis of English material. It is not for nothing that J.Lakoff and M. Jonson looked at metaphor as a conception of the way of knowing. They regarded it as the third conceptual sphere appeared in the intersection of two different conceptual areas [13. 387-415].

In general euphemization conveys a cognitive function as a many sided phenomenon. This can especially be seen in metaphoric euphemisms more clearly.

Metaphor, namely euphemic metaphor is one of the main means of development of the language. Euphemic metaphors or metaphoric euphemes constantly enrich language vocabulary – synonym ring, multi meaning words, colorful words. The role of euphemic metaphors is invaluable especially in verbalizing the inner feelings of man. N.D.Arutyunova says “Without metaphor the vocabulary of “invisible worlds” (Inner World Life of Man) [1. 5]

We can see that our linguistic activity would not exist without metaphor. It covers the expression of idea and the idea itself. There is no any area of thought without participation of metaphor. The main means of understanding, evaluating, explaining, characterizing the reality is metaphor. Even the means of differentiating feature of the man from artificial intellect is metaphor. That is why metaphor came to the linguistic from other fields of science became an object of investigation of linguistics and other sciences as well as a result of development of linguistics in the new century. As a result lingua-cognitology which is a paradigm in the section of different sciences also began learning peculiarities of many sided metaphor and there appeared a new notion – *cognitive metaphor*[2. 385-402]. As Yu.S.Stepanov said, “The metaphor – fundamental characteristics of language... by means of metaphor the speaker

singles out from an intimate circle, adjacent to his body and coinciding with the moment of speech, other worlds [18. 228].” And this circumstance requires deeper learning of the role of metaphor.

The quality of creative and figurative thought, oral and written expression of the product of thought in accordance with the speech condition is maintained by the degree of metaphoric thinking. A creator of euphemic metaphor, as all creators of metaphor, relying on his logical and linguistic experience, looks for coincidence and similarities between logically not related objects, finds them, connects the objects in his mind, constructs logical bridge between them and as a result founds a euphemic metaphor. He chooses linguistic dress for image in thought and brings it to life in compliance with pragmatic situation in speech. “In general, psychologists consider the language to be a display of cognitive processes. It reflects thought, perception, memory, stronger than other types of behavior of the man” [5. 184-193].

Degree of cognition and intellectual facilities of a language owner find their reflection in metaphoric euphemisms. The cooperation of linguistic knowledge, gumption and speech qualification plays a significant role in creating especially provisional metaphoric euphemisms. The importance of paradigmatic associative connections is bigger than those of syntagmatic relations in maintaining the meaning of metaphor of speech phenomenon (sentence, phrase, text). Semic content of permanent and provisional units of the single system of paradigmatic relations gets clearer and it can be seen that expression semes of euphemies on metaphoric basis are more noticeable. In general, coming into being and perception of a metaphoric euphemistic meaning, though, on syntagmatic basis and its essence are realized in connection of associative thought peculiarities of cognition degree and personal qualities (ability and ethnic origin) of the addressee. Units used in coding take part in decoding too. The level of these units in the end, serve for improving the quality of communication. Let us try to analyze the euphemism of *correspondence* used in “Past Days” by Abdulla Qodiriy:

1. “I think there is no more delicate business than getting married,” said Rahmat and looked at Otabek. “When getting married its very good if your wife corresponds to your tastes; otherwise, there is no a more difficult situation.”
2. “No doubt that you are telling the truth,” he said, “but I must also tell you that as the wife should *correspond* to the tastes of her future husband, the husband also should *correspond* to his future wife’s requirements.”
3. “Corresponding and not corresponding to wife is not so important,” said Homid objecting a little, “for women only the word husband itself is enough... as my nephew said the wife should correspond to the tastes of her husband.”
4. For example I got married to the girl who was to the liking of my parents... but though my wife corresponds to the tastes of my parents, she does not correspond to my tastes, perhaps, as you told, I don’t correspond to my wife’s tastes either.

5. "My nephew," said Homid looking at Rahmat, "at the beginning you got married in accordance with your parents will, of course, and it is not good to take offence at them for it. If your wife does not correspond to your tastes, get married to a corresponding one and have two wives. If it is not all right with her either get married to the third one. It is not good for a man to remain in grief if his wife does not correspond to his tastes" [11. 3-4].

In this point we think it is necessary to bring the definition of the word of *мувофиқ*– corresponding, given in the dictionary of the Uzbek language:

МУВОФИҚ[Arabic – approver, corresponding, convenient, suitable]

1) Corresponding, suitable, worthy, fit. *To find a suitable job. They wanted to send a messenger, Hasanali was chosen as a suitable (мувофиқ) person for this mission. (Past days. A. Qodiriy)*

The man who chose the nickname "Titmouse" for Nabigul found a very suitable (мувофиқ) one. (A Wingless Titmouse. A. Qahhor)

2) Typical, fit, deserving. *A deserving (мувофиқ) reply*

3) In accordance with, on the basis, according to. *In accordance with law regulations. According to traditions. On the basis of the decree. According to their mutual commotion new lands, waters taken up will transfer to Teshaboy for nothing. (Fergana Before the Dawn. M. Ismoiliy)[19. 615].*

In the above given extract some of the three ideas were used with euphemistic purposes. Namely, in the first phrase the euphemism of *correspondence (muvoifiq)* serves to express the meaning of "to be to one's liking" on euphemistic basis. So, when Rahmat uses *corresponding to taste* as "to be to one's liking", he is based on associative closeness of *corresponding* with the verb "to be to one's liking" of the linguistic intellect of the Uzbeks. Besides, this inter-words associative connection is understood by addressees and a range of cognitive transactions are carried on. On the basis of the word "*muvoifiq*" Otabek draws our attention to under some of "two sidedness": "*No doubt that you are telling the truth,*" he said, "*but I must also tell you that as the wife should correspond to the tastes of her future husband, the husband also should correspond to his future wife's requirements.*" In Homid's thought "*muvoifiq*" is one sided phenomenon and the very expression of none family – husband-wife relations of "objective two sidedness" prevails in his understanding: "*Corresponding and not corresponding to wife is not so important,*" said Homid objecting a little, "*for women only the word husband itself is enough... as my nephew said the wife should correspond to the tastes of her husband.*" Main informative content is about relations of husband and wife. The word "*muvoifiq*", expressing different approaches to this relation, with its euphemistic meaning plays the role of curtaining the speakers' views. On the basis of the polemics one can notice the choice of accepting or not accepting the methodological power of Uzbekish saying "Тенг тенги билан, тезак қопи билан" (everybody has his equal). A linguist H. Kodirova contends that "those who carry on polemics do not speak openly; everybody looks upon "*muvoifiq*" in

his own way, understands in his own way and interprets in his own way. This word Only expresses such meaning as finding a way to one's heart", "serving him", "not to contradict him", "serving for necessary demands" which are not permitted to speak about openly in some extend. Though Homid is given the status of a negative hero by the writer, he speaks only curtailed words, he is also not deprived of national feeling of shame and politeness, is not shown to the reader in a rude manner. Here we can be witnesses of the author's high valuing national shame and delicateness. The author achieves his goal by using the word "*muvofig*" which means "corresponding" or "fit" in designed and sensible manner. This euphemism like other euphemisms is used in order to fulfill the task of leaving positive impression and not using dislikable words" [7. 81].

If we pay attention, colorful aspects of outlook of those having the polemics as well as their life experience serve as basis for the opposition in thoughts. Otabek does not have enough experience in family – husband-wife relations. And when because of lack of experience he stresses such meanings as "to like" and "to dislike" of the word "*muvofig*", in Homids using of the words prevails euphemistic meaning of "one sided correspondence" as a result of his limitation in personal nature. As H. Kodirova says, "one sided correspondence" can be seen in general meanings of "being subordinate, dependant, limiting personal freedoms" in Homid's each sentence. "In using connotative character in the function of nominative the meaning of ascribed to him predicative signs can vary according to language situation and to individual peculiarities of the subject of speech. The existence of connotation in a system of language often goes in the framework of functional meanings" [3. 245]. Here the metaphoric euphemism of "*muvofig*" in connection with speech intention of subjects forms colorful euphemistic features in different situations.

So we can say that objective metaphoric regularity in cognitive metaphoric euphemisms form complex lingua-cognitive and logical mixture with subjective relation and in speech condition.

Conclusion

Communication is peculiar in every ethnic environment; it is an alive and dynamic system; its composition and construction are heterogeneous; constituent relations are complex. Lingua-cultural analysis of language unites used in communication system in their full complexity – communication environment, in integrity of social-cultural and verbal factors and shifting the researches from pure language investigation to the level of integral analysis have theoretical and practical importance.

The degree of communication culture is displayed in speaker's inner world, achieving his communicative aim by observing speech etiquette, using effectively euphemic means formed and developed in connection of the language with national environment, ensuring gracefulness of description in all languages of the world.

Thanks to taboo, euphemistic means acquires new importance (value). Euphemization may be valued differently in connection with its product. Communication environment, communication situation and culture create the process of euphemism. Euphemisms are socially peculiarised, euphemism situation in every social system goes on in connection with the environment.

Getting old of the new, opposition between new and old, feelings of shame and fear, social prohibition and irritation can be basis for speech euphemization. Dissatisfaction of a person with expression makes up euphemization. Dissatisfaction is the first step towards ensuring the quality of communication. Choosing and using language units aims at affecting the listener, making him serve for the main goal; euphemism as a means of self manifestation of prevents communication inconvenience which may appear with the listener.

National outlook is integral with metaphoric support; it is the product and mechanism of secondary nomination; here euphemisms take the leading role. Its metaphoric nature can be seen in the reflection of national-mental view in the reality. Metaphoric euphemization is displaying of cultural values in the language, and in such euphemes preciseness, sensitiveness, attractiveness, abstract relation between objects and occurrences.

Euphemic metaphors or metaphoric euphemisms enrich lexical system of language, synonymous ranges, poly meaningness, colored words continuously. Euphemistic type of the metaphor carries out gnosiological function in many cases. Cognitive metaphoric euphemisms form up delicate differences comparing their traditional alternatives.

Perceiving the content and nature of metaphoric euphemism is connected with the environment the person belongs to and thought activity. The quality of expressing creative and figurative thought, the product of thought is marked with the degree of thought. The degree of cognition and intellectual ability of a language user can be clearly seen in metaphoric euphemism. Especially, in creating temporary cognitive metaphoric euphemism, knowledge of language, cooperation of wit and speech qualification is of special interest.

Metaphoric euphemistic construction is formed from the content of the main information and connotative meaning set in layers on it. Information gets more complex; one of the positive or negative in the range of connotative meaning takes the lead. Strengthening of connotative meaning occurs at the expense of weakening denotative and functional meanings.

The language is one of the main means of formation of cognitive process. It demands ads use more thought, memory, doing sums, wit and skills.

Ethnic stereotypes are formed on the basis of knowledge and values connected with this ethnic group. Ethnic values are characterized with being more prior and stable than national values. There are a lot of metaphoric euphemic expressions formed on the basis of ideas about peculiarities of nations and ethnic groups. Looking at the width of the stereotype, metaphoric

expression used on the basis of this stereotype has colorful and networked features.

Ethnic idea enlarges expression possibility of the language. Stereotypes formed on the basis of concrete and stable images introduce into mutual systematic relations the words which are not externally connected and close; modifies their substantial essence in connection with environment, condition and other factors.

Conceptual potential of language units is its potential of displaying the essence of different concepts by its semantic width. Verbal or speech expression is many sided and polyfunctional nature; it can be a representative of different conceptual essences according to the width of its semantic scale.

References:

1. Arutjunova N.D. Metafora i diskurs // Teorija metafor. – M., 1990. – S. 5-51.
2. Arutjunova N. D. Metafora v jazyke chuvstv // Arutjunova N. D. Jazyk i mir cheloveka. M., 1999. S. 385-402.
3. Arutjunova N.D. Tipy jazykovyh znachenij: Ocenka. Sobytiya. Fakt. - M.: Nauka, 1988. – 341 s.
4. Baldaev D.S., Belko V.K., Isupov I.M. Slovar' tjuremno-lagernogo blatnogo zhargona. M., 1992. – S.314.
5. Baranov A.N. Oчерk kognitivnoj teorii metafor // Russkaja politicheskaja metafora (materialy k slovarju). – M.: IRJa RAN, 1991. S.184-193
6. Grajs G. Logika i rechevoe obshhenie // Novoe v zarubezhnoj lingvistike. – M., 1985, Vyp. 16.
7. Kadirova H.B. Abdulla Kodirijning jevfemizm va disfemizmlardan foj dalanish maxorati: Filologiya fanlari nomzodi ilmiy darazhasini olish uchun takdim jetilgan dissertacija. – Toshkent, 2009.
8. Krysin L.P. Iz istorii upotreblenija slov osobyj i special'nyj // Rusistika, 1990, -№ 2. - 64 -69.
9. Krysin L.P. Jetnostereotypy v sovremennom jazykovom soznanii: k postanovke problemy // Filosofskie i lingvokul'turologicheskie problemy tolerantnosti. – Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 2003.
10. Kodirij A. Mexrobdan chajon. Toshkent. Adabijot va san#at, 1994. – 149 b.
11. Kodirij A. Ytkan kunlar. T.: Ykituvchi, 1985. – 399 b.
12. Laguta O.N. Metaforologiya: teoreticheskie aspekty. –Novosibirsk: NGU, 2003.
13. Lakoff D., Dzhonson M. Metafor, kotorymi my zhivem // Teorija metafor. M., 1990. S. 387-415
14. Makkormak Je. Kognitivnaja teorija metafor // Teorija Metafor / pod red. N.D.Arutjunovoj i M.A.Zhurinskoj. – M.: Progress, 1990. – C.358 – 386.
15. Omonturdiev A.Zh. Professional nutq jevfemikasi. – Toshkent: Fan, 2008
16. Omonturdiev A.Zh. Yzbek tilining kiskacha jevfemik lu#ati. – T.: Fan, 2006. – 134 b.

17. Ortega-i-Gasset H. Dve glavnye metafori // Teoriya metafori. –M., 1990.
18. Stepanov Ju.S. V trehmernom prostranstve jazyka (Semioticheskie problemy lingvistiki, filosofii i iskusstva). M.: Nauka, 1985.
19. Ўзбек tilining izoxli luʼati. 5-zhildli. Ikkinchichi zhild. Toshkent: Ўzbekiston millij jenciklopedijasi, 2006. – 671 b.
20. Ўzbekiston Millij jenciklopedijasi. 12 tomlik. 8- tom.
21. Ўzbekiston Respublikasi Prezidenti Shavkat Mirzijoeyvning Olij Mazhlisga Murozhaatnomasi /prezident.uz/uz/lists/view/137).
22. Falsafa: qomusij luʼat (Tuzuvchi va masʼul muxarrir K.Nazarov). – T.: «Shark» NMAK Bosh taxririjati, 2004. (- 496 b.) – B.476.

МЕНТАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИХ И МЕТОДИЧЕСКИХ ОСНОВ ФОРМИРОВАНИЯ ГРАММАТИЧЕСКИХ НАВЫКОВ ОПОЗНАНИЯ И ПОНИМАНИЯ ФОРМ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА

Бакаев Нажмиддин Бакаевич

Кандидат педагогических наук, доцент
Бухарский государственный медицинский институт
Бухара, Узбекистан

**Mental features of psycholinguistic and methodological bases forming the
grammatic skills of understanding and understanding the forms of the past
time of the french language**

Bakaev Najmiddin

Введение

Функциональная система глаголов французского языка отличается определенной сложностью, особенно остро ощутимой тогда, когда этот язык изучается как иностранный. При чтении французских текстов студенты-узбеки должны понимать не только общий временной план действий, выражаемых тем или иным временем, но и видовые оттенки, обозначающие характер протекания действия или процесса в его отношении к длительности, завершенности, результату, пределу и т.п. Чтобы сделать процесс изучения системы французского глагола, в частности, его форм прошедшего времени изъявительного наклонения в узбекской аудитории более эффективным, необходимо выявить особенности, которые контрастируют с нормами спряжения глагола в родном языке, вскрыв тем самым природу возможных ошибок студентов с целью их предотвращения. Таким образом, разработка рациональной методики обучения опознанию и пониманию форм прошедшего времени французского языка при чтении должна основываться на лингвистическом

сопоставлении этих форм в двух языках, иностранном и родном, а также на выявлении и анализе типичных ошибок, допускаемых студентами.

Установление соответствия и различия грамматических особенностей глагольных форм прошедшего времени во французском и узбекском языках и проведенный на этой основе анализ типичных ошибок студентов-узбеков на узнавание и понимание данных форм в процессе чтения иностранного текста позволили определить объем грамматического материала, который должен быть прочно усвоен. Эффективность его усвоения требует не только учета лингвистических факторов, но и опоры на психологические основы, поскольку процесс обучения организуется в зависимости от психологических особенностей овладения тем или иным видом речевой деятельности и конкретным учебным материалом.

Решая методические вопросы обучения опознанию и пониманию форм прошедшего времени французского глагола при чтении, необходимо рассмотреть психологические и лингвистические особенности восприятия и понимания читаемого иностранного текста, определить основные этапы формирования грамматических навыков чтения и, учитывая методологические, дидактические и методические принципы обучения иностранным языкам, разработать специальный комплекс упражнений и приемы его использования в учебной работе.

Методика и материалы

Контрастивному изучению разносистемных языков в последнее время уделяется большое внимание. Академик В.В.Виноградов говорит, что наряду со сравнительно-историческим необходимо и сравнительно-сопоставительное изучение языков[8,с.38-47].Широкое распространение сопоставительного анализа разносистемных языков в нашей стране, как пишет Р.Ю.Барсук[3,с.535-536], объясняется прежде всего тем, что Узбекистан - многонациональная страна, в которой представлено свыше 130 языков коренных народов.

Задача сопоставительного лингвистического анализа состоит в том, чтобы выявить все общее в изучаемых языках и все отличительное, национальное в каждом из них и таким образом полнее и глубже представить их внутреннюю организацию. Сопоставительное изучение различных, в том числе и разносистемных языков, как указывал В.Д.Аракин, имеет большое научное и практическое значение [1, с.62-63].

Особую важность приобретает методический аспект сопоставительного анализа родного и иностранного языков. В.А.Артемов подчеркивал, что методические исследования, проводимые с целью выявления различий в грамматическом строе родного и изучаемого иностранных языков, должны быть проведены в первую очередь [2,с.258). Такие исследования необходимы для совершенствования учебного процесса по иностранному языку, для преодоления тех трудностей, которые являются результатом

расхождения морфологического и синтаксического строя родного и иностранного языков.

Использование лингвистического сопоставительного метода требует точного определения, о какой цели осуществляется сопоставление, какой язык берется за исходный, на каком конкретном материале и как оно проводится, какие результаты ожидаются. В данной работе сопоставление французского и узбекского языков проводится с научно-методической целью, ставится задача выявления характерных трудностей в опознании и понимании студентами-узбеками при чтении форм прошедшего времени французского глагола и разработки комплекса упражнений для преодоления этих трудностей. В качестве исходного берется узбекский язык. Конкретным материалом исследования служат временные формы *passé composé*, *passé simple*, *imparfait* и их узбекские эквиваленты. При сопоставлении осуществляется анализ семантики и структуры соответствующих форм прошедшего времени во французском и родном (узбекском) языках на уровне письменной речи, воспринимаемой при чтении как одном из основных видов учебной работы.

Ожидаемый результат - значительное улучшение понимания студентами-узбеками видо-временных значений прошедших времен во французском тексте по специальности "история".

Исходя из поставленных целей и на основании оригинальных французских текстов и их переводов на узбекский язык, мы делаем попытку установить постоянные соответствия видо-временной семантики различных форм прошедшего времени во французском и узбекском языках, а также определить характер соотношенности их структурного состава.

Фактический материал для лингвистического сопоставительного анализа почерпнут из французской литературы по специальности "история" и художественных произведений, которые переводились на узбекский язык (новеллы П.Мериме "Таманго" и "Матео Фальконе"). Для большей достоверности выводов использовались также французские переводы произведений узбекских авторов (роман Ш.Рашидова "Буронданкучли" и рассказ А.Каххара "Махаллада"). Было использовано около 10000 примеров из оригинальной литературы в сопоставлении с их переводными эквивалентами.

Обсуждение и анализ

Психолингвистические особенности формирования грамматических навыков чтения

Для разработки рациональных методов обучения студентов-узбеков временным формам французского глагола следует определить трудности, с которыми они сталкиваются в процессе чтения. Как свидетельствуют многочисленные научно-обоснованные методические исследования на материале различных языков (английского, немецкого), ошибки в

опознании и понимании временных форм глагола относятся к числу самых распространенных и устойчивых грамматических ошибок, так как глагольная парадигма включает наибольшее, по сравнению с другими частями речи, количество лексических единиц, каждая из которых имеет свою грамматическую семантику, определяемую наличием тех или иных структурных формантов.

Как известно, в методике имеются два способа определения типичных ошибок: а) способ выявления трудностей посредством лингво-методического сопоставительного анализа двух языков (изучаемого и родного), что дает возможность прогнозировать ошибки, вызванные интерферирующим влиянием родного языка. В предыдущем разделе нами были рассмотрены формы прошедших времен французского и узбекского языков в плане их структурно-семантического соответствия или несоответствия. Результаты сопоставления дают возможность предвидеть основные трудности для учащихся-узбеков, вызванные не-совпадением форм прошедших времен изъявительного наклонения неродственных языков как по форме образования, так и по семантике; б) второй способ заключается в анализе ошибок, допускаемых студентами непосредственно в практике изучения иностранного языка.

Причина возникновения типичных ошибок и методика их анализа рассмотрены в исследовании В.Д.Аракина, который делит ошибки на две группы. К первой группе относятся ошибки случайного характера, возникающие вследствие недостаточной отработки учебного материала, как текущего, так и пройденного ранее. Подобные ошибки обычно не носят принципиального характера и могут быть постепенно преодолены путем увеличения соответствующих однотипных упражнений. Ко второй группе относятся ошибки устойчивого характера, которые являются типичными для всех или для подавляющего большинства носителей данного родного языка. Данные ошибки являются постоянными, устойчивыми и трудно преодолеваются (Аракин 1979:248-249). З.И.Клычникова полагает, что ошибки, допускаемые студентами при чтении текстов на иностранном языке, можно классифицировать на основе аспектно-языкового, формально-информационного и психологического принципов. С точки зрения задач данного исследования наибольший интерес представляют аспектно-языковые ошибки, которые возникают под влиянием ряда факторов, в частности, внутриязыковой и межьязыковой интерференции, ложной эмоциональной апперцепции и др. К аспектно-языковым ошибкам относятся ошибки в области фонетики, лексики и грамматики (Клычникова, 1983:83).

Типичным ошибкам при изучении временных форм английского и французского языков посвящен ряд исследований методистов-преподавателей тюркоязычных школ. Анализируя допускаемые учащимися типичные ошибки при употреблении видо-временных глагольных форм

иностранного языка, исследователи проводят их классификацию на основе выделяемых причин. Они приходят к выводу, что наибольшее количество типичных ошибок имеют причиной межъязыковую интерференцию. Определенное интерферирующее влияние оказывают также различные грамматические формы и категории изучаемого иностранного языка, что обуславливает неправильный выбор той или иной глагольной временной формы или их неправильное опознание в текстах. Такие ошибки возникают в результате внутриязыковой интерференции. Так, анализируя характер типичных ошибок учащихся-азербайджанцев при употреблении временных форм французского глагола в устной речи, подразделяют их на два типа: 1) ошибки, возникающие под влиянием азербайджанского языка; 2) ошибки, возникающие под влиянием внутриязыковой интерференции. Типичные ошибки, допускаемые студентами и учащимися тюрко-язычных средних школ при усвоении грамматических явлений французского языка, до настоящего времени исследовались недостаточно. На базе же узбекского языка исследования подобного рода вообще отсутствуют.

Для разработки рациональных методов и приемов обучения чтению иностранного текста методист должен ясно представлять приемы и этапы переработки информации читающим с психолингвистической точки зрения.

В основе чтения как вида рецептивной речевой деятельности лежат, как известно, сложные психические процессы, связанные с восприятием и пониманием чтения как "процесса восприятия и активной переработки информации, графически закодированной по системе того или иного языка" [9, с.5].

Активная переработка информации, заключенной в тексте, выражается в перекодировании речевой посылки в смысл, отвечающий содержанию читаемого текста. Цель чтения заключается в раскрытии смысловых связей, осмыслении зрительно воспринимаемого речевого сообщения.

В настоящее время установлено, что единицей зрительного восприятия иностранного текста при чтении в подготовленной аудитории является единица, не меньшая чем слово. Восприятие, как процесс, имеющий целостный характер, предполагает графическую и смысловую законченность воспринимаемого, что присуще слову. На втором этапе графические изображения слов перекодируются читающим в звукомоторные корреляты, поскольку чтение всегда сопровождается внутренним проговариванием, и соотносятся с хранимыми в оперативной памяти первого порядка эталонными звукомоторными образами, в результате чего происходит их узнавание.

Узнавание и понимание значения отдельных слов не обеспечивает, однако, понимания смысла предложения и тем более всего читаемого текста. Слова должны быть восприняты в их контекстных связях, формально выражаемых различными грамматическими показателями. На

третьем этапе процесса чтения и происходит объединение считываемых слов в словосочетания, синтагмы и предложения, т.е. совершается процесс перехода от заданных в словах лингвистических значений к смыслам [6, с.36). При этом слова в оперативной памяти первого порядка (памяти слов) стираются и в новом, синтагменном, коде обрабатываются в оперативной памяти второго порядка, памяти синтагменных образов. Перекодирование словесной синтагмы в синтагменный образ и накопление таких образов совершается на четвертом этапе процесса чтения. На пятом, последнем, этапе синтагменные образы подвергаются дальнейшей переработке и кодируются в интегральном виде в высшем коде смысла (конечный код рецепции). Разработанная И.М.Берманом гипотетическая коммуникативная модель процесса чтения представляет этот процесс как декодирование, причем переработка информации на каждой ступени совершается под контролем высших ступеней на основе постоянной обратной связи.

Исследуя вопрос обучения пониманию глагольных форм прошедшего времени французского языка в процессе чтения и учитывая этапы этого процесса, отраженные в рассмотренной модели, мы приходим к выводу, что поставленную учебную задачу нельзя успешно решить, если ограничиться выработкой у студентов умений находить эквивалентные лексико-грамматические значения глагольным единицам, употребленным в определенной форме прошедшего времени. Необходимо вырабатывать у них навык учитывать контекстные связи и преобразовывать лексико-грамматические значения глаголов в смысловой компонент общего смысла предложения, а затем и всего читаемого текста. Рациональность такого подхода становится еще очевиднее, если учесть, что именно глагол-сказуемое является смысловым центром предложения, основным носителем предикативности как синтаксической категории, формирующей предложение.

В процессе чтения, как уже отмечалось, психологи выделяют два основных психологических действия: восприятие и понимание. Раскрытие их сущности составляет важную и сложную задачу психолингвистики, однако необходимо как опора при разработке методики обучения чтению. Восприятие представляет собой "операционную структуру" и включает перцептивные операции обнаружения, различения, идентификации, опознания [14, с.235]. В основе этих операций лежат действия выбора и сличения объектов зрительного восприятия с эталоном, заложенным в долговременной памяти человека, и на этой основе их идентификации [9, с.19]. Исходная фаза перцептивного процесса - обнаружение. Она заключается в том, что субъект только обнаруживает наличие стимула для восприятия. Применительно к процессу чтения стимулом выступает речевая посылка в виде письменного текста.

Следующая операция восприятия - различение, затем следуют сличение, идентификация, опознание. Конечным результатом этих операций является формирование перцептивного образа.

При чтении иностранного текста в студенческой аудитории, владеющей на базе средней школы некоторой суммой знаний по иностранному языку, восприятие происходит на уровне различения отдельных слов, их сличения и идентификации с эталонами, хранящимися в оперативной памяти. Происходит опознание слов как результат повторного по отношению к сформированным эталонам восприятия. Опознание обязательно предполагает идентификацию, но не сводится к ней. При опознании происходит категоризация, т.е. отнесение опознанных слов к определенным лексическим и грамматическим разрядам и классам, без чего невозможно формирование смыслового образа. Действия различения, сличения, идентификации не обязательно совершаются в строгой последовательности. Эти операции осуществляются в составе опознавательного действия, практически сливаются с опознанием. Поскольку при опознании слов, а далее, словесных синтагм и предложений имеет место категоризация, т.е. восприятие как лексического наполнения речевых единиц, так и их грамматических признаков, особое значение приобретает выработка у учащихся грамматических навыков чтения. В долговременной памяти учащихся должны храниться стереотипы различных грамматических форм, в частности стереотипы грамматических форм прошедшего времени PC, ps и impr, без чего невозможно их опознание.

С восприятия начинается смысловая обработка полученной при чтении информации, понимание прочитанного. Понимание относится к области мышления, представляя собой трудноопределяемую категорию. Подчеркивая связь понимания с мышлением, отмечается также его зависимость от творческой и эмоциональной активности чтеца [9, с.126] как и справедливо указывается на то, что общепсихологическое содержание процесса понимания не может быть механически перенесено на понимание текста, так как понимание текста, прежде всего иностранного, опосредовано системой языка в самом объекте понимания и знанием языка читающим [2, с.113-114]. Понимание предполагает движение от внешнего плана речи к внутреннему, к возникновению образа воспринимаемого объекта, формируемого во внутренней речи, который представляет собой не только сокращенный и обобщенный код редуцированных речевых высказываний, но и невербальный - предметно-изобразительный, предметно-схемный код, генетически связанный с языком. С психологической и методической точек зрения можно сделать вывод, что процесс понимания определяется функционированием внутренней речи, объединенной с мышлением. Такое предположение высказывает Б.В.Беляев, который считает, что без непосредственной связи

внутренней речи с мышлением чтение перестает быть чтением и превращается лишь в процесс озвучивания текста, не сопровождающийся пониманием [4,с.103].

Восприятие и понимание текста при чтении - процессы взаимосвязанные. Отмечая зависимость понимания текстового отрывка от анализа контекста произведения, многие авторы указывают, что оно зависит также от адекватного раскрытия значения слов и образования на их основе предложений. По мнению многих ученых, понимание предложения составляет основное звено в понимании всего текста, при этом важнейшую и направляющую роль играет грамматический строй предложения [16,с.89]. В современной науке - лингвистике и методике - утвердился взгляд на глагол как на центр предложения. Таким образом, правильное понимание глагола - основное условие правильного раскрытия смысла предложения и всего текста. Тексты по специальности "история" дают основание утверждать, что для понимания изложенных в них событий в плане прошедшего времени, достаточными могут быть сведения и правила об образовании и значении PC, PS и *impr*. Остальные формы прошедшего времени употребляются в единичных случаях и не существенны для данного вида литературы.

Для приобретения студентами-узбеками необходимых знаний и навыков для понимания PC, PS, *-impr* при чтении специальной литературы следует прежде всего восстановить в памяти те сведения о грамматической сущности этих глагольных форм, которые давались еще в средней школе, пополнить их, систематизировать, перевести в стойкий навык опознания и понимания в тексте глаголов в этих временных формах. Как свидетельствует опыт учебной работы, студенты, начинающие изучать иностранный язык в институте с 3-го курса, т.е. после двухгодичного перерыва, недостаточно подготовлены, особенно по грамматике, т.к. многое ими забыто. Поэтому восстановлению, корректировке и систематизации грамматического минимума следует уделять большое внимание. Анализ типичных ошибок студентов при выполнении заданий констатирующего среза показал, что их подавляющее большинство - результат интерференции родного языка. Исходя из этого, мы считаем, что методический поиск в обучении пониманию форм прошедшего времени французского глагола должен быть направлен на использование родного языка "в роли помощника, а не интерферирующего врага" [2,с.253].

Механизмы родного языка можно поставить на службу овладения иностранным. Поскольку в сознании учащихся родной язык неизменно присутствует, то во всех необходимых случаях он должен стать "хорошим помощником" для овладения изучаемым иностранным [11,с.65]. Интерференцию родного языка можно преодолеть путем целенаправленного показа системных различий родного и иностранного языков. Особо эффективным можно считать обучение грамматической

системе путем сознательного сопоставления, т.е. на основе грамматики родного языка [7,с.158-159]. При целенаправленном, сознательном сопоставлении грамматических явлений родного и иностранного языков важны и результативны для достижения прочности знаний по иностранному языку как неидентичные, так и идентичные грамматические признаки в обоих языках.

Положительное влияние родного языка сказывается в том, что, приступая к изучению иностранного, студенты уже вооружены пониманием сущности многих общелингвистических понятий и грамматических категорий, таких, например, как грамматическое значение частей речи и их основные признаки, особенности функционирования и синтаксическая семантика членов предложения и т.п. При изучении глагольных форм PC, PS и *impr.* студенты-узбеки, опираясь на родной язык, могут усвоить по аналогии с родным, что эти формы образуются как аналитическим способом (PC и неопределенный имперфект в узбекском языке), так и синтетическим (PS, *impr* и прошедшее категорическое и прошедшее перфективное в узбекском языке), что для выражения видового значения французский язык, как и узбекский, не имеет специальных грамматических форм и что для правильного понимания видовой семантики глагольных форм необходимо учитывать наличие в предложениях обстоятельств времени или образа действия (*subitement, souvent, toujours, tous les jours, longtemps* и т.д. во французском языке и соответственно тусатдан, тез-тез, хар доим, куни билан, узок вақт, анча вақт и т.д. - в узбекском).

Учитывая, что грамматическая категория лучше усваивается и закрепляется при противопоставлении форм, следует признать методически рациональными контрастивные сопоставления элементов грамматического строя иностранного и родного языков. В грамматике обычно значимость формы, ее категориальная отнесенность возникают только благодаря противопоставленности качеств. Минимальным необходимым условием противопоставления, образования грамматической оппозиции является наличие не менее двух форм в составе данной категории [6,с/91). Грамматические формы глаголов в прошедшем времени узбекского языка могут эффективно использоваться как опорные члены бинарных оппозиций при обучении опознанию и пониманию глагольных форм прошедшего времени французского языка. Так, при изучении образования PC, PS и *impr* следует акцентировать внимание студентов на грамматических показателях, формально не идентичных узбекским глагольным формам. Например, говоря об образовании аналитической временной формы PC, необходимо особо подчеркнуть препозитивную позицию вспомогательного глагола *avoir* или *etre* по отношению к смысловой глагольной форме, в отличие от постпозитивной позиции узбекского глагольного слова-связки "эди". Обучая синтетическим глагольным

формам PS и impr, следует противопоставить систему аффиксально-флективных формантов французского глагола, отличающихся большим разнообразием, поскольку зависят они не только от времени, лица и числа, но и группы спряжения глагола, системе аффиксальных формантов узбекского глагола, более стандартизованных, так как при наличии в структуре каждой формы прошедшего времени одного определенного временного аффикса личные аффиксы, или аффиксы сказуемости, зависят только от лица и числа, сохраняя постоянную форму для всех глаголов.

Что касается сопоставлений в плане грамматической семантики, особенно важных для понимания выражаемого глагольной формой смысла, то проведенный нами анализ показал преобладание неидентичных категориальных признаков временных форм французского и узбекского глаголов. Сравнительная контрастивность, как уже отмечалось, содержит потенции положительного обучающего эффекта, который должен быть использован на уровне переводных упражнений, предназначенных для формирования грамматических навыков чтения. При недостаточной сформированности грамматических навыков чтения не осуществляется прием словоряда речевой посылки, реализованной в тексте в буквенном коде и грамматических признаках, происходит несовпадение звукомоторных соответствий графического комплекса информации и хранимого в долговременной памяти эталонного звукомоторного образа. В результате не сформируются механизмы понимания читаемого. А без понимания, о чем уже говорилось выше, чтение перестает быть чтением. Таким образом, формирование грамматических навыков чтения - необходимая предпосылка понимания читаемого текста.

Проблеме формирования навыков для рецептивных и репродуктивных видов речевой деятельности посвящены труды многих отечественных психологов и методистов [См. список лит-ры]. Ученые раскрыли природу и механизм выработки навыков и умений при изучении иностранного языка, показали несостоятельность теории интуитивного овладения иностранным языком и обосновали необходимость сознательного обучения, предполагающего аналитико-синтетическую деятельность учащихся. Говоря о формировании грамматических навыков чтения, подчеркивается, что их основой являются грамматические знания [6, с.90].

Осознанное изучение грамматических явлений в соответствии с психолингвистическими особенностями процесса чтения должно привести к выработке грамматических навыков чтения, обладающих определенным автоматизмом. Автоматизированность - одно из основных свойств навыка, она выражается в том, что внимание исполнителя речевого действия специально не направлено на способ его выполнения. Навык должен обладать также такими свойствами, как устойчивость, гибкость и обобщенность. Они выражаются в том, что исполнитель может производить стереотипное действие, приспособленное, однако, к различным

речевым условиям. Это свойства зрелого, сформированного навыка. Они должны быть присущи и грамматическим навыкам чтения. Выработке таких навыков может способствовать специальный комплекс упражнений, основанный на психолингвистических особенностях процесса чтения и на психологической мотивированности поэтапного формирования навыков как сознательно автоматизируемых действий. Основными этапами этого процесса являются: 1) ознакомительный, когда определяется общая цель, представляются и осмысливаются необходимые действия; 2) подготовительный (аналитический), цель которого овладеть отдельными элементами действия на основе анализа способов их выполнения; 3) стандартизирующий (синтетический), предполагающий автоматизацию элементов действия для их сочетания и объединения; 4) варьирующий (ситуативный), цель которого - гибкое, целенаправленное выполнение действий в различных ситуациях.

Процесс формирования грамматических навыков чтения следует представить как конкретизацию изложенных выше поэтапных действий при направлении их на восприятие и переработку грамматической информации текста. В формировании, рецептивного грамматического навыка выделяется прежде всего аналитическая стадия, на которой необходимо овладеть механизмами узнавания и различения грамматических форм. Затем формируется механизм структурирования линейного ряда предложений с их расчленением на словосочетания для их аналитического восприятия и с последующим объединением (синтезированием) вычлененных структур и семантических элементов в целостную фразу. На следующих стадиях осуществляется обильная тренировка сначала на однотипных, а затем и разнотипных текстовых образцах. Исходя из вышеизложенного, можно выделить серию поэтапных действий для формирования грамматических навыков опознания и понимания глагольных форм PC, PS и imp в процессе чтения. В этих действиях разграничиваются четыре этапа, соответствующие по своей психолингвистической сущности тем, о которых говорилось выше.

1. Ознакомительный. На этом этапе определяется объем грамматического материала, подлежащий усвоению, восстанавливаются и систематизируются знания по грамматике иностранного языка, полученные в средней школе, в сопоставлении с родным языком. Формирующие элементы каждой временной формы предлагаются в виде структурных моделей в иностранном и родном языках для их сопоставления и лучшего запоминания особенностей грамматических построений французского глагола. Грамматический материал отрабатывается на знакомой лексике.

2. Подготовительный, или аналитический этап. Знания, восстановленные на предыдущем этапе, переносятся на уровень предикативного ядра предложения. В виде правил-инструкций определяются те умственные

действия, которые должны осуществлять студенты для целенаправленного использования грамматических сведений о глагольном формообразовании и значении при чтении. Поскольку объектом нашего изучения является временная форма глагола, т.е. глагол-сказуемое, то механизм выделения словосочетания или синтагмы оказывается нерелевантным; сочетание "субъект действия + действие" обладает предикативностью и представляет собой структурно-семантический центр предложения, или простое нераспространенное предложение. На этом этапе формируются навыки опознавания и понимания как предикативного звена, так и всего предложения. Действие понимания контролируется выбором эквивалентной временной формы узбекского языка и переводом.

3. Стандартизирующий этап предполагает работу с однотипным для заданной грамматической задачи микротекстом, содержащим многократно повторяемую изучаемую временную форму. , вычленяемое грамматическое явление должно повторяться 6-7 раз. узнавания и понимания значения той или иной формы прошедшего времени (PC, PS, imp), реализующей в микротексте свою однотипную грамматическую семантику (основную или дополнительную). Опора на родной язык осуществляется в форме перевода предложенных микротекстов.

4. Варьирующий этап включает действия на опознавание и понимание одной из изучаемых форм прошедшего времени в различных речевых ситуациях: в текстовых отрывках, где глагольная временная форма употреблена как в основном, так и дополнительных, зависящих от контекстуальных условий значениях, а также выражающих утвердительную, вопросительную и отрицательную семантику. Пересказ на родном языке прочитанного иностранного текста или его частичный перевод - итоговое контрольное действие. На этом этапе достигается автоматизация навыков опознавания и понимания глагольных форм прошедшего времени при чтении.

При обучении пониманию временных форм PC, PSI и imp в процессе чтения необходимо опираться на поэтапность психолингвистических действий, направленных на формирование грамматических навыков чтения. Для составления специального комплекса упражнений следует также учитывать методические принципы организации учебной работы по иностранному языку. Рассмотрение этих вопросов и составляет содержание второго и третьего разделов данной главы.

Основные принципы составления комплекса упражнений

Эффективность обучения любому виду речевой деятельности, как известно, во многом зависит от правильного построения комплекса упражнений. Под комплексом упражнений понимается совокупность упражнений, направленных на усвоение какого-либо частного явления (действия) или небольшой их группы.

Разработка и применение комплекса упражнений осуществляется в соответствии с принципами, имеющимися в современной советской методике преподавания иностранных языков. Эти принципы представляют собой иерархию, состоящую из трех основных уровней [11,с.61].Первый уровень составляют принципы методологического, мировоззренческого характера, которые определяются марксистско-ленинской философией. Второй уровень - это общедидактические принципы: принцип воспитывающего обучения, принцип развивающего обучения, принцип научности, сознательности, активности, наглядности, систематичности и прочности. Третий уровень включает общие, частные и специальные методические принципы. Специальный комплекс упражнений строится на основании вышеперечисленных принципов, специфически преломленных и приспособленных к обучению определенному языковому явлению или факту.

Философской основой построения и применения разрабатываемого нами комплекса упражнений для формирования навыков понимания форм прошедшего времени при чтении является ленинское учение о закономерностях процесса человеческого познания, об общей направленности этого процесса при чтении от зрительных ощущений к осмыслению, умственной переработке полученной и воспринятой информации.

Принцип воспитывающего обучения реализуется в комплексе упражнений отбором материала воспитывающего характера (например, события Парижской коммуны; о героях Сопротивления во время I мировой войны, о совместных действиях советских и французских партизан в борьбе против фашизма и т.д.), способствующего формированию любви к Родине, чувства патриотизма.

Принцип развивающего обучения проявляется в том, что для упражнений отбирается учебный материал в соответствии со специальностью студентов. Такой подход способствует приобретению новых знаний в области будущей специальности, повышению интереса к изучаемой профессии и развитию профессионального мышления.

Принцип научности при создании комплекса упражнений осуществляется с помощью учета данных о психолингвистических особенностях процесса чтения и формирования грамматических навыков чтения, а также с использованием приемов и методов современной методики обучения иностранным языкам.

Принцип сознательности состоит в том, что при опознании и понимании форм прошедшего времени французских глаголов в процессе чтения студенты сознательно опираются на формальные и смысловые признаки этих временных форм, сопоставляют их с соответствующим формами глаголов родного языка.

Принцип активности. При использовании предлагаемого комплекса упражнений достигается как внешняя активность (возможность выполнения на занятии большого количества специальных упражнений, чем при традиционной методике), так и внутренняя активность, заключающаяся в активизации мыслительной деятельности студентов благодаря опоре на структурные модели и таблицы, а также на сопоставления с родным языком.

При создании и использовании комплекса упражнений для обучения опознанию форм прошедшего времени французских глаголов при чтении реализуется также *принцип наглядности*. Имеется в виду как зрительная, так и слуховая наглядность. В комплексе упражнений используются грамматические таблицы, структурные модели. В упражнениях дается фонематическая разметка речевых образцов.

Принцип систематичности заключается в выборе правильной последовательности предъявления грамматического материала в рамках изучаемой темы и подбора читаемых микротекстов и текстов в соответствии с основными дидактическими правилами, конкретизирующими названный принцип: от простого к сложному, от легкого к трудному, от известного к неизвестному. Реализация *принципа прочности* обеспечивается благодаря выполнению большого количества упражнений с сознательной опорой на признаки изучаемых грамматических форм в сопоставлении с родным (узбекским) языком.

Кроме общедидактических принципов при создании и использовании комплекса упражнений, как уже отмечалось выше, должны быть учтены также собственно методические принципы (общие, частные и гениальные). При создании и использовании комплекса упражнений мы опираемся на следующие общие методические принципы:

1) коммуникативная (речевая) направленность обучения; 2) учет особенностей родного языка; 3) доминирующая роль упражнений на всех уровнях и во всех сферах овладения иностранным языком.

Принцип коммуникативной направленности заключается в том, что обучение грамматическим сведениям о формах прошедшего времени французского глагола подчинено задаче понимания и сознательной переработки информации, содержащейся в письменной речи, воспринимаемой при чтении текстов по специальности "история".

Принцип учета особенностей родного языка проявляется в том, что при опознании и понимании форм прошедшего времени французских глаголов в качестве опоры используются соответствующие временные формы глаголов в родном (узбекском) языке. Опора на морфологические и синтаксические средства родного языка в сопоставительном плане позволяет добиться ясного понимания соответствующих структур и значений во французском языке.

Принцип доминирующей роли упражнений реализуется благодаря тому, что обучение студентов узнаванию и пониманию форм прошедшего времени при чтении проводится на специальном комплексе упражнений, в котором за объяснением грамматического материала в виде правил-инструкций следует серия разнообразных упражнений, способствующих формированию у студентов навыков и умений извлечения информации из текстов по специальности. При помощи упражнений студенты приобретают навык понимания того, как изучаемое явление иностранного языка функционирует в речи, как оно используется в решении актуальной учебной задачи.

Одним из важных частных методических принципов построения комплекса упражнений является *принцип обучения иностранному языку на основе типовых образцов*. Обучение студентов чтению текстов по специальности осуществляется с помощью структурных моделей, облегчающих опознание и понимание форм прошедшего времени французского глагола в тексте, в сопоставлении со структурным составом соответствующих форм узбекского глагола.

Важен также *принцип сочетания языковых тренировок с речевой практикой*. В соответствии с этим принципом в комплекс должны входить подготовительные упражнения, при выполнении которых внимание студентов направлено в основном на усвоение языковой грамматической формы, и речевые упражнения, в ходе выполнения которых студенты непосредственно участвуют в соответствующем виде речевой деятельности, в данном случае - в чтении текстов по специальности. Поскольку чтение как учебный аспект подчинено рецептивной коммуникативной задаче понимания письменной речи, то речевые упражнения в комплексе значительно преобладают.

В соответствии с *принципом взаимодействия основных видов речевой деятельности* при разработке комплекса необходимо предусмотреть упражнения не только непосредственно в чтении, но и в других видах речевой деятельности, подготавливающих студентов к извлечению информации из текста. Лексический и грамматический материал, который используется в упражнениях для обучения чтению, предварительно отрабатывается в устных упражнениях: слушании в магнитофонной записи предложений, содержащих изучаемые временные формы, в устном воспроизведении речевых образцов за диктором или преподавателем и т.п. Кроме вышеописанных общих и частных методических принципов, при разработке данного комплекса упражнений учитывались и специальные методические требования, связанные со спецификой конкретной учебной задачи, а именно с обучением опознанию и пониманию временных форм *passé composé*, *passé simple* и *imparfait*. При чтении текстов по истории студентами-узбеками исторических факультетов. Из таких требований укажем на следующие:

1. Выделение коррелятивных по грамматическому значению форм прошедшего времени во французском и узбекском языках при необязательном совпадении их формообразующей структуры (аналитическая форма *passé composé* коррелирует с синтетической формой узбекского прошедшего категорического времени на -ди; семантическим эквивалентом синтетической формы *imparfait* является в узбекском языке синтетически-аналитическая временная форма неопределенного имперфекта на -/а/р эди; соответствие грамматической семантики и формообразующих показателей наблюдается у *passé simple* и у узбекского прошедшего категорического времени).

2. Учет контекстуального окружения для определения видовой семантики функционирующих в письменной речи глагольных форм прошедшего времени. В связи с этим необходимо разграничивать основное грамматическое значение каждой временной формы и ее возможные в определенных контекстуальных условиях дополнительные видо-временные значения. Таким образом, необходимо обучать тому, что каждая форма прошедшего времени французского языка имеет не один, а несколько узбекских временных эквивалентов.

3. Рациональный порядок обучения формам прошедшего времени французского языка в зависимости от изучаемого речевого аспекта -чтения специальной литературы. Форма *passé simple* менее употребительна в исторической литературе, чем *passé composé*, и семантически с ним пересекается. Поэтому серию упражнений на опознание и понимание *passé simple* следует выполнять сразу же после серии упражнений на опознание и понимание *passé composé*. Рациональность предлагаемого нами порядка обусловлена, с одной стороны, сходством грамматической семантики этих временных форм при их функционировании в исторических текстах, что дает возможность облегчить и упростить формирование навыка понимания временной формы PS при чтении, и, с другой стороны, структурно-семантическими особенностями *passé simple*, которые дают возможность для составления внутриязыковой оппозиции при изучении формо- и смыслообразующих показателей временной формы *imparfait*, противостоящей и *passé simple* и *passé composé* по своему основному значению и специфическим суффиксальным формантам. Кроме того, PS и К в своем основном значении имеют общий узбекский эквивалент - прошедшее категорическое время на -ди.

Для составления комплекса упражнений важным оказался и количественный принцип минимальной достаточности, обеспечивающий необходимые прочность и автоматизм формируемых навыков и умений. Для изучения каждой временной формы предусматривается по 18 упражнений (не считая нулевых), включающих достаточное количество повторяемых грамматических форм для выработки навыков их опознания и понимания.

Опираясь на изложенные психолингвистические особенности и этапы формирования грамматических навыков чтения, а также на методические принципы обучения иностранному языку, учитывая специфические условия учебной работы по иностранному языку в узбекской аудитории студентов и используя собственный опыт преподавания иностранного языка в вузе, мы разработали специальный комплекс упражнений для понимания трех форм прошедшего времени французского глагола, а именно PC, PS и imparfait чтении текстов по специальности "история".

Рассмотрим более подробно содержание данного комплекса и предусмотренные им виды учебной работы.

Комплекс упражнений для формирования навыков опознания и понимания временных форм passé compose, passe simple и Imparfait при чтении

Прежде чем перейти к описанию предлагаемого нами специального комплекса упражнений, следует хотя бы вкратце охарактеризовать, как в настоящее время осуществляется в педвузах Узбекистана обучение грамматическим навыкам, необходимым для чтения специальной литературы. В соответствии с программой по иностранному языку для неязыковых факультетов педагогических институтов Узбекистана изучение рассматриваемых нами форм прошедшего времени французского глагола проводится в два этапа. На первом этапе (конец У1-го семестра) изучается форма passé compose, на втором этапе (УП-й семестр) изучаются imparfait и passé simple.

Беседы с преподавателями, наблюдения за ходом педагогического процесса, ознакомление с планами занятий дают основания для заключения о том, что существующая организация занятий имеет следующие недостатки:

- упражнения, которые выполняются на занятиях для закрепления грамматического материала и проверки понимания текста, не направлены на формирование навыков и умений в определенных видах речевой деятельности; перед чтением текста не дается установка на знание и понимание грамматических форм, в частности, форм прошедшего времени французского глагола;
- студентов не знакомят с различными вариантными грамматическими значениями форм прошедшего времени французского глагола;
- в упражнениях не предусмотрено обучение способам передачи этих значений соответствующими средствами узбекского языка;
- преподаватели не объясняют студентам образование отрицательных и вопросительных форм предложений с глаголом-сказуемым в passe simple и imparfait; данный грамматический материал не отражен и в программе. В результате указанных недостатков студенты не приобретают необходимых грамматических навыков понимания читаемого специального текста,

недостаточно подготовлены к восприятию и извлечению: информации, содержащейся в литературе для чтения на французском языке.

Преодолению вышеперечисленных недостатков может способствовать разработанная нами методика обучения студентов-узбеков опознанию и пониманию форм прошедшего времени французского глагола при чтении текстов, основанная на использовании специального комплекса упражнений, психолингвистическое обоснование и методические принципы которого изложены в предыдущих разделах данной главы. Комплекс состоит из четырех серий упражнений и рассчитан на 14 часов аудиторного времени (см. таблицу 10).

В первой серии усваивается форма PC, во второй и третьей - соответственно формы PS и *impr.* При работе над каждой временной формой учитываются этапы формирования грамматических навыков чтения. На 1-м часе аудиторных занятий по каждой из первых трех серий выполняются упражнения, соответствующие ознакомительному этапу и частично подготовительному. На 2-м часе завершается выполнение дотекстовых упражнений подготовительного этапа, и студенты приступают к заданиям на основе микротекстов, предусмотренных стандартизирующим этапом. Эта работа заканчивается на 3-м учебном часе, когда осуществляется переход к упражнениям варьирующего этапа, т.е. текстовым. Работа над текстовыми упражнениями заканчивается на 4-м учебном часе. Каждая из изучаемых временных форм французского языка отличается определенными дифференцирующими формальными признаками. Серии упражнений, предназначенные для обучения опознанию и пониманию какой-либо одной временной формы, включают наряду с общими для всех времен упражнениями и такие, которые соответствуют специфике только данной изучаемой временной формы.

Упражнения 1У серии комплекса (13-14-й час аудиторных занятий) относятся к варьирующему этапу формирования грамматических навыков. Они предусматривают чтение оригинальных адаптированных исторических текстов, включающих все усвоенные формы прошедшего времени французского глагола. Каждая серия, кроме 1У-й, состоит из 17-18 упражнений, из которых 10-11 выполняются на занятиях, а 6-7 даются как домашнее задание для самостоятельной работы студентов. Четвертая серия, как итоговая, включает 4 аудиторных упражнения по чтению отрывков из специальной литературы. Поскольку этой серией завершается работа над формированием навыков опознания и понимания форм прошедшего времени при чтении, следует подвести краткие итоги и дать студентам установку на дальнейшее самостоятельное чтение литературы по специальности. Работа по овладению грамматическими навыками опознания и понимания читаемых текстов может быть успешной только в сочетании с соответствующей лексической подготовкой студентов. В силу этого для комплекса упражнений подбирались предложения, микротексты

и тексты, содержащие, в основном, изученную лексику. Незнакомые слова, знание которых необходимо для понимания текста, включены в краткий вспомогательный словарь.

Процесс чтения иностранной литературы по специальности имеет конечной целью извлечение содержащейся в ней информации, правильное понимание читаемого. В соответствии с количеством учебных часов и с целями обучения иностранному языку, понимание иноязычного текста связано с внутренним переводом на родной язык, с мышлением, словесно выражаемом в формах и структурах не иностранного, а родного языка. При выполнении упражнений, которые предусматривают сопоставление лексико-грамматических форм обоих языков, нахождение смысловых эквивалентов и перевод, реализуется опора на родной (узбекский) язык. Определенная однотипность заданий (перевод или подыскание узбекских эквивалентных глагольных форм) объясняется тем, что именно переводные упражнения формируют навык переключения, сущность которого состоит в образовании таких связей между иностранным словом и его эквивалентом в родном языке, когда зрительное восприятие иностранного слова автоматизированно и без видимых усилий вызывает возникновение его эквивалентов на родном языке [12,с. 86-89]. Кроме того, переводные задания имеют не только обучающую направленность, но и дают возможность осуществлять контроль за правильностью выполненных действий. Решение учебной задачи опознания и понимания глагольных форм прошедшего времени французского языка при чтении требует не столько знаний, сколько навыков и умений. При формировании же навыков и умений на первый план выдвигается такой способ обучения, как подкрепление, ибо успешное их становление невозможно без того, чтобы обучающийся не знал, правильны ли его действия или нет [13,с.64].

На *ознакомительном* этапе первых трех серий комплекса определяется общая цель учебных заданий. Поскольку для правильного понимания читаемого текста необходимы грамматические знания о формах прошедшего времени французского глагола, следует проверить, насколько студенты вооружены ими на основе курса средней школы. Сведения о временных формах PC, PS, *impr* систематизируются. Выполняются упражнения, которые по назначению в данном комплексе определяются как нулевые, ибо они непосредственно еще не предусматривают чтения как такового и направлены на приобретение грамматических навыков, необходимых как для рецептивных, так и для репродуктивных видов речевой деятельности. Это языковые упражнения, цель которых проверить и откорректировать знания студентов по формообразованию и типовому значению PC, PS и *impr*.

Хотя разработанный нами комплекс упражнений имеет общую направленность на выработку коммуникативных навыков рецептивной речевой деятельности, языковые упражнения в нем - необходимый

компонент. Именно с их помощью осуществляется начальная подготовка к опознанию глагольных временных форм. Многие методисты высказывают справедливое мнение о том, что из системы **или** комплекса упражнений нельзя исключать языковые упражнения, так как они являются их "неизбежным компонентом" [10,с.24].

Упражнения ознакомительного этапа выполняются в устной форме и с опорой на структурные модели в виде зрительных наглядных пособий - грамматических таблиц, схематически представляющих формообразующие элементы того или иного времени французского языка в сравнении со структурой эквивалентных узбекских временных форм.

Особо подчеркивается, что в отличие от родного языка, где личные местоимения при глаголе имеют факультативное употребление во французском языке они обязательный структурный элемент глагольной формы. Интенсивному повторению подлежат широкоупотребительные по своему лексическому значению глаголы 3-й группы, имеющие нестандартное спряжение (*aller, battre, faire, lire, pouvoir, savoir, venir* и т.д.). Задания на этом этапе основаны на словоформах и словосочетаниях и имеют следующий характер:

- а) по модели, данной в таблице, образуйте устно форму прошедшего времени следующих французских глаголов во всех лицах единственного и множественного числа, сравните их структурный состав со структурой эквивалентной формы узбекского глагола;
- б) проспрягайте устно в заданной форме прошедшего времени следующие глаголы, представленные на отдельных карточках. Подберите к ним узбекские эквиваленты.

При выполнении заданий контролируются не только знания грамматического материала, но и произносительные навыки, также необходимые для обучения чтению.

Подготовительный, или аналитический этап включает упражнения, основную синтаксическую единицу которых составляет простое предложение. Они направлены на опознание по формальным признакам, а затем и понимание глагола-сказуемого в форме прошедшего времени. Это - упражнения дотекстовые, готовящие к чтению связного текста. Они должны удовлетворять следующим требованиям: быть достаточно большими по объему (не менее 6-7 случаев вычленения изучаемой грамматической формы в каждом упражнении), чтобы обеспечить автоматизм восприятия; по построению - стереотипными, чтобы создавались условия для сосредоточения внимания студентов на нужном грамматическом явлении. Поскольку упражнения выполняются на уровне предложения, студенты должны знать особенности построения простого предложения во французском языке. В родном и французском языках положение структурных компонентов в пределах синтаксической организации простого предложения не совпадает. Если в родном языке

глагол-сказуемое находится в конце предложения (модель SOV, где S - подлежащее, V - глагол-сказуемое, O – второстепенный член). – то во французском языке он следует непосредственно за подлежащим (модель SVO). Постоянное место глагола-сказуемого во французском предложении облегчает студентам процесс опознавания и понимания глагольных форм при чтении. Они должны знать, на каком месте во французском предложении следует их искать.

В силу того, что сведения о структурных особенностях простого предложения французского языка уже должны храниться в долговременной памяти студентов, в данном комплексе не предлагаются специальные упражнения на этот материал, но соответствующие навыки проверяются и при необходимости корректируются при выполнении упражнений на опознавание временных глагольных форм.

Упражнения подготовительного этапа имеют аналитический характер и выполняются последовательно после предлагаемых вниманию студентов правил-инструкций, содержащих необходимые указания на опознавательные формальные признаки изучаемых временных форм и выражаемые ими видо-временные значения.

Разработанный нами комплекс упражнений рассчитан как на аудиторские занятия, так и на самостоятельную работу студентов. При его описании те упражнения, которые рекомендуются студентам для домашнего задания, отмечаются символом (*).

Отдельные упражнения предполагают устное воспроизведение ряда предложений, записанных на магнитную пленку, т.е. воспринятых на слух при зрительной опоре на печатный текст. Подключение к зрительным слуховых, слухомоторных и речедвигательных анализаторов способствует лучшему запоминанию грамматического материала, необходимого для формирования навыков чтения, так как чем больше анализаторов принимает участие в реализации запоминания, тем оно прочнее. Озвучивание и проговаривание ускоряет процесс усвоения языкового материала, обеспечивает его надежное запоминание а также его воспроизведение во внутренней речи, что особенно важно для опознавания и понимания грамматических форм. О необходимости громкого чтения при выработки грамматических навыков чтения пишет И.М.Берман: «Грамматическое явление для его автоматизации должно обязательно пройти стадию громкого воспроизведения (чтения вслух)» (5, с.188).

Для упражнений предложения подбираются так, чтобы видо-временная семантика глагола в них не зависела или минимально зависела от особых контекстуальных условий, т.е. реализовалась бы в типичном грамматическом значении.

С учетом вышеизложенного предлагаются такие задания:

1. Прослушайте образцовое чтение диктором следующих предложений. Опираясь на письменный вариант, повторите каждое предложение за

диктором, соблюдая паузы. Найдите глаголы-сказуемые и их соответствия в узбекском языке.

2. Прочитайте следующие предложения вслух по образцу с размеченными интонационными знаками. Сверьте свое произношение по звуковому ключу. Повторите предложения с правильной интонацией и дайте их перевод.

3. Прочитайте про себя следующие предложения. Опираясь на формальные признаки, выпишите глаголы-сказуемые и определите их структурные временные показатели, сравнив их с формальными признаками узбекских эквивалентов.

В первой серии упражнений для правильного опознания формы РС необходимы дифференцирующие упражнения на отграничение РС от пассивной конструкции типа *Le livre est lu? Le travail est fait* и т.п.

4. Прочитайте следующие предложения про себя. Выпишите номера. Задания на этом этапе основаны на словоформах и словосочетаниях и имеют следующий характер:

а) по модели, данной в таблице, образуйте устно форму прошедшего времени следующих французских глаголов во всех лицах единственного и множественного числа, сравните их структурный состав со структурой эквивалентной формы узбекского глагола;

б) проспрягайте устно в заданной форме прошедшего времени следующие глаголы, представленные на отдельных карточках. Подберите к ним узбекские эквиваленты.

Для тренировки навыков опознания грамматических форм большое значение имеет, кроме сопоставлений с родным языком, использование внутриязыковых оппозиций. Начиная с выполнения 2-й серии упражнений (глагольная форма PS), изучаемое время по формальным признакам сравнивается с уже изученным. Подчеркиваются дифференцирующие признаки, например, синтетизм форм *PSHtimp* по сравнению с аналитическим формообразованием РС, разграничиваются по контрастивному сопоставлению формообразующие для каждого времени аффиксы и окончания.

Упражнения на внутриязыковую дифференциацию изучаемых глагольных форм прошедшего времени включаются во 2-ю и 3-ю серии комплекса. Так, во 2-й серии предлагается упражнение:

а. Прочитайте следующие предложения. Определите сказуемые. Выпишите номера предложений со сказуемым в форме РС в колонку "А" и в форме PS в колонку "Б". Дайте их перевод.

В 3-й серии упражнение усложняется добавлением еще одной временной формы (*impr*).

Опознание глагольных временных форм в упражнениях дифференцирующего характера полезно и как способ проверки прочности ранее изученных форм прошедшего времени.

На данном, аналитическом, этапе формируется также умение опознать отрицательную и вопросительную формы предложений со сказуемым в PC, PS или *impr*.

б. Прочитайте следующие предложения про себя. Выпишите номера утвердительных предложений в колонку "А", отрицательных - в колонку "Б" и вопросительных - в колонку "В".

в. Прочитайте следующие вопросительные предложения про себя. Прослушайте их запись на магнитной ленте. В паузах дайте ответ на родном языке на каждый вопрос.

Упражнения аналитического этапа направлены на выработку навыков опознания глагольных форм прошедшего времени и понимания их основного грамматического значения. Они готовят к переходу к чтению однотипных, а затем и разнотипных микротекстов и текстов.

Упражнения на уровне микротекста проводятся на *стандартизирующем* этапе.

Цель упражнений этого этапа заключается в том, чтобы научить студентов, опознав ту или иную форму прошедшего времени, правильно понять ее значение в речевом функционировании. Каждая из изучаемых форм прошедшего времени французского языка имеет семантический потенциал, включающий как основное, так и дополнительные видо-временные значения.

Подбираемые для упражнений этого этапа микротексты должны быть разнообразны и выявлять различные семантические возможности одной и той же глагольной временной формы. При этом каждый микротекст должен отличаться однотипностью реализуемого в нем грамматического значения глаголов, употребленных в прошедшем времени. Например, в одном микротексте глаголы в *impr* реализуют свое основное значение, т.е. обозначают длительное незавершенное прошедшее действие, в другом - они обозначают длительное, но завершенное прошедшее действие; в третьем - однократное завершенное прошедшее действие. Два последних значения не типичны для данного времени и обусловлены контекстом, наличием в нем обстоятельственно-временных указаний на ограниченный период протекания действия (*l'annee rassee, au mois de septembre, tout a coup, jusqu' l'hiver* и т.д.).

Каждый микротекст состоит из предложений, тематически связанных и содержащих 7-9 случаев вычленяемой глагольной формы прошедшего времени.

Во второй серии комплекса, предназначенной для изучения PS, необходимы также упражнения, которые обучали бы студентов с помощью контекста различать временной план глаголов 3-й группы, имеющих омонимичные личные формы единственного числа в *present* и *PS* (например: *il finit, rit, suffit, luit, fuit, dit, conclut* и др.).

На четвертом, *варьирующем*, этапе выполняются текстовые упражнения, основанные на связном тексте и требующие полной сформированности навыков опознания и понимания как основного, так и дополнительного значения изучаемой формы прошедшего времени в виде фразовых стереотипов.

Первое упражнение этого этапа имеет целью проверить прочность формируемых грамматических навыков чтения. Последующих два упражнения направлены на выработку автоматизма навыков понимания контекстуального значения глаголов-сказуемых в форме прошедшего времени.

Четвертая серия комплекса состоит из упражнений в чтении оригинальных адаптированных исторических текстов, включающих все усвоенные формы прошедшего времени французского языка. С психолингвистической точки зрения упражнения этой серии относятся только к четвертому, варьирующему, этапу обучения. Упражнения выполняются на последних, 13-м и 14-м учебных часах занятий и предусматривают чтение и перевод на родной язык, чтение и пересказ на родном языке, письменное аннотирование на родном языке прочитанного текстового отрывка.

Включенные в данный комплекс упражнения на формирование грамматических навыков чтения характеризуются активизацией не только зрительных, но и слуховых, речедвигательных и моторных анализаторов. Поэтому в них предусматриваются задания не только на чтение и перевод, хотя они преобладают, но также и на аудирование, говорение, письмо. Используются элементы лингвистического анализа.

Структура комплекса отражает дидактический принцип "от простого к более сложному", в соответствии с которым изменяются языковые элементы, лежащие в основе упражнений на каждом этапе: 1-й этап - нулевые упражнения, выполняемые на основе словоформы и словосочетания;

2-й этап - упражнения, выполняемые на основе отдельного предложения;

3-й этап - упражнения на основе микротекста;

4-й этап - упражнения на основе текста.

Чтение литературы на иностранном языке, как уже отмечалось ранее, требует сформированности грамматических навыков. Эти навыки вырабатываются при целенаправленном изучении грамматики, т.е. изучении выборочных грамматических сведений, необходимых только для чтения текстов.

Разработанный нами специальный комплекс упражнений соответствует этому требованию.

Формирование собственно грамматических навыков чтения осуществляется на следующем, подготовительном, этапе.

Обучение на этом этапе начинается с правил-инструкций, которые должны обеспечить умение опознания и понимания РС в тексте, которые

содержали бы ограниченный этой задачей объем сведений о данном грамматическом явлении. Все избыточные сведения должны быть из описания грамматических правил исключены. Ограничение объема признаков делает объяснение не только "экономным", но и более доходчивым и лучше усваиваемым [5,с.175].

Так, при объяснении грамматических правил об образовании и употреблении РС, подчиненных задаче обучения чтению, избыточными оказались следующие признаки:

1) о согласовании РР спрягаемого глагола в роде и, числе с подлежащим при наличии вспомогательного глагола *etre* и о том, что при спряжении глагола с *avoig* такое согласование не производится;

2) об особенностях употребления РС;

3) о месте, занимаемом формантами *ne...pas*, *ne...plus* при отрицательной форме глагола-сказуемого в РС;

4) о том, что инверсионная перестройка компонентов РС при вопросительной форме затрагивает только вспомогательный глагол;

5) о необходимости употребления в вопросительной инверсионной форме интерфикса "t" между вспомогательным глаголом *avoig* и местоимениями *il*, *elle* *on* и др. Все эти грамматические признаки реализуются непосредственно в самом тексте.

Правила-инструкции при обучении студентов-узбеков опознанию и пониманию РС предполагают отбор материала, объясняющего три основных момента:

1) формальный признак формы; 2) значение формы и его зависимость от контекста; 3) указание на ее узбекские эквиваленты.

Предлагаемые студентам правила-инструкции не только содержат сведения о формальных признаках и содержании грамматического явления, но и включают указания на соответствующие умственные действия, которые необходимо совершить, чтобы опознать и понять эти грамматическое явление в тексте.

Для облегчения действий студентов по опознанию РС и его отграничению от пассивной формы используется наглядность в виде таблиц, содержащих список глаголов движения и примеры возвратных глаголов, образцы их спряжения в РС, а также узбекские эквиваленты для глаголов в РС и пассивной форме.

Упражнения подготовительного этапа носят направленно-аналитический характер и основаны на вычленении грамматического явления. Это специальные дотекстовые упражнения, на которых проверяется умение студентов пользоваться правилами-инструкциями. Их исходную синтаксическую единицу составляет предложение.

Учебным материалом на *стандартизирующем* этапе служат микро-тексты. В работе с ними решаются две основные задачи:

во-первых, закрепление навыка опознания глаголов в форме РС при чтении, и, во-вторых, расширение и уточнение сведений о семантических возможностях РС при употреблении этого времени в различных контекстных ситуациях. Для решения второй задачи студентам даются дополнительные грамматические сведения. В целом этот объем раскрывается по мере появления случаев его различного употребления в учебных текстах [5,с.183].

Прежде чем студенты приступят к выполнению упражнений на уровне микротекстов, им предлагается правило-инструкция, которое дополняет их знания о грамматической семантике, реализуемой глаголами в РС при их функционировании в различных текстах. Глаголы в РС могут выражать не только свое основное значение прошедшего завершённого действия, отмеченное в учебнике Д.Г.Хасановой и др. [15,с.13), но и могут иметь дополнительные значения.

Семантика РС подвижна и наряду с типичным значением может выражать и нетипичные для этой временной формы значения длительности, повторяемости действия. Выполненные на этом этапе достаточные по количеству упражнения для опознания глагольной формы РС и понимания ее функционально однородных значений должны способствовать закреплению сформированных у студентов фразовых стереотипов на каждое из возможных значений РС.

Занятия, посвященные РС, заканчиваются упражнениями *варьирующего* этапа. Они выполняются на учебном материале оригинальных (адаптированных) текстов с произвольным чередованием глаголов в РС, обозначающих как завершённые прошедшие, так и длительные, повторяемые действия. Эти упражнения направлены на достижение автоматизма в опознании и понимании глаголов в РС, встречающихся в исторических текстах. Упражнениями *варьирующего* этапа завершается формирование искомых грамматических навыков чтения, связанных с временной формой РС.

Занятия по формированию навыков опознания и понимания PS и *imp* при чтении (вторая и третья серии) организуются аналогично изложенному ходу учебной работы по выполнению первой серии упражнений комплекса, но с включением дифференцирующих упражнений, отражающих специфику каждой из этих временных форм.

Заключение

1. Формирование навыков опознания и понимания глагольных форм прошедшего времени - один из важных компонентов общей учебной задачи обучения чтению, поскольку глагол-сказуемое является смысловым и структурным ядром предложения.

2. Для обучения пониманию событий, изложенных в текстах по специальности "история" в плане прошедшего времени, необходимым

достаточным грамматическим материалом могут быть сведения о структуре и значении PC, PS и *impr*.

3. В соответствии с этапами восприятия и переработки грамматической информации текста можно выделить следующие этапы формирования навыка опознания и понимания при чтении глаголов-сказуемых в формах PC, PS и *impr*: а) ознакомительный, б) подготовительный (аналитический), в) стандартизирующий, г) варьирующий.

4. Формы прошедшего времени в узбекском языке могут эффективно использоваться как опорные члены бинарных оппозиций при обучении опознанию и пониманию временных форм PC, PS, *impr*.

5. При формировании грамматических навыков понимания глагольных форм в PC, PS и *impr* необходимо:

а) установить основные для каждой временной формы французского языка узбекские эквиваленты;

б) учесть контекстные связи и найти узбекские эквиваленты для глагольных форм в PC, PS и *impr* не как для самостоятельных лексических единиц, а как для компонентов общего смысла читаемого текста.

6. Формы прошедшего времени французского глагола следует изучать в таком порядке: PC—>PS—>*impr*, изменив традиционную последовательность изучения этих форм (PC—>*impr*—>PS),

7. Неидентичность категориальных признаков временных форм неродственных языков (французского и узбекского) вызывает необходимость широкого использования переводных упражнений для преодоления грамматических трудностей при чтении и для правильного понимания иностранного текста.

8. Комплекс упражнений, предназначенный для обучения пониманию форм PC, PS и *impr* при чтении, включает как однотипные упражнения, необходимые для формирования фразовых стереотипов, на основании которых закрепляются грамматические навыки чтения, та и упражнения с разнотипными текстами, необходимыми для достижения гибкости и автоматизма искомых навыков.

9. В узбекском языке временные формы более дифференцированы, чем во французском, в связи с чем грамматическое значение PC, PS, *impr* находит свое выражение в нескольких временных формах. Однако в силу того, что видо-временная семантика форм прошедшего времени французского глагола может пересекаться и в определенных условиях функционирования различные времена, прежде всего PC и PS могут выражать сходное видо-временное значение, одно и то же прошедшее время узбекского языка может выступать в роли их общего эквивалента.

10. В методических целях важно выделить основную и дополнительную семантику каждой из форм прошедшего времени французского глагола и определить соответствующие этой семантике узбекские эквиваленты.

11. Для обучения студентов-узбеков умению определять дополнительные видо-временные оттенки, которые могут приобретать PC, PS и *impr*, необходимо направлять их внимание на контекст его учетом находить соответствующий узбекский временной эквивалент.

12. Анализ допущенных студентами-узбеками ошибок по опознанию и пониманию форм прошедшего времени французского языка при чтении убеждает в том, что основное количество ошибок на опознание форм прошедшего времени объясняется недостаточно прочными знаниями по грамматике французского глагола, а главная причина смысловых ошибок заключается в интерферирующем влиянии родного языка.

13. Основное количество ошибок на опознание (63%) - результат внутриязыковой интерференции. Недостаточно прочные знания по грамматике французского глагола служат причиной неопознания форм PC, PS, *impr*, а также смещения форм PS и *impr* с настоящим временем. 37% ошибок допущены студентами под влиянием межъязыковой интерференции, которая в данном случае заключается в том, что в узбекском языке, имеющем глагольные аналитические формы, нет структуры, аналогичной по составу и построению французской временной форме PC.

14. Под влиянием межъязыковой интерференции совершается большинство ошибок на понимание значений форм прошедшего времени иностранного языка, причем в 33% ошибок она действует как единственная причина, а в 67% выступает в комплексе с внутриязыковой интерференцией.

15. Специальный комплекс упражнений должен быть построен на основе контрастивного сопоставления систем прошедшего времени французского и узбекского языков как в плане структуры, так и в плане содержания.

Литература

1. Аракин В.Д. Сравнительная типология английского и русского языков. – Л.: Просвещение, 1979.
2. Артемов В.А. Психология обучения иностранному языку. – М.: Просвещение, 1969.
3. Барсук Р.Ю. Основные проблемы обучения иностранным языкам в национальной школе. – Дис. ... д – ра пед. Наук. – Баку, 1967.
4. Беляев Б.В. Очерки по психологии обучения иностранным языкам. – М.: Учпедгиз, 1965.
5. Берман И.М. Методика обучения английскому языку в неязыковых вузах. – М.: Высш. школа, 1970.
6. Берман И.М. Фразовые стереотипы и обучение чтению текстов. В кн.: Научн – методическая конференция по вопросам обучения иностранным языкам в высшей школе: Тез. Докл. М., 1977, с. 35-37.

7. Буранов Дж.Б. Сравнительная типология английского и тюркских языков. –М.: Высш. школа, 1983. -276 с.
8. Виноградов В.В. Развитие светского языкознания. – Сессия отделения общ. Наук АН СССР. – М., 1951, с.38-47.
9. Клычникова З.И. Психологические особенности обучения чтению на иностранном языке. –М.: Просвещение, 1983.
10. Лapidус Б.А. Интенсификация процесса обучения иноязычной устной речи. – М.: Высш. школа, 1970. – 127 с.
11. Ляховицкий М.В. Принципы методики обучения иностранным языкам. В кн.: Методика обучения иностранным языкам в средней школе. М., 1982, с. 61 – 70.
12. Миньяр – Белоручев Р.К. Последовательный перевод. –М.: Высш.школа, 1968.
13. Миньяр-Белоручев Р.К. Вопросы теории контроля в обучении иностранным языкам. – Иностр. яз. в школе, 1984, №6 , с. 64-68.
14. Общая психология (под ред. Проф. А.В. Петровского). – М.: Просвещение, 1970.
15. Хасанова Д.Г. Француз тилидарслиги. – Тошкент. Укитувчи, 1972.
16. Щерба Л.В. Преподавание иностранных языков в средней школе. Изд. Второе / Под ред. И.В. Рахмонова. - М.: Высш. школа, 1974.

Для цитирования:

Suggested Citation:

Общество - Язык - Государство: ретроспектива и перспектива

Society – Language - State: a retrospective and perspective

1. Английское возрождение: трансформация философии понимания как фактор развития информационной культуры эпохи

Шадманов К. Б., докт. филос. наук, проф., Бухарский государственный медицинский институт, Бухара, Узбекистан

English Renaissance: transformation of understanding philosophy as a factor of the development of information culture of the epoch

prof. Kurban B. Shadmanov, Doct. of Science (Philos.), Bukhara State Medical Institute, Bukhara, Uzbekistan

E-mail: qurbonjonsh@gmail.com

2. Опыт постсоветского развития государства, общества и культуры

Абасов А.С., докт. филос. наук, проф., Институт философии Национальной АН Азербайджана, Баку, Азербайджан

Experience of Post-Soviet development of the state, society and culture

prof. Ali Abasov, Doct.of Science (Philos.), Azerbaijan Natonal Academy of Sciences, Baku, Azerbaijan

E-mail: kila50@mail.ru

3. Semantics of the word in the culture mirror

assoc. prof. Rustamov D. A., Doctor of Philosophy in Philological sciences (PhD),

Andizhan State University, Andizhan, Uzbekistan

Семантика слова в зеркале культуры

Рустамов Дилшодбек, доцент, доктор философии (PhD), Андижанский государственный университет, Андижан, Узбекистан

E-mail: dilsod_bek@bk.ru

4. От человека преодолевающего к культуре преодоления: онтологические основания

Мацына А., кандидат философских наук, доцент

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

The Journey from a Man of Overcoming to a Culture of Overcoming — ontological foundations

Andrey I. Matsyna, candidate of science, assistant-professor, Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia

E-mail: matsyna@inbox.ru

5. Euphemization as a lingua-cultural phenomenon

Rustamova D. A., Doctor of Philosophy in Philological sciences (PhD), Andizhan State University, Andizhan, Uzbekistan

Эвфемизация как лингво-культурное явление

Рустамова Д. доктор философии (PhD), Андижанский государственный университет, Андижан, Узбекистан

E-mail: dilsod_bek@bk.ru

6. Социально-философские основания стиля научного мышления

Шермухамедова Н.А., доктор философских наук, профессор
Национальный университет Узбекистана, Ташкент, Узбекистан

Socio-philosophical bases of the style of scientific thinking

prof.Shermukhamedova N.A., Doctor of Science (Philos.), National University of Uzbekistan, Tashkent, Uzbekistan

E-mail: shermuhamedova_n@mail.ru

7. Technology intelligence in practice: a modern approach

Akhatjon Nasullaev, Philosophy Doctor (), Bukhara State Medical Institute, Bukhara, Uzbekistan

Raffaella Manzini, LIUC-University of Carlo Cattaneo, Castellanza, Italy

Технология интеллекта на практике: современный подход

Ахаджон Насуллаев, доктор философии (PhD), Бухарский государственный медицинский институт, Бухара, Узбекистан

Рафаэлла Манзини, Университет Карло Каттанео, Кастеланза, Италия

E-mail:

8. Ментальные особенности психолингвистических и методических основ формирования грамматических навыков опознания и понимания форм прошедшего времени французского языка

Бакаев Нажмиддин Бакаевич, кандидат педагогических наук, доцент

Бухарский государственный медицинский институт, Бухара, Узбекистан

Mental features of psycholinguistic and methodological bases forming the grammar skills of understanding and understanding the forms of the past time of the French language

assoc. prof.Bakaev Najmiddin, Candidade of Science (Pedagogics), Bukhara State Medical Institute, Bukhara, Uzbekistan

E-mail:

9. Названия узбекских национальных блюд как отражение узбекской национальной самобытности

Раджабова Азима Темуровна, Бухарский государственный медицинский институт, Бухара, Узбекистан

Names of Uzbek national dishes as reflection of Uzbek national identity

Azima Radjabova, Bukhara State Medical Institute, Bukhara, Uzbekistan

E-mail:radjabovaazima711@gmail.com

10. Коррупция как социально-этическая проблема

Бердимуратова Алима Карлыбаевна, доктор философских наук, профессор Каракалпакский государственный университет

Бердимуратов Наурыз Мамбет улы, ст.3 курса ф-та государственного управления МГУ им.М.В.Ломоносова

Corruption as a social and ethical problem

Berdimuratova Alima Karlybaevna, Doctor of Science (Philos.), Karakalpak State University; Berdimuratov Nauriz Mambet Uli, Moscow State University

E-mail: alimaberd@mail.ru

Научное издание

16+

Общество - Язык - Государство: ретроспектива и перспектива

Коллективная монография

Редакционная коллегия:
Шадманов К.Б., Вильданов У.С., Аяжан Сагикызы

Дизайн обложки:

Перевод на английский язык
Шадманов К.Б.

Печатается в авторской редакции

<i>Редактор:</i>	<i>Г.Муродов</i>
<i>Тех.редактор:</i>	<i>Г.Самиева</i>
<i>Корректор:</i>	<i>А.Каландаров</i>
<i>Наборщица:</i>	<i>М.Ортикова</i>

Лицензия издательства АИ № 178. 08.12.2010. Разрешено к печати: 04.10.2019. Размер 60х84. Кегл 16. «Times New Roman» гарн. Офсетная печать. Офсетная бумага. 16,0 п.л.. Тираж 100. Буюртма №158.

Управления по печати и информации Бухарской области
Издательство “Дурдона”. г.Бухара, ул. М.Икбола, 11.
Цена договорная.

Опечатано в типографии ООО “Sadriddin Salim Buxoriy”.
г.Бухара, ул. М.Икбола, 11. Тел.: 0(365) 221-26-45